



ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

XXI ВЕК

Volume 19

№ 3 (68) 2023

Научно-правовое издание

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА,
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – Р. В. ЕНГИБАРЯН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Франческо Адорнато – профессор, ректор Университета г. Мачерата, Италия
- Алексеева Т.А. – заведующий кафедрой политической теории МГИМО МИД России, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия
- Амплеева Т.Ю. – профессор кафедры государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, Россия
- Фабрицио Д'Ашено – профессор Римского Университета Сапиенца, Италия
- Ван Чэньсин – ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, заместитель генерального секретаря Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китай
- Гаман-Голутвина О.В. – заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор
- Гао Чэнг – профессор, главный редактор, журнал современных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Китай
- Грибанов Д.В. – доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и цифровой трансформации Уральского государственного юридического университета, Россия
- Проф. доктор Стивен Гуанненг Донг – Китайский Университет связей с общественностью, декан факультета непрерывного образования, профессор в сфере коммуникаций и лидерства, Национальная школа управления, Китай
- Эмилианидис Ахилл – профессор, декан юридического факультета Университета Никосии, Кипр
- Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Россия
- Ендолычева А.В. – профессор кафедры государственного регулирования, доктор юридических наук, профессор, Россия
- Йе Хайлинь – профессор, руководитель исследований Южной Азии, Национальный институт международной стратегии, Китайская академия общественных наук, Китай
- Иншакова А.О. – заведующий кафедрой гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Россия
- Камолов С.Г. – профессор кафедры управления активами МГИМО МИД России, доктор экономических наук, доцент, Россия
- Краснов Ю.К. – доктор юридических наук и доктор исторических наук, Россия
- Хосе А. Моранде Лавин – Институт международных исследований Университета Чили, Чили
- Лебедева М.М. – заведующий кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Россия
- Мальгин А.В. – проректор по развитию МГИМО МИД России, кандидат политических наук, доцент, Россия
- Душан Павлович – доктор, факультет политических наук Белградского университета, Сербия
- Потье Тим – профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, Ph.D., Россия
- Сардарян Г.Т. – декан факультета управления и политики, доктор политических наук, Россия
- Субочев В.В. – заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия
- Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, академик РАН, Россия
- Тайаги Парул – Ph.D. (менеджмент), преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов, Россия
- Доктор Герхард Шнейдер – профессор международного менеджмента и политической экономии, Ph.D. in Political Science, Лондонский университет Лафборо, Великобритания
- Энтин М.Л. – заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, доктор юридических наук, профессор, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ – В.Э. БЕРЕЗКО

корректор – Т.М. Сраплян

компьютерная верстка – Д.Е. Волков

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

- 3 П. Тайаги, И.И. Казиева
Концептуальный анализ этических вызовов для бизнеса в эру глобализации

- 15 Л.Р. Рустамова
Эволюция сирийского мирного процесса и позиции «ключевых» государств по поводу «возвращения» Сирии в Арабскую семью

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 28 Д.В. Иванов, Д.М. Алиев
Временная защита в праве Европейского Союза: тенденции и перспективы
- 38 Н.А. Минчева
Международно-правовые особенности управления недропользованием в Карском море
- 45 А.Н. Кирсанов, А.В. Кузьмин
Смарт-контракт как особая договорная конструкция в российском законодательстве
- 53 Н.А. Цвейба
Имплементация принципа взаимного доверия в практике Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека по миграционным делам

УПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- 64 Б.С. Батаева
Реализация мер по декарбонизации экономики Индонезии в интересах устойчивого развития
- 77 П.В. Меньшиков, Л.К. Михина
Сравнение трансформации некоторых положений информационного законодательства России и ЕС в контексте реализации концепции кибербезопасности
- 89 А.М. Корнеева
Концептуальные основы технологии информационного моделирования в градостроительной деятельности



Journal of Law and Administration

№ 3 (68) 2023
Theoretical law journal

The founder: Federal State Autonomous Higher Education Institution
"Moscow State Institute of International Relations (University) under the
Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation"

CHAIRPERSON OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN CHIEF – R. YENGIBARYAN

EDITORIAL BOARD:

Francesco Adornato – Professor, Rector, University of Macerata, Italy
Tatyana A. Alekseyeva – Head of the Department of Political Theory, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Tatyana Yu. Ampleeva – Professor of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Russia
Fabrizio D'Ascenzo – Professor, Sapienza University of Rome, Italy
Wang Chenxing – Ph.D. Assistant Professor (Research Fellow) of Institute of Russia, East Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; Deputy General Secretary of Chinese Association for Russian, East European and Central Asian Studies, China
Oksana V. Gaman-Golutvina – Head of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Gao Cheng – Professor, Executive chief editor, Journal of Contemporary Studies of Asia and Pacific, China
Dmitry V. Gribanov – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Digital Transformation, Ural State Law University, Russia
Prof. Dr. Stephen Guangpeng Dong – China University of Public Relations, Dean of the Faculty of Continuing Education, Professor in Communication and Leadership, National School of Management, China
Achilles C. Emilianides – Professor, Dean School of Law, University of Nicosia, Cyprus
Robert V. Yengibaryan – Doctor of Law, Professor, Merited Fellow of Science of the Russian Federation, Russia
Alla V. Yendoltseva – Professor with the Department of State Regulation, Doctor of Law, Professor, Russia
Ye Haolin – Professor, Editorial chief of South Asia Studies, National Institute of International Strategy, Chinese Academy of Social Sciences, China
Agnessa O. Inshakova – Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Doctor of Law, Professor, Russia
Sergei G. Kamolov – Professor, Department of Asset Management, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Russia
Yu. K. Krasnov – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Russia
Jose A. Morande Lavin – Institute of International Studies, University of Chile, Chile
Marina M. Lebedeva – Head of the Department of World Political Processes, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Political Sciences, Professor, Russia
Artem V. Malgin – Vice-Rector for Strategic Development, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Russia
Dušan Pavlović – Doctor, Professor, Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Serbia
Potier Tim – Professor with the Department of International Law, MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Ph.D., Russia
Henry T. Sardaryan – Dean of the Faculty of Administration and Politics, Doctor of Political Sciences, Russia
Vitaly V. Subochev – Head of the Department of State Regulation, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia
Anatoly V. Torkunov – Rector of MGIMO under the Ministry for Foreign Affairs of Russia, Academician with the Russian Academy of Sciences, Russia
Tyagi Parul – Ph.D. in Management, Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Moscow, Russia
Dr. Gerhard Schnyder – Professor of International Management and Political Economy, Ph.D. in Political Science, Loughborough University London, United Kingdom
Mark L. Entin - Head of the Department of Integration and Human Rights Law, MGIMO under the MFA of Russia, Doctor of Law, Professor, Russia

EXECUTIVE SECRETARY – Vladimir E. Berezko
Proofreading – Tamara M. Shrapyan
Computer layout – Dmitry E. Volkov

CONTENTS

THE TOPICAL ISSUES OF MODERN CIVILIZATION

3 Parul Tyagi, Indiana I. Kazieva

A Conceptual Analysis of Ethical Challenges to Businesses in an Era of Globalization

15 Leili R. Rustamova

Evolution of the Syrian Peace Process and the Position of the "Key" States Regarding the Syria's Return to the Arab Fold

LAW IN THE MODERN WORLD

28 Dmitry V. Ivanov, Javanshir M. Aliyev

Temporary Protection in the Law of the European Union: Trends and Prospects

38 Natalya A. Mincheva

International Law Basics of Governance of Subsoil in Kara Sea

45 Alexey N. Kirsanov, Anton V. Kuzmin

Smart Contract as a Type of Contract under Russian Law

53 Nikita A. Tsveiba

Implementation of the Principle of Mutual Trust in the Migration Cases by the Court of Justice of the European Union and the European Court of Human Rights

ADMINISTRATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

64 Bela S. Bataeva

Implementation of Measures to Decarbonize the Indonesian Economy for Sustainable Development

77 Petr V. Menshikov, Laurita K. Mikhina

Comparison of the Transformation of some Provisions of the Information Legislation of Russia and the EU in the Context of the Cyber Security Conception

89 Anna M. Korneeva

Conceptual Foundations of Information Modeling Technology in Urban Planning

Журнал «Право и управление. XXI век» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.
С сетевым изданием «Право и управление. XXI век». Электронное издание можно ознакомиться по адресу: www.mgimopravo.elpub.ru

The “Journal of Law and Administration” journal is included in the List of the reviewed scientific editions which publish the major research results of doctorate and candidate of science degree dissertations.
The Internet edition of the “Journal of Law and Administration” is available at: www.mgimopravo.elpub.ru

Article

A CONCEPTUAL ANALYSIS OF ETHICAL CHALLENGES TO BUSINESSES IN AN ERA OF GLOBALIZATION

Parul Tyagi*
Indiana Kazieva**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-3-14



Introduction: This article deals with the study of ethical challenges and dilemmas that have caught the attention of academicians and researchers globally as a result of the unethical acts of many renowned businesses around the world. Ethics is a highly researched but little understood concept. Globalization has only added to this complexity. This research is an attempt to scrutinize the concept of ethics in business context, understand the varying layer, shades and dilemmas of ethics over space and time : a concept that is applicable globally, but varies locally. The aim of the investigation is to assess why despite such emphasis on ethical standards in business, unethical behavior is rampant.

Materials and methods: In the course of research, the authors track the evolution of the philosophy and concept of Ethics in various religions like Hinduism, Buddhism and the western world- up to the present times as we understand, practice and teach it today in business context.

Results of the study: The study finds that the reason for the current ethical challenge lies in the myopic view towards the concept of business and its goals as well as in the emphasis on understanding ethics as an externally taught or externally imposed behaviour instead of an internally inculcated character.

Discussion and Conclusion: For ethical business to be effective, the study concludes that it needs to become an innate part of the character of a person and organizations which through a supportive and nurturing environment, including the leadership, can internalize it in all aspects of life. Superficial attempts to showcase ethical conduct or enforce it through materialistic incentives will have only shallow and cosmetic results. Any ethical construct or system can not exist and persist in piecemeal and isolation. It needs to be all pervasive and inherent.

* **Parul Tyagi**, PhD in Management, Assistant Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Moscow, Russia
e-mail: tyagi_p@pfur.ru
ORCID ID: 0000-0002-7312-7243

** **Indiana I. Kazieva**, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Moscow, Russia
e-mail: kazieva-ii@rudn.ru
ORCID ID: 0000-0001-6146-8641

Introduction

Ethics is a branch of philosophy that attempt to discuss virtue and morality, and answer questions about what makes a behavior "right" or "wrong". It seeks to define the standards of behavior that are acceptable in a society and the proper way for people to conduct themselves. It addresses the concept of morals and virtues and differentiates between the concept of good and bad, right and wrong, justice and injustice. Ethics does not just impact every field of a human being's interaction in society it also impacts the individuals themselves by fostering a satisfied and blissful life. Ethical behaviour is the foundation on which a civilized society exists and thrives. If there was no concept of Ethics, probable civilized societies wouldn't exist. To this end Ethics are the anchors of a civic coexistence. The origins of ethics can be traced in religion and philosophy and even in the laws of nature. A lot of scientific study has been conducted on the subject of political theory relating to ethical norms created in society, however ethics remain a contentious issue.

Business ethics is a branch of applied ethics that studies the moral dimensions of commercial activity, frequently but not exclusively with respect to corporations.... As an academic discipline, business ethics informs various practically oriented approaches to understanding and improving business behaviour and management, including corporate social responsibility, corporate citizenship, and stakeholder management (Britannica, T. 2019). A survey of 195 leaders from more than 30 global organizations suggests that among the five major themes of competencies that strong leaders exhibit: High ethical standards and providing a safe environment is the most highly rated attribute (Giles S., 2016). In a globalized world, well informed and conscientious citizens expect companies to take responsibility for their unethical acts on one hand and contribute to social justice and ecological conservation together with economic development on the other. Therefore the intermittent news of corporate wrongdoing quickly catch attention worldwide causing economics as well as image and morale damage.

Study

History of ethics

Ethics is by not a recent concept. The code of conduct has existed from the time human beings organized themselves into groups to thrive and prosper and societies emerged. For the an-

cient Greeks, the code of moral correctness was represented by the epics. Writers like Homer sang the praises of virtuous men, holding such characters up as paradigms of virtuous action (Downs. et al. 2012). In ancient India the epics like Vedas and Upnishads outlined the importance of Dharma, the rule of moral order. The sanskrit verses:

Sarve bhavantu sukhinah, sarve santu niramayah

Sarve bhadrani pashyantu, makashchit dukha bhagabhaveat

(May all be happy may all be free from debilitation, may all experience goodness may none experience suffering) underlines the Vedic approach to ethics.

"The individual's life is not a means to the satisfaction of his personal desires, but is a trust for humanity" (Radhakrishnan, S. 1914).

The Vedanta philosophy outlined the practical and spiritual aspect of ethics. Morality was considered the basis for all social conduct and behaviour. A high moral life was to be a norm and not exemplary.

The philosophers showed the path to peace and progress of humanity, not only by laying down the theoretical ideas, but by actually applying truth in their practical life, not by imagining or theorizing, but by realising the reality (Sharma I.C., 1965).

Ramayana and Mahabharata served as the guiding force in individual's life situations when faced with an ethical dilemma..... Mahabharata is an exposition of dharma(code of conduct), including the proper conduct of a king, of a warrior, of an individual living in times of calamity, and of a person seeking to attain moksha.... (Doniger, W. 2022).

This Vedantic ideal of love, fellowship, and self-sacrifice is not the vain fancy of a dreaming poet sighing after an impossible Utopia, but is the logical outcome of a rational reflection upon man's place in the cosmos. "The individual's life is not a means to the satisfaction of his personal desires, but is a trust for humanity" (Radhakrishnan S., 1914).

The western philosophy points to Socrates as the starting point of a long tradition in philosophical ethics. His views that virtue is a sort of knowledge and that virtue is all one needs to be happy, shaped the western concept of Ethics.

Further came the Platonic moral psychology and his concept of tripartite division of the soul, Aristotle's moral naturalism and eudaimonism which over decades shaped the moral philosophy of west. The Hellenistic Stoic theory of moral development taught that the goal of life was to live in accordance with Nature and

propagated the development of self-control and fortitude as a means of overcoming destructive emotions.

Confucianism (500 BC) developed as a philosophy and moral guide in China with its concepts of jen (humanity and love of others) and li (propriety). Together, these two virtues create a highly cultivated and disciplined person who behaves properly in every situation and who is motivated by deep care and empathy for people. This person is the junzi, or superior person (Carroll J., 2018).

Hinduism saw the path to moksha (freedom from the cycle of rebirth and suffering) through punya (meaning morally meritorious). It emphasized the effect of good karma(deeds) on the consequential betterment of life, happiness and moksha and the bad karma eventually resulting in pain and suffering.

Buddhism has essentially ethical principles based on virtues as Buddha extolled people to acquire traits such as truthfulness, righteousness, benevolence, compassion, sympathy, abstinence, patience, and purity (Subramanian, R., 2013).

With the emergence of monotheistic religions such as Judaism earlier and Christianity and Islam later, morals and values attained religious focus where people's behaviour and actions started to be influenced by the religious edicts. The earliest recorded code of ethics is found in the Tanakh and Talmud, the sacred scriptures of the Hebrews which were transcribed beginning in 1200 BCE (Downs JC, 2012) the Ten Commandments in Judaism and Christianity were the ethical code for all men which encouraged the followers to be loving, just, forgiving, and kind.

The 'reason' plays an important role in generating moral action and leading virtuous life. Leading virtuous life always springs from "life of reason" in Greek and Indian traditions. In Christianity and Jewish ethics, moral values originate from "divine command" not from human reason (IC Sharma I.C., 1965).

The ethical philosophy has changed over time to adjust to sociological shifts and as a response to socio-political changes. However, its basic aim still remains a cohesive society. Philosophers describe their ideal; the most functional and productive structure of society, thus laying out their best.

Theories of ethics

Ethical theories are broadly qualified into three: Teleological, Deontological and Virtue theory.

Teleological theories hold that actions are ethical if they produce positive consequences and best consequences are those that bring most happiness to maximum people. These theories include JS Mill's Utilitarianism. Utilitarianism is also known as consequentialism and it proposes that an action is as good as its consequences. It is good if it results in maximum good to maximum people. The focus here is on results of the actions.

Deontological theories, by contrast, hold that an action is right if it is based on principles and values that are inherently ethical. Immanuel Kant's ethical theory is an example of this as it states that an act is good if it follows some cardinal principles governing our duties. The focus here is on right actions and not on consequences.

Value theory like the Aristotle's moral theory propound that virtues help us to live a rational life and include qualities like truthfulness, courage, generosity and comradeship. Moral virtues can be thought of as habits acquired to exhibit proper balance or behaviour that does away with the extremes. This is called the golden mean between extremes (Subramanian, R., 2013).

Business ethics

The corporate Finance Institute defines Ethics as the moral principles that act as guidelines for the way a business conducts itself and its transactions. These set of organizational values or norms go beyond the legal requirements and govern the actions and decisions of members of any organization. In this context business ethics are discretionary.

Business is an integral part of a society which depends on the society as well as contributes to it. The concept of 'exchange' is inherent in the concept of business and this exchange needs to be beneficial for both the parties to be sustainable in the long run. Business ethics are therefore the wise principles and the consequential course of actions businesses adopt to achieve the greater good of society including the economy. The principles could relate to its basic existential question- why does the business exist in the first place? To serve its owner, its shareholders, its stakeholders, or the society?

Business Ethics have a normative and a descriptive dimension. From the point of the descriptive dimension it can be defined as the study of the ethical dimensions of the exchange of goods and services, and of the entities that offer goods and services for exchange (Moriarty, J., 2021). This includes study of ethical di-

mensions in all business related activities like Finance, Production, Marketing, Human Resource, Public Relations, Advertising and Sales.

Interest in Business Ethics, as a discipline has been constantly rising since the 1970s. The debacle of large organizations like Enron, Lehman Brothers, Satyam Computers, Kingfisher, Worldcom triggered the interest of the Business community and the academia alike to focus on this concept. Today Business Ethics is a flourishing sector of ethics and the quantity of research publications is astounding. However, it still is the most contentious and disputed area of discussion. The recent scams surrounding Volkswagen, Facebook, Twitter, FTX evoke a belief that the phrase 'Business Ethics' is no more than an oxymoron. The general perception that is firmly taking grounds in the minds of people is that business is a jungle and it has no relation to ethics. And probably this is the biggest challenge to business ethics. Moreover, this is spiraling into a storm that looks irreversible. Teaching Business ethics to business students and convincing them about the practicality and workability of ethics is witnessing more and more disbelief and wariness from the future business leaders. What could be more challenging than that? The general belief is that the society is loosing its grip on the morality in general, and as business entities are an integral part of the society and reflect the sentiment of the society, it is but natural to observe a corresponding decline in the ethical standards in the business conduct. In a world of consumerism where material possessions are the biggest indicators of success and money is the only richness that counts, values, principles and morals have taken a backseat. There is also a view which pushes the idea that the such scams and scandals by so called successful businesses are setting a wrong example for the others that they can default and get away with it. The dream corporations where the young business students aspire to make careers often end up in the news for some immoral management malfeasance- governance issues like fraud and corruption, legal issues like tax evasions, environmental disregard in form of greenhouse gas emissions or dumping of toxic wastes in third world countries; social crimes like child labor and labor exploitation. The paragons of success actually end up setting wrong examples to the future business leaders regarding what is success and how to achieve it? Also they raise a question "do ethics matter?" In today's interconnected business space, the tremors of one violation or irregularity in one corner of the world are felt all over the world. One wrong example set by the industry

leaders or business leaders leaves the society perplexed and the young generation confused.

Social media facilitates the spread and percolation of such information at unimaginable speed and the whole world seems to be mooting over the event. This reaction to the deviant behaviour of businesses is causing unprecedented ripples and reactions across the globe. So, unethical business are having far-reaching consequences. However, on the positive side, this widely applicable effect can also work as a deterrent for other businesses

This situation of consecutive and rampant ethical disasters in business throw up questions on the ethical standards of conducting business. Are they achievable? Is there a declining trend in ethical standards? Can it be overturned? The discussion below focuses on the challenges the current business ethical scenario faces and attempts to analyse it empirically.

1. *What is the role of a manager in decision making:* 'Managers in organizations face ethical issues every day of their working lives. There is seldom a decision they face that does not have an ethical dimension or facet to it (Jannik A., 2011). One of the basic challenge that arise in a situation of ethical dilemma is the role that a manager seeks to take upon himself while resolving the dissonance regarding that decision. Should he act as an individual and hold true to his moral character or should he abide to being a part of a system/organization and focus on the corporate consequences of that decision. The situation becomes a dilemma when there are differences between the value system of the manager as a person and the corporate value system. In life we play different roles and wear different hats in different situations. The problem arises when these roles are in conflict with each other.'

There are times when the manager is prompted to lie or hide the truth, exaggerate and indulge in various kind of bluff or deception when dealing with customers or negotiating with clients, suppliers, employees, government or partners. Very often, unethical behaviour begins with slight 'deviations' from the right path and later embolden into bolder actions aimed at 'making a kill'. Where should the line be drawn? If the decision is unethical, but benefits the company, should an individual executive close his eyes and take the decision?

Peter Drucker viewed this challenge very differently and looked at ethics as universal, or one set of rules of conduct that apply to all individuals and institutions alike. He did not see the need to define Business ethics as he believed

they are the same set of rules that apply to any situation in general life or in specific(business) situations. He believed the first responsibility was... Hippocratic oath of the Greek physician: *primum non nocere*—“Above all, not knowingly, to do harm” (Drucker P., 1974). As a leader, a manager also needs to act in a way that is ethical as others in the organization and society observe and follow his lead. So he needs autonomous decision making.

It is often the case when executives face a situation which can not be clearly called ethical or unethical. As between right and wrong is a troublesome gray region. All organizations have gray areas where the border between right and wrong behavior is blurred, but where a major part of organizational decision-making takes place (Bruhn, J.G., 2009). To win a deal or negotiate successfully is his professional responsibility. However if he is required to choose between divergent individual ethical code and the corporate interest, it creates a dilemma. Some might argue that the answer is easy to find: It is unethical behaviour to impose costs upon a third party that does not benefit(by an amount greater than the costs) from the action concerned (Peetz, D. 2019). In other words, if the decision externalizes the cost of any corporate action onto others in the external environment- it is causing them harm and therefore it is unethical. So, in case of dilemma, the base rule should simply be to decide and act in a way that does “no harm” to society while fulfilling his obligations. However, taken together, the research on individual versus organizational impacts on ethical behavior suggests that organizational context is an overriding influence on individual moral decisions made in organizations (Adams et. al. 2012). The ethical philosophies and values of management usually have a major impact on the ethical choices and behaviors of employees (Ghosh, D. 2008). But if the dissonance between the two ethical values is extreme, managers may go against the interests of the organization as in the case of many whistle blowers.

2. Theoretical or practical concept? It is very often when we hear that ‘Business and Ethics are incompatible’. There is a ‘cut throat competition’ in business, and it’s a jungle where only ‘the fittest’ survives. All such talks give an impression that Business is almost synonym with immoral. Ethics is originally a domain for philosophers. Philosophers talk in abstractness, generalize the dos and don’t s with ideological underpinning. It might be difficulty to apply them to day to day situations in the business world, because real life business situations are

very dynamic and unique and require the individual disposition of the manager. Business is specific and focused on achievement of goals, if it falls on ethics to make all decisions-it might not be successful as it will be very difficult to interpret the general rules and value codes, choose from among them the one that is effective in a particular situation and execute it. If there is a decision dilemma, the insistence on ethical decision might make the business and its profit making restricted, failing its very purpose.

This is the reason Carr put in that business, as practiced by individuals as well as by corporations, has the impersonal character of a game—a game that demands both special strategy and an understanding of its special ethics’(Carr, A.Z. 1968). He likened business to a game of poker that has rules different from the general social life. Therefore, he insists we cannot apply the rules of private life and ethics to business roles and decisions. However, we can not deny that even every game needs to be played within a framework of rules and to stick to those rule and play a fair game is morality.

Friedman conveys a similar trail of thought arguing that the social responsibility of business is actually the responsibility of the corporate executive who works as an employee of the owners of the business and therefore his responsibility is «to conduct the business in accordance with their desires, which generally will be to make as much money as possible while conforming to the basic rules of the society, both those embodied in law and those embodied in ethical custom» (Friedman, M. 1970).

That is his moral high. In other words Freedman believed that Ethics can be practically applied but their domain will be different-business specific.

When an individual working in an organization in the capacity of an executive or manager, he needs to make decisions on the basis of his Dharma as an employee and not on the bases of his own principal construct. This distinction will help him fulfill his duty without being trapped in a dilemma.

3. Stockholders interest or stakeholders interest? A logical extension of the Friedman’s logic would be that since the owners of business are the stockholders, therefore the business is obliged to benefit the owners and consequently, multi fiduciary relationship with stakeholders is not strategically a good idea. This is a very popular view supported by many economists like Peter Drucker who believed that it was most certainly unethical if a business did not show a profit at least equal to the cost of capital, because

failing to do so would be wasting society's resources. K. Goodpaster insists «it is one thing to say that giving standing to stakeholder in managerial reasoning is conceptually coherent. It is something else to say that it is practically coherent» (Goodpaster, Kenneth, E. 1991), and Tibor R. Machan agreed that the basic professional responsibility of corporate manager was to make the corporation profitable (Machan, T. R. 1994). It was a pure «capitalist» view which was more popular than the idea of looking beyond the stockholders, as a 'socialist' concept. This philosophy had a profound influence on the management of business enterprises for a long time. Driven by this philosophy probably, that Jeffrey Skilling, former CEO of Enron, communicated his priorities to employees: «profits at all costs» (Tracinski, 2002). As Sumantra Ghoshal puts it «a management theory—if it gains sufficient currency—changes the behaviors of managers who start acting in accordance with the theory» (Ghoshal, S. 2005). However, as the world of business became more complex over the last 50 years. The plethora of global problems threatening to disrupt market capitalism include issues from increased income inequality to weaknesses in the global financial system, inadequate government and international regulations to check corporate wrongdoings, alarming environmental degradation and climate change. As a result, many economists and philosophers have re-evaluated this concept and proposed that long term interest of an organization and its sustainability in a fiercely competitive market were best served if the organization and its managers looked beyond the profit maximization maxim for the «owners of business». Ghoshal asks, «If the value creation is achieved by combining the resources of both employees and shareholders, why should the value distribution favor only the latter? Why must the mainstream of our theory be premised on maximizing the returns to just one of these various contributors?». The different agents in the society like workers, suppliers, government, consumers contribute their own might to the successful running of the business, hence serving the interest of just stakeholders to the extreme in unjustified.

Bower, Leonard and Paine after interviewing global and business and government leaders in 2011 came to the conclusion that capitalism in its current form cannot survive much longer unless businesses take up the role of activists in society and emerge as leaders who propagate education and training as well as integration of migrants. "In short, we see a need for "business as leader". We believe that business—as an innovator and as an activist—must lead the kind

of (pervasive change that could improve the functioning of market capitalism". (Bower, J L., et.al. 2011)

As businesses are created with the aim of fulfilling the unsatisfied demands and needs of the society, their successful operations cannot be possible without the contribution of employees, customers, suppliers, communities, and governments besides the shareholders. Money is not the only valuable resource needed to run a business, there are other resources and their contributors to its success too. Therefore, the interests of these contributors are also important to address to and the society can not merely remain a source of money making for the business. It might make sense in short term economic view to just cater to the shareholders but, the long term perspective can not exist without considering the good of all its stakeholders.

4. *Business ethics: separate from general ethics?* Milton Friedman believed that there is nothing like "Business Ethics". He claimed that "a corporation is an artificial person and in this sense may have artificial responsibilities, but "business" as a whole cannot be said to have responsibilities, even in this vague sense" (Friedman, M., 1970). He insisted that promoting social ends and arousing the social conscience of business was talking "socialism", (an ideology that went against the concept of free market). This view had many takers at that time and hence it instantly became popular. Peter Drucker held out that "there neither is a separate ethics of business, nor is one needed" (Drucker, P. 1974). He argued that the businessmen or managers are individuals and the moral code of conduct applies to them as much as to any other person in society. Their moral value system is based on their moral education from family or school. John Maxwell in his book "There's No Such Thing as "Business" Ethics" in 2003 also refuted the existence of Business Ethics, insisting that that there is no such thing as a separate realm of ethics for business insisting that our values and ethics are the same where ever we may be. The stress in all these arguments was somehow that as Business was not a living person, it was immune from ethical trial. Only managers could be held responsible for their decisions and conducts and not the Business. "Companies don't commit crimes, people do" (Anderson, J. 2002).

However, in times of extensive corruption and ethical lapse becoming common in business, many considered it misleading and even dangerous.

Ghoshal stressed that business organizations consists of people and are "legal person" and theories like that proposed by Friedman,

encourage them to free themselves from any sense of moral or ethical responsibility for their actions. David W. Gill went so far as to define Business Ethics as "serious ethical reflection on matters of right and wrong, good and bad, in the business context" and further stated strongly that dismissing the concept of 'Business Ethics' was harmful. In his book, he outlined Basic Business Ethics Standards as follows:

- An ethical organization does its best to know and obey the laws and regulations of its host societies.
- An ethical business complies with corporate and professional ethical standards.
- An ethical company does its best to respect the consciences and deeply-held values of its stakeholders.
- An ethical company treats others as it would like to be treated.
- An ethical company is able to be transparent and defend its actions in public.
- An ethical company acts responsibly to prevent serious harm to any of its stakeholders (Gill, D.W., 2011).

The first two are compliance criteria, the next three are beyond compliance and the last one is the bottom line criteria.

The challenge of separating Business from Ethics and making it a personal moral question seems to exempt the Businesses from taking any responsibility for any immoral conduct by the owner or an executive. In other word it propagates the concept that people can be immoral, but nor organizations! Ghoshal calls this a theory that is destroying a good management practice as it encourages them to be amoral.

5. Universal or relative? This challenge has gained prominence with increasing globalization and internationalization of business activities. Confusion regarding the scope of applicability of ethics in general and business ethics in particular is like a black spot in the decision making of executives who handle international businesses. Many economists and experts of business conduct see Business ethics as universally the same concept and believe that ethics exist beyond culture, boundaries religion, race or gender. They suggest that lying, cheating, bribing, unfairness, injustice, dishonesty is immoral in every part of the world. The principals of good conduct are universal. Following can it be safely assumed that when local organizations spread their activities worldwide, they apply the same principles of ethical conduct world wide?

On the other hand, there are proponents of the theory of Ethical relativism that holds that 'morality is relative to the norms of one's

culture. That is, whether an action is right or wrong depends on the moral norms of the society in which it is practiced. The same action may be morally right in one society but be morally wrong in another' (Velasquez, M., 2012). Markkula Center for Applied Ethics they opine that there are no universal moral standards and therefore an action can be judged morally correct or incorrect against the moral standards of its society's practices.

The problem is that if we accept the concept of ethical relativism in context of business as well, it gives a long rope to ethical wrongdoing on one hand and it complicates the ethical conduct of global business on the other as it become difficult to work out a common framework for deciding the right action, resolving disputes or for reaching agreements on matters of global concern.

However, if we look closer at the two seemingly extreme viewpoints, they are actually supplementary to each other. On a deeper level, the concept of ethics is pan global but their practical understanding and interpretation may differ nationally or culturally. Take for example, the use of child labor in business. In some developed part of the world it is a horrendous idea and an illegal activity to use children in commercial activities as its believed that children need to learn, grow, be nurtured and child labor indicates their exploitation and snatching away of their childhood from them. In other parts of the world which have the same ethical value system but are economically weak, child labor is seen as allowing a child to survive by getting fed twice a day. Similarly, an ethical question arises when companies engage in corporate gift giving to clients, government officials and others related to their business as it is an accepted way of forming interpersonal relations in that part of the world, others firmly think of it as an underhand dealing. These cultural differences will remain and will throw up challenges for corporates and corporate leaders to understand the essence of ethics and the intentions behind an act rather than to just single mindlessly follow the ethical manifesto Ethics are culture and context specific.

6. Can ethics be taught? With the increase in the frequency of corporate scandals that reached the public eye globally, the question that arose was that do the business schools carry some responsibility for the unethical acts of their alumni students. Business schools felt the pressure to retro inspect and do something extra to avert such behaviors in future. One of the popular suggestion was to include Ethics

as a part of curriculum of business schools, to teach future corporate leaders about ethics and its importance. Anant Kumar Giri argues that all these pedagogic initiatives can help us to be more reflective about the predicament of ethics in our practice of management in particular and life in general (Giri, A. K. 1997).

He mentions the predicament of teaching Ethics in America and in India. Dr Max Price from the University of Cape Town insists that research on the effectiveness of teaching business ethics to university students is not very conclusive, nevertheless by setting the right examples through role modelling and creating an overall ethical environment around them for the years they are in the university can have a positive impact on their ethical reasoning. Ethics unlike other subjects are not just knowledge that could be taught in a classroom, but a belief system, a value system that is acquired through association and experience over years. How does the Business school reaffirm the moral character of a person positively and in a way that is long lasting? How do the future leaders be made to not just reflect ethically on their decisions but also to internalize the conviction to do the right despite challenges, to have the courage to stick to the morally correct action? There are some challenges. Ethics can be taught both theoretically and practically. As Socrates put it, anything that is known, can be taught. The moral principals can be taught, but how do we teach moralistic behaviour? How do the managers be made to internalize these values in their subconsciousness and practice. 'Making ethics and values a part of the management education curriculum is a simple solution, which is full of dilemmas because it does not address the crucial question of changing the personal value-systems of individuals' (Seth, NR. 1993). Moreover, teachers of Management might feel they themselves are not moralistic enough to teach such high ideals to others. After all, morals are something we learn from example. Does that mean that the teachers of Ethics need to always show an exceptional level of moral conduct in their own life? Otherwise they might not sound convincing enough.

The practical aspect of Ethics is that we observe around us - the exemplary conduct of business organizations and leaders who could be role models, could be discussed in classes and prove to be an effective and convincing way to impress upon the students of the advantages of high ethical standards in personal and professional decision making. However, from where do the institutes get these examples? What could be the sources? Moreover, the students

that come to study in business schools have already reached the level of post-conclusive level of moral development. Preaching them about everyday ethics in business dealings by academicians might not cut ice with them.

Surveys conducted by the Aspen Institute, a think tank, show that about 60% of new M.B.A. students view maximizing shareholder value as the primary responsibility of a company; that number rises to 69% by the time they reach the program's midpoint (Corn M., 2013).

In a corporate culture where contribution to the shareholder's value by an employees is what is considered as an indicator of his worth to the organization and cutting corners for short term gains is rampant, sustaining a level of moralistic decision making in the long run is a very daunting task unless it has a support system (including the corporate leadership, trainers and academicians) around it .

7. Corporate ethic policies: a visionary statement or a public relation exercise? It is common in recent times for most big and global companies in the west to have codes of ethics that are created, printed and published in all interfaces of the company with the internal and external environment. Some corporate do it to adhere to the code of a professional/industry standards, minimize fines, attract more business, appear more professional or to achieve consistency in operations across hierarchy and boundaries. A code of ethics is a written, formal document consisting of moral standards and guidelines intended to help guide employee or corporate behavior (Schwartz, 2002). These codes of conduct on the one hand act as guidelines to the employees by outlining the expectations of the company with regard to their conduct towards suppliers, customers, other coworkers and society in general. On the other hand, they reflect the commitment of the company and its leadership towards right conduct and high moral standards. They serve as a public statement of what the company stands for. Codes of ethics are seen as an important tool in shaping ethical perceptions and judgments (Yallop, A & Mowatt, S., 2016). Some of these codes are detailed and lengthy while others are crisp and specific. Very often they are posted on the corporate websites, feature as a key component of employee handbooks and are displayed on the offices walls for employees to see and remember what the company cares about, its policies and priorities. However, it has been argued that many times these ethical codes become restricted to just a display for legal requirements and public consumption.

They appear to be more of an image building campaign rather than really impacting/ reflecting the company's conduct in terms of honesty and integrity.

The challenge emerges as one realizes that the real purpose of ethical codes is not just to create a good public image but to act as the stepping stone for creating and internalizing the ethical behaviour in a corporate decision making and conduct. The improvement in, sales, profit and reputation can not be the primary indicator of the effectiveness of the codes of conduct. "Codes of ethics could provide a moral compass by which individuals can self-monitor and regulate their behavior, resulting in increased consistency in ethical decision-making and actions" (Adams, J. S., et.al., 2001). And that is the real indicator of its effectiveness. "The degree to which an organization can be held to be ethical is dependent on its ability to create an ethical environment internally in its members' relationships with each other and with the organization itself, as well as externally in organizational members' relationships with others" (Yallop, A. & Mowatt, S. 2016).

However, Research studies examining the effectiveness of codes of conduct with regard to behavior also offer mixed results. Some studies have shown ethical codes to be effective; that is, they achieve their purpose while other researchers have found a weak or no relationship between these codes and ethical behavior, or otherwise argued against their effectiveness and utility (Giorgini V, et.al., 2015). The growing number and variety of ethical misconduct and violations occurring in business acumen imply that ethical codes of conduct and professional guidelines are probably not serving their purpose yet.

Another challenge to implementation of ethical policies and measuring their effectiveness is that there are no quantifiable measures. It is a matter of perception in the eyes of stakeholders. Whether an organization operates ethically religiously and propagates high ethical standards consistently over time and across departments is a matter of cognitive impression.

Conclusion

Ethical behaviour has always been a challenge to adhere to and maintain. However the consecutive high profile scams and scandals have in recent decades revived the debate on the falling moral ethics in Businesses. In addition, when there is a general degradation of morals in society, expecting high ethical standards from the businesses is unrealistic. The people

working in these companies are a part of the society and therefore their behaviour and conduct is a mere reflection of society's attitude towards ethics. The responsibility of maintaining a high standards of ethics in an overgrowing materialistic world in a daunting task. Nonetheless, world has come to a point where with the endlessly increasing selfishness of humans the sustainability of societies is questionable. Sustainable business is possible only in a sustainable world and that is possible through justified use of resources. So economically, it makes sense to invest in social welfare activities or corporate social responsibilities related to preserving the resources. However, for ethics to really prevail, it is important that the reason behind ethical actions is not economic but selfless. Any economic motivation for an ethical conduct is selfish and therefore not ethical. Yes, ends are important and means are important too but the motivation/ reason is also important. That is what makes the difference between "ethical to the core" or "pretending to be ethical".

Corporates are groups of individuals working to achieve some common goal. Therefore, corporates and individuals are both responsible for any moral violations in the corporation. After all, the acts of Corporate organizations are solely dependent on choices and actions of human individuals. It is these people who make all the decisions for these businesses. The Manager in an organization is individually responsible for any unethical decision that he takes either for his self interest or the interest of his employers, and it harms the society. However, the responsibility of this decision also lies with the leadership of the organization, because that is the source of organizational culture. Also, this is an indicator of the quality of leadership as leadership has the maximum responsibility for setting the right examples and is the primary bearer of moral duties and responsibilities. Therefore, it is important that the moral standards of the individuals are high at all levels and at all times and in all situations. Further, the organization also needs to own up their share of blame in any wrongdoing at any level. Very often unethical actions are accepted and apologized for only after being caught by outside agencies or called out by whistle blowers. This itself shows a low level of support to ethical behaviour in organizations. The society which is effected by the immoral behaviour is also to blame as it has instilled into an individual the value system which is weak.

Businesses can not maintain ethical behaviour in silos. This needs a conscious effort at all levels of the society to reflect into itself and

its ethical standards. Organisations are akin to humans in their growth and development of cognition. Organizations, like individuals, develop into collectivities of shared cognition and rationale, over a period of time' (Sridhar, B. S., & Camburn, A. (1993). They learn and evolve like individuals. Like individuals, organizations learn by encoding their inferences from history into routines that guide behavior (Levitt, B. and j. March: 1988). This learning is influenced by the society and its ethical standards. Over time through the process of socialization and reinforcement, this ethical value system permeates into the shared culture of the organization that transcends boundaries across organizations that are dispersed and diversified.

The core belief of giving to the society, thinking and doing good to others need be internalized and embedded in the conscience of organizations so deep that ethical behaviour becomes an instinct rather than a conscious decision. The code of ethics to be effective in real time and long term should not just remain a piece to impress or pushed on with fear or encouraged for the sake of material/ economic benefits, but a core belief system of the whole organization as one living, breathing structure.

If this happens, many challenges that have been highlighted in the discussion above will disappear automatically.

Regarding the teaching of ethics as a part of curriculum and its effect on future decisions of managers, ethical behaviour is a downward sloping slippery path with ethical behavior on top and unethical conduct on the downside. To keep up and maintain the ethical standards of humans a continuous reinforcement, revision, reminder is necessary. Therefore classroom can be effective as it will make students to look at their actions and decisions and the acts and decisions of others in the light of ethics. However, the learning can not be restricted to the classrooms alone as its effect will be short lived and restricted.

Finally, the fact that a society is actively observing and condemning unethical acts, the business gurus and academicians are actively discussing the ethical issues and their responsibilities and businesses are making efforts to address their ethical issues through various instrument like ethical training, CSR efforts and drawing up code of conduct itself is a positive and hopeful sign for the future.

References:

1. Britannica, T. Editors of Encyclopaedia. 2019. Business ethics. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/business-ethics>.
2. Downs, J., 2012. Chapter 1 - A Brief History of Ethics. *Ed. J.C. Upshaw Downs, Anjali Ranadive Swienton. Ethics in Forensic Science*, Academic Press. P. 1-25.
3. Giles S., 2016. The Most Important Leadership Competencies, According to Leaders Around the World. *Harvard Business Review* URL: <https://hbr.org/2016/03/the-most-important-leadership-competencies-according-to-leaders-around-the-world>.
4. Radhakrishnan, S., 1914. The Ethics of The Vedanta. *International Journal of Ethics*. Volume 24. P. 168-183. URL: <https://archive.org/details/jstor-2376505>.
5. Doniger, W., 2022. Mahabharata. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Mahabharata>.
6. Carroll, J., 2018. Jen & Li - Confucian Virtues URL: <https://www.world-religions-professor.com/jen.html>.
7. Subramanian, R. 2013. Professional Ethics. India: Oxford University Press, India.
8. Sharma, I.C., 1965. Ethical philosophies of India, George Allen and Unwin, London.
9. Jamnik, A., 2011. The challenges of business ethics-management and the question of ethics. *Tourism and Hospitality Management*. 17(1). P. 141-152.
10. Moriarty, J., 2021. "Business Ethics". The Stanford Encyclopedia of Philosophy. *Ed. by Edward N. Zalta*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2021/entries/ethics-business>.
11. Drucker, P., 1974. Management, Tasks, Responsibilities, Practices. Harper & Row
12. Anderson, J., 2002. "The Country's Corporations Can't Be Jailed". *Laredo Morning Times*. P. 2D. URL: <http://www.lmtonline.com/news/archive>.
13. Ghosh D., 2008. Corporate Values, Workplace Decisions and Ethical Standards of Employees. *Journal of Managerial Issues*. Vol. 20. No. 1. P. 68-87.
14. Carr A.Z., 1968. Is Business Bluffing Ethical? *Harvard Business Review*. URL: www.hbr.org.
15. Friedman, M., 1970. The Social Responsibility of Business Is to Increase Its Profits. *New York Times Magazine*. P. 122-126.

16. Goodpaster, K.E., 1991. Business Ethics and Stakeholder Analysis. *Business Ethics. Quarterly* 1. P. 53-73.
17. Machan, T.R., 1994. Professional Responsibilities of Corporate Managers. *Business & Professional Ethics Journal*. 13(3). P. 57-69. URL: <http://www.jstor.org/stable/27800950>.
18. Ghoshal, S., 2005. Bad Management Theories are Destroying Good Management Practices. *Academy of Management Learning & Education*. 4. P. 75-91. URL: <http://dx.doi.org/10.5465/AMLE.2005.16132558>.
19. Bower, J.L., Leonard, H.B., and Paine, L.S., 2011. Global Capitalism at Risk: What Are You Doing About It? *Harvard Business Review*. 89, No. 9.
20. Gill, D.W., 2011. It's About Excellence: Building Ethically Healthy Organizations. Wipf and Stock Publishers.
21. Velasquez, M., Andre, C., Thomas Shanks, S.J., and Michael J. Meyer, 2012. Ethical Relativism. URL: <https://www.scu.edu>.
22. Giri, A.K., 1997. Management Education and the Teaching of Ethics: Pedagogy, Practice and the Challenge of a New Initiative. *Journal of Human Values*. 3(1). P. 3-19. DOI: 10.1177/097168589700300102.
23. NR Seth, 1993. What about Ethics and values In Management? *Economic and Political Weekly*. XXVIII (35).
24. Corn, M., 2013. Does an 'A' in Ethics Have Any Value? *The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles>.
25. Adams, J.S., Tashchian, A., & Shore, T.H., 2001. Codes of Ethics as Signals for Ethical Behavior. *Journal of Business Ethics*. 29(3). P. 199–211. URL: <http://www.jstor.org/stable/25074455>.
26. Schwartz M.S., 2002. A code of ethics for corporate code of ethics. *Journal of Business Ethics*. 41(1–2). P. 27-43.
27. Yallop, A & Mowatt, S., 2016. Investigating Market Research Ethics: An empirical study of codes of ethics in practice and their effect on ethical behaviour. *International Journal of Market Research*. Vol. 58. P. 381-400. DOI: 10.2501/IJMR-2016-011.
28. Giorgini V., Mecca J.T., Gibson C., Medeiros K., Mumford M.D., Connelly S., Devenport L.D., 2015. Researcher perceptions of ethical guidelines and codes of conduct. *Accountability in Research. Volume 22, Issue 3*. P. 123-138. DOI: 10.1080/08989621.2014.955607.
29. Sridhar, B. S., & Camburn, A., 1993. Stages of Moral Development of Corporations. *Journal of Business Ethics*. 12(9). P. 727–739. URL: <http://www.jstor.org/stable/25072461>.
30. Levitt, B. and March, J., 1988. Organizational Learning. *Annual Review of Sociology*. 14. P. 319-340.
31. Bruhn, J.G., 2009. The Functionality of Gray Area Ethics in Organizations. *Journal of Business Ethics*. 89. P. 205–214. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-008-9994-7>
32. Peetz, D., 2019. Sustainability, ethics and work. in The Realities and Futures of Work. *ANU Press*. P. 247–278. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctvq4c16w.14>.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ ДЛЯ БИЗНЕСА В ЭРУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Введение. Исследование посвящено изучению этических проблем и дилемм, которые привлекли внимание ученых и исследователей во всем мире в результате неэтичных действий многих известных предприятий во всем мире. Этика - это хорошо изученная, но мало понятная концепция. Глобализация только усложнила это понятие . Это исследование представляет собой попытку пересмотреть концепцию, особенно в деловом контексте, путем тщательного анализа различных уровней, оттенков и дилемм в понимании и восприятии этики в пространстве и времени : концепция, которая применима во всем мире, но варьируется на местном уровне. Целью исследования является оценка того почему, несмотря на акцент на этические стандарты в бизнесе, неэтичное поведение широко распространено.

Материалы и методы. В своем исследовании авторы изучили эволюцию проблемы с точ-

ки зрения философии и понятия этики в различных религиях, таких как индуизм, буддизм и религии западного мира , то как это понятие воспринимается, используется и преподносится в деловом мире.

Результаты исследования. В исследовании делается вывод о том, что трудности с восприятием этого явления заключаются в недальновидном взгляде на само понятие этики в бизнесе, а также делается упор на то, что это понятие рассматривается больше как внешний фактор, в то время как оно должно стать неотъемлемой частью бизнеса.

Обсуждение и заключение. Для того, чтобы этический бизнес был успешным, в статье делается вывод, что этический бизнес должен стать естественной чертой характера человека или организации через создание соответствующей среды, которая бы поддерживала и обучала этому

, например , через лидерство и была присуща всем аспектам жизни. Попытки, носящие поверхностный характер, предпринятые только лишь для демонстрации этического поведения или внедрения этического поведения посредством материальных стимулов, чаще всего бывают недолговечны и не имеют глубинного характера. Никакая этическая конструкция или система не способна существовать или продержаться , если этим вопросом занимаются урывками или изолированно. Этический бизнес должен стать всеобъемлющим и затрагивать все аспекты бизнеса.

Парул Тяаги,

Keywords:
globalization, ethical challenges, leadership,
business ethics, ethical standards

PhD (менеджмент), преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов, Россия

Казиева Индиана Ивановна, старший преподаватель кафедры иностранных языков экономического факультета Российского университета дружбы народов, Россия

Ключевые слова:
глобализация, этические проблемы,
лидерство, деловая этика, этические
стандарты

ЭВОЛЮЦИЯ СИРИЙСКОГО МИРНОГО ПРОЦЕССА И ПОЗИЦИИ «КЛЮЧЕВЫХ» ГОСУДАРСТВ ПО ПОВОДУ «ВОЗВРАЩЕНИЯ» СИРИИ В АРАБСКУЮ СЕМЬЮ

Лейли Рустамова*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-15-27



Введение. Сирийский конфликт остается одним из самых острых неурегулированных конфликтов современности. Препятствиями на пути урегулирования по-прежнему являются его интернационализация, активное вмешательство зарубежных государств в динамику конфликта и их военное присутствие на сирийской территории: в частности, США и Турции. Однако весна 2023 года ознаменовалась целым рядом политических событий на Ближнем Востоке, которые позволяют по-новому посмотреть на перспективы сирийского мирного процесса. На фоне наращивания ударов Израиля по Сирии, серьезного усиления позиций Ирана и трансграничных угроз безопасности, распространяющихся с территории Сирии в условиях ухудшения социально-экономических показателей в Сирии из-за западных санкций, наметилась стойкая тенденция к пересмотру ведущими арабскими странами отношений с отвергнутым ими ранее президентом Б. Асадом и началу переговоров о «возвращении» Сирии в арабскую семью.

Материалы и методы. В качестве материалов были использованы российские и зарубежные исследования по сирийскому мирному процессу, новостные источники мировых СМИ. Методологическую базу составили дискурс-анализ и сравнительный анализ подходов крупнейших региональных держав к вопросу разрешения сирийского конфликта.

Результаты исследования. Принятие Сирии в Лигу арабских государств, открытие дипломатических представительств СА, Бахрейн, ОАЭ и Омана в Сирии позволяют сделать выводы о том, что мирный процесс сейчас находится в руках самого региона и заключается в переговорах между региональными странами, вовлеченными в конфликт, и сирийским правительством уже не по поводу политического устройства Сирии, а по условиям легитимизации властей Сирии.

Обсуждение и заключение. При этом роль России в мирном процессе заключается в организации переговоров между Сирией и рядом наиболее авторитетных ближневосточных государств: Турцией и Ираном, с целью нахождения

* **Рустамова Лейли Рустамовна**, кандидат политических наук, научный сотрудник группы по исследованию проблем мира и конфликтов Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Россия
e-mail: leili-rustamova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9803-9904

приемлемых условий для нормализации и вывода их войск с территории Сирии в обмен на гарантии их безопасности и соблюдения определенного баланса их интересов в Сирии и регионе Ближнего Востока в целом. Наличие совместных внешнеполитических интересов в других регионах у России с Турцией и Ираном, привели эти страны к отношениям взаимозависимости и дали Москве определенные рычаги влияния на них и в сирийском переговорном процессе, что делает ее влиятельным участником урегулирования конфликта.

Введение

На фоне продолжающейся эскалации ситуации на Украине и ее широкой международной поддержки западными странами, конфликты в других частях света стали привлекать меньшее внимания или вовсе исчезли из поля зрения мировой общественности. Так, несмотря на то, что в 2022 году самым кровавым конфликтом согласно оценкам аналитического центра Crisis Group признан конфликт в Эфиопии¹, он практически не фигурирует в новостных заголовках мировых СМИ. Конфликт в Сирии также пока далек от разрешения, где продолжаются бои между правительственные войсками, оппозиционными вооруженными группировками, а также между внешними участниками конфликта. При этом ситуацию усугубило землетрясение, сложная социально-экономическая ситуация, возникшая в результате американских санкций. Тем не менее, необходимость принятия мер по ликвидации землетрясения, мировые экономические процессы, связанные с продовольственным кризисом и колебаниями на рынке углеводородных ресурсов привели к тому, что наметились серьезные подвижки в урегулировании сирийского конфликта и «возвращении» Сирии в арабскую семью. Цель данной статьи рассмотреть факторы, которые позволили по-новому подойти к решению сирийского кризиса, побудили целый ряд арабских стран отказаться от недавней стратегии по безоговорочной поддержке сирийской оппозиции. Поскольку так или иначе эти события затрагивают интересы России, требуют корректировки ее дипломатических усилий по урегулированию сирийского кризиса, в статье поставлены задачи рассмотреть не

только динамику изменения позиций основных участников мирных переговоров и нынешнее состояние процесса сирийского урегулирования, но и вклад России в нормализацию отношений Сирии с арабскими государствами и ее последствия для российской дипломатии на Ближнем Востоке.

Исследование

За 12-летнюю историю конфликта множество региональных и внерегиональных игроков предложило свои проекты по урегулированию ситуации в Сирии: от отдельных стран и альянсов до международных организаций. Это принесло свои плоды: на данный момент в Сирии прекращена активная фаза боевых действий. Противостояние между сирийской армией, различного рода террористическими группировками и оппозиционными силами происходит время от времени. Позитивные тенденции просматривались и в том, что постепенно к урегулированию ситуации и прекращению кровопролития подключились широкие слои населения [13], а также представители сирийской диаспоры за рубежом. Однако, по признанию эксперта по сирийской проблеме А. Аскенёнка, на данный момент мирный процесс оказался парализован, поскольку «правительство ощущает себя победителем и не видит достойных партнёров по переговорам, а разношёрстная оппозиция не отказывается от своих чрезмерных требований и неуместных амбиций» [2].

Сложности мирного процесса и урегулирования ситуации в Сирии в значительной степени связаны с тем, что до весны 2023 года они увязывались с дискуссиями вокруг смены власти и принятием новой конституции взамен конституции 2012 года, что ряд

¹ The world's deadliest war last year wasn't in Ukraine // The Economist. 17.04.2023. URL: <https://www.economist.com/international/2023/04/17/the-worlds-deadliest-war-last-year-wasnt-in-ukraine>

экспертов назвало следованием западной либеральной модели миростроительства [12]. Это служит одним из факторов, который в значительной мере усложняет нахождение компромисса, поскольку политическое устройство послевоенной Сирии и его конституционная легитимация – один из ключевых вопросов, вокруг которого концентрируются основные противоречия противоборствующих сторон конфликта и весь набор интересов внешних сил [1]. До сих пор переговоры по конституции признавались важным этапом прямого диалога оппозиции и правительства и без согласования формулировок конституции прекращение конфликта представлялось в значительной степени невозможным для внешних сил, которые и были единственными сторонами, чьи проекты принимались к рассмотрению (проекты, предложенные оппозиционными силами и самим сирийским правительством априори не стали рассматриваться из-за возможной предвзятости и серьезных разногласий).

Было предложено несколько проектов конституций, которые обсуждались преимущественно на двух переговорных площадках: в рамках Женевского формата, включающего большое количество западных представителей и в рамках Астанинского формата, проходившего с участием России, Ирана и Турции. В рамках Женевского формата был организован Конституционный комитет Сирии (ККС) под руководством спецпосланника Генерального секретаря ООН по Сирии Гейра Педерсена, который начал свою работу еще в октябре 2019 года и состоял из 150 человек – по 50 представителей от правительства, сирийской оппозиции и гражданского общества. Его особенность состояла в том, что это был формат, наиболее приближенный к дипломатии второго трека, поскольку представители различных государств, в том числе из стран-гарантов Астанинского формата, не принимали участия непосредственно в самом переговорном процессе, а непосредственная работа по обсуждению конкретных конституционных положений находилась в руках малого состава комиссии, состоящего из экспертов (45 мужчин и женщин: 15 человек – от правительства Сирии, 15 – от оппозиции, 15 – от

гражданского общества). Однако к июню 2022 комиссия провела уже 8 безрезультатных сессий и затем взяла паузу.

Неудачи Конституционного комитета связаны прежде всего с неурегулированностью курдского вопроса, а также с тем, что Швейцария, присоединившись к западным антироссийским санкциям, потеряла нейтральный статус и осложнила таким образом приезд российских экспертов и представителей участвующих в переговорных процессах ведомств, что потребовало поиска новой площадки, пока так и не найденной [9].

В этих условиях региональные державы начали сами предпринимать шаги по обсуждению сирийского урегулирования, что свидетельствует о переходе инициативы по мирному процессу в руки крупнейших ближневосточных игроков и переносу акцента с проектов переустройства сирийской политической системы на договоренности ближневосточных стран с Сирией по поводу своей поддержки и условий отношений Сирии с внешними и региональными игроками, которые влияют на динамику конфликта посредством своего непосредственного присутствия на ее территории. Однако помимо провала западного формата мирного урегулирования на позицию региональных держав также повлиял ряд факторов, связанных с политикой в Сирии Ирана, США, Израиля и Турции.

Сегодня де-факто Сирия остается разделенной на три анклава: основной – подконтрольный Дамаску и его иранским союзникам, оккупированные Турцией северные районы дислокации отрядов вооруженной оппозиции и радикальных исламистских группировок и курдский автономный район «Рожава» на северо-востоке страны при поддержке арабских племен Заевфратья и небольшого контингента ВС США.² Наиболее серьёзное закрепление своего присутствия на территории страны у Ирана и его контроль над сирийским правительством является одним из факторов, определяющих позицию остальных стран региона по отношению к урегулированию конфликта в Сирии. По заявлению экспертов, за время конфликта Иран, оказывая материальную, военно-техническую, финансовую, кадровую и иную помощь сирийскому правительству,

² Иванов С. Что скрывается за согласием Анкары вывести свои войска из Сирии? // Аргументы недели. 31.12.2022. URL: <https://argumenti.ru/opinion/2022/12/807093?ysclid=lgmmp0clf1853823998>

сумел интегрировать своих представителей в сирийские вооруженные силы и органы безопасности, экономические и управленические структуры [18], что сделало террииторию Сирии для Ирана важным плацдармом для укрепления своих позиций в регионе, а также для борьбы с сионизмом, о чем неоднократно заявлял сам верховный лидер Ирана А. Хаменеи³, а также суннитско-шиитского противостояния [8]. Однако интересы Ирана в Сирии идут гораздо дальше: получение контроля над сирийской территорией делает ее плацдармом для поддержки проиранских группировок по всему региону Ближнего Востока, в частности «Хезболлы» в Ливане – оплоте его региональной борьбы против Израиля, закрепления своего присутствия в Средиземном море, что помогло ослабить международную изоляцию Ирана вследствие западных санкций. Выход в Средиземное море также дал бы Ирану возможность играть роль на европейском энергетическом рынке, благодаря транспортировке нефти и газа через Ирак и Сирию европейским покупателям в случае, если они пошли бы на возобновление иранской ядерной сделки [19]. Постепенное непрерывное усиление Ирана в Сирии в условиях ослабления интереса западных стран к борьбе в Сирии напрямую угрожает интересам других региональных игроков: в частности, Саудовской Аравии (СА).

Эр-Рияд ранее не раз заявлял, что именно тесные связи Дамаска и Тегерана являются для него проблемой и препятствием на пути урегулирования. До сегодняшнего дня СА активно поддерживала оппозицию, министр иностранных дел Фейсал Аль Сауд заявил, что ее «вооружение - это отличная идея». Также Саудовская Аравия всячески содействовала усилиям по предотвращению усиления Ирана в Сирии [7]. Противостояние между Ираном и СА шло также и на территории других государств, распространялось на многие конфликты, например в Йемене, и в 2016 году привело к разрыву дипломатических отношений после нападения на здание посольства СА в Иране, усилив напряженность в регионе Ближнего Востока.

Поведение США, а также его главного союзника в регионе - Израиля также стало одной из причин эволюции подхода ближневосточных государств к урегулированию конфликта. Действия Израиля и США усилили опасения ближневосточных государств о вероятности новой большой войны, об этом, в частности, говорит эксперт из Института Востоковедения РАН Ахмедов В.М [3]. С момента начала сирийских событий в 2011 году Израиль нанес по сирийской территории сотни ударов с воздуха и суши. С началом украинского конфликта и ослабления международного внимания к палестино-израильской проблеме и остальным конфликтам в целом, удары Израиля интенсифицировались: в феврале-марте 2023 года он нанес целую серию ударов по военным целям Ирана, "Хезболлы", "Исламского Джихада"⁴ в Сирии, что вынудило Иран нанести ответные удары по американским и израильским военным объектам на территории Сирии, а также в Иракском Курдистане, нарастить поставки новейших систем ракетного вооружения "Хезболле" и другим радикальным группировкам для нанесения ударов по глубинным районам Израиля [7], что не могло не отразиться на динамике палестино-израильского противостояния. Втягивание остальных стран региона в очередную арабо-израильскую войну было особенно нежелательно для стран Персидского залива, которые установили тесные отношения с США с момента эволюции арабо-израильского противостояния в палестино-израильский конфликт.

В то же время принятие блокирующих торговлю с Сирией санкций, в особенности так называемого «Закона Цезаря»⁵, который предусматривает вторичные санкции для компаний и частных лиц, сотрудничающих с сирийскими официальными институтами, в том числе и ради восстановления страны, привело не только к серьезному ухудшению жизни рядовых сирийских жителей и осложнению оказания гуманитарной помощи, но и распространению с сирийской территории на близлежащие страны трансграничных угроз безопасности, которыми

³ Khamenei blames US, Israel for Syrian civil war // The Times of Israel. 25.10.2012. URL: <https://www.timesofisrael.com/ayatollah-ali-khamenei-blames-us-israel-for-syria-civil-war> (accessed 30.04.2023).

⁴ Организация, признанная террористической и запрещенная на территории РФ

⁵ H.R.31 - Caesar Syria Civilian Protection Act of 2019". congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/31/text>

США не стали заниматься. В частности, после введения удушающих экономику Сирии санкций и отсутствия доходов от торговли легальной продукцией страна стала источником трафика дешевых наркотиков. Основным контролером трафика синтетических наркотиков, производимых в Сирии, по заявлениям отечественных и зарубежных исследователей, являются силы, связанные с правительством, а основным рынком сбыта – богатые монархии Персидского залива и особенно СА,⁶ где за распространение наркотических средств власти были вынуждены ввести смертную казнь. Резкий рост количества наркозависимых в возрасте от 12 до 22 лет, преступлений на почве наркотического опьянения в СА⁷ привело к пониманию того, что без прямых переговоров с Сирийским правительством об усилении контроля за границами, через которые наркодилеры перевозят свой товар, решить эту проблему будет невозможно.

Начало нормализации положила так называемая дипломатия землетрясения, в результате которого в Сирии, по данным ВОЗ, более 8 тысяч человек погибло и более 5 млн. человек остались без кровя⁸. На фоне серьезных разрушений и отсутствия широкой международной поддержки власти Саудовской Аравии впервые с начала войны в Сирии в 2011 году оказали ей гуманитарную помощь, направив 350 тонн гуманитарного груза в районы, подконтрольные Дамаску⁹. Однако поскольку Иран оставался силой, которая в значительной степени определяла положение правительства Сирии на военном фронте, СА пришлось пойти и на нормализацию отношений с Ираном, с тем, чтобы убедить его найти баланс стратегического соперничества. Таким образом нормализация отношений с Сирией шла

параллельно нормализации отношений с Ираном. После того как в марте 2023 года при посредничестве Китая Иран и Саудовская Аравия договорились о нормализации отношений и открытии посольств, 18 апреля 2023 года, впервые с 2011 года, Сирию посетил министр иностранных дел СА, который заявил, что отношения между Сирией и другими арабскими странами должны вернуться в нормальное состояние, а ее роль как в арабском мире, так и в [Ближневосточном] регионе должна стать более значимой, чем раньше¹⁰.

На фоне сообщений о том, что Дамаск и Эр-Рияд готовятся вновь открыть посольства после мусульманского праздника Ураза-байрам, который отмечается по завершении месяца Рамадан, ряд изданий также стали распространять информацию о том, что арабские страны предлагают Сирии некую сделку в обмен на восстановление дипломатических отношений. В частности, по данным издания The Wall Street Journal, арабские страны предложили миллиарды долларов на восстановление Сирии после гражданской войны и землетрясения в обмен на размещение на сирийской территории арабских военных, которые бы обеспечили защиту беженцам, готовым вернуться в Сирию.¹¹ На фоне того, что за последние 5 лет экономика Ирана пошла на спад из-за западных санкций и по оценкам экономических экспертов он с трудом обеспечивает необходимую для выживания сирийского правительства финансовую, топливную и экономическую помощь [16], это предложение укладывается в логику усилий Персидских монархий по снижению влияния Ирана. Неслучайно, что на раннем этапе эволюции отношения СА к сирийскому урегулированию наследный принц Саудовской Аравии

⁶ Келекеев А. Сирия вступает на путь наркодипломатии // Коммерсант. 11.04.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926861?ysclid=lkies5x4ux314428025>

⁷ Vohra A. Saudi Arabia Is the Middle East's Drug Capital // Foreign policy. 20.12.21. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/12/20/saudi-arabia-is-the-middle-easts-drug-capital/>

⁸ Минздрав Сирии назвал окончательное число погибших из-за землетрясения // Известия. 14.02.2023. URL: <https://iz.ru/1470213/2023-02-14/minzdrav-sirii-nazval-okonchatelnoe-chislo-pogibshikh-iz-za-zemletriaseniya?ysclid=lkidlu03e593426041>

⁹ Наумова Е. Саудовская Аравия впервые помогла властям Сирии // Лента.ру. 14.02.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/02/14/pomosh/?ysclid=lkidogckhx921965382>

¹⁰ Асад назвал поддержку арабских стран необходимой Сирии для преодоления последствий кризиса // ТАСС. 18.04.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17553171>

¹¹ Беленькая М. Сирия и Саудовская Аравия готовы к диалогу // Коммерсант. 23.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5889575?ysclid=lkie61nm18941551144>

Мухаммед бен Сальман заявил, что может согласиться на то, что «Башар остается, но я считаю, что в его интересах не позволять иранцам делать все, что они хотят».¹²

Играя ведущую роль в целом ряде организаций, СА начала обсуждать вопрос о восстановления членства Сирии в Лиге арабских государств, в качестве одного из условий выдвинув требование ужесточения борьбы с наркотрафиком. Уже в мае 2023 года решение о полноценном возвращении было согласовано большинством стран, кроме Катара и Кувейта, которые при этом заявили, что чинить препятствия не будут¹³. Возвращение Сирии в Лигу арабских государств получило негативную реакцию США и стало свидетельством провала многолетних усилий США по изоляции правительства Башара Асада и отказа Ближневосточных стран от ориентации на позицию США по сирийскому вопросу.

Возвращение Сирии в ЛАГ и нормализация между СА и Ираном и СА и Сирией также были неоднозначно восприняты турецким правительством. Ранее противостояние СА и Ирана было главным активом Турции в укреплении своего влияния на Ближнем Востоке. Турция имела свои планы по замещению сирийского правительства на лояльные ему силы. О возможной опоре Турции на «Братьев-мусульман» в Сирии в рамках своей политики неоосманизма писал, в частности, В. Надеин-Раевский [11]. Нормализация отношений СА с Ираном и Сирией привела к краху саудовско-турецкого альянса [10], а также к началу борьбы СА против турецкого присутствия в Сирии, поскольку, очевидно, что просьба о замещении иностранных войск на арабские касается как раз севера Сирии, где сейчас находятся турецкие военные, введенные под предлогом серьезного усиления курдских повстанческих группировок.

Турция, 12 млн. населения которой составляют этнические курды, увидела в формировании курдской автономии на территории Сирии угрозу возможного объединения

сил турецких и сирийских курдов, а также создания независимого курдского государства [4] и под предлогом борьбы с курдами фактически оккупировала регион Северный Алеппо. За годы турецкой оккупации на севере сирийских провинций Идлиб, Алеппо, Хасеке, Ракка на базе отрядов сирийской вооруженной оппозиции и радикальных исламистских группировок типа «Джабга ан-Нусра» и «Гейят тахир аш-Шам» (обе признаны террористическими и запрещены в РФ) были созданы альтернативные правительству Асада региональные и муниципальные органы власти, вооруженные силы, спецслужбы, полиция.¹⁴ Турция ввела на подконтрольных ей территориях свою валюту, организовала работу просветительских учреждений, которые ввели образовательные программы на турецком языке. По утверждениям ведущего научного сотрудника Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Станислава Иванова, Анкара разработала обширную программу строительства до 200 тысяч новых домов на этих территориях с тем, чтобы переселить туда 1,5 – 2 млн. сирийских беженцев из лагерей на территории Турции. При этом учитывалось, что подавляющее число беженцев настроено оппозиционно по отношению к режиму Асада и станет оплотом протурецкого плацдарма в Сирии [5].

Вооруженные силы Турции без какой-либо санкции со стороны сирийских властей участвовали в операциях «Оливковая ветвь», «Щит Евфрата» и «Источник мира» на сирийской земле против сирийских курдов и ИГИЛ¹⁵. Однако после начала нормализации отношений арабские страны решительно выступили против очередной военной операции Турции в Сирии и при этом их позиция стала все более консолидированной. Одна из последних операций «Источник мира» в октябре 2019 получила резко негативную оценку Лиги арабских государств, которая назвала ее «вторжением на территорию арабского государства и агрессией против его суверенитета». Уже

¹² Беленькая М. Сирия и Саудовская Аравия готовы к диалогу // Коммерсант. 23.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5889575>

¹³ Мустафин Р. Сирию вернули в Лигу арабских государств // Независимая газета. 14.05.2023. URL: https://www.ng.ru/courier/2023-05-14/12_8722_syria.html?ysclid=lkic3daf22519129916

¹⁴ Иванов С.М. Что скрывается за согласием Анкары вывести свои войска из Сирии? // Аргументы недели. 31.12.2022. URL: <https://argumenti.ru/opinion/2022/12/807093>

¹⁵ Организация, признанная террористической и запрещенная на территории РФ

1 мая 2023 года по результатам переговоров министров иностранных дел Сирии, СА, Египта, Иордании и Ирака страны заявили о необходимости прекращения сирийского кризиса и вывода из страны всех незаконно присутствующих там иностранных сил¹⁶, очевидно, подразумевая под ними и турецких военных, однако реальные переговоры о завершении турецких военных операций в Сирии и возвращении сирийских земель находятся в руках России.

Результаты исследования

Россия внесла непосредственный вклад в мирный процесс, предложив свой проект сирийской конституции в рамках астанинского переговорного формата, а также создав Центр по примирению враждующих сторон. Она организовала на своей территории переговоры представителей сирийской оппозиции, с целью их объединения и убеждения начать переговоры единой группой непосредственно с Б.Асадом. Российский проект сирийской конституции при самой строгой оценке признан как наиболее универсальный и ориентированный на интересы как можно более широкого круга участников [6].

Однако после начала СВО на Западе стали распространяться идеи о том, что Россия как участница урегулирования конфликта в Сирии больше не будет играть первую скрипку в мирном процессе, поскольку участию российских представителей в переговорах может помешать эскалация напряженности между НАТО и Россией [17], а также и необходимость решать практические военные задачи на украинском направлении, что неизбежно повлечёт за собой переброску значительной части российских военнослужащих из Сирии на Украину. Позже в качестве подтверждения снижения заинтересованности России в разрешении сирийского конфликта, приводились назначение генерала А.Дворникова, который командовал российскими вооруженными силами в Сирии, новым командующим СВО на Украине, а также переброска эскадрильи истребителей Су-25 обратно в Россию, возврат из Сирии зенитно-ракетного комплекса С-300 [14]. В качестве возможных

последствий называлось заполнение вакуума Ираном и передача мирного процесса на откуп самим арабским странам, а также возможный виток конфронтации и возврат к новому кризису с применением вооружений. Очень скоро стало ясно, что участие в урегулировании ситуации в Сирии и контроль за текущим положением дел остается в зоне приоритетов ее внешней политики. Сокращение военного присутствия, которое неуклонно шло и до событий февраля 2022 года, стало компенсироваться усиленными мерами политico-дипломатического характера по нормализации ситуации в Сирии и переговорами с региональными игроками с целью их убеждения к восстановлению отношений с Сирией.

Прежде всего Россия продолжила усилия по привлечению как можно более широкого круга стран, участвующих в боевых действиях на сирийском фронте и влияющих на расстановку сил на внутрисирийском военно-стратегическом пространстве, к прекращению огня и ведению прямых переговоров с сирийским руководством. При непосредственном посредничестве России прошли переговоры сирийского руководства с рядом наиболее авторитетных ближневосточных государств с целью их подключения к межсирийскому диалогу, и здесь мы можем наблюдать реальное изменение динамики политической ситуации вокруг Сирии на Ближнем Востоке после СВО. Москва, как главный двигатель сирийского мирного процесса, пытается убедить Сирию пойти на примирение с арабскими странами и ее усилия полностью соответствуют интересам монархий Персидского залива, чей подход к урегулированию сирийского конфликта эволюционировал от антиасадовского к более компромиссному.

Тем не менее, российский подход отличается тем, что в качестве основной силы, препятствующей проведению широких переговоров, Россия видит американские войска. США в Сирии до сих пор остаются серьезной дестабилизирующей силой, поскольку, по сообщениям официальных российских представителей, они используют базу Эт-Танф, на которой они дислоцировались после окончания основных мероприятий антитеррористической операции

¹⁶ Лейба Г. Арабские страны выступили за вывод из Сирии иностранных сил // Коммерсант. 01.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5966380>

против ИГИЛ, для подготовки радикальных боевиков, вооружая их и ставя перед ними задачи по проведению терактов на территории Сирии, в том числе в центральных районах.¹⁷ Россия исходит из того, что как только наступит широкий арабский консенсус относительно сирийской проблемы и Сирия «вернется» в арабскую семью, исчезнет поддержка сирийской оппозиции странами Лиги арабских государств, пребывание США в Сирии будет не только неуместным, но и невозможным. Оно будет носить характер явной оккупации и нарушения норм международного права, а не борьбу за «правое дело», то есть исчезнет то обоснование, которое США использовали для вмешательства на территории этой страны.

Ряд исследователей отмечают, что укрепление в Сирии отдельных игроков, таких как Иран и Турция, не соответствует интересам России и именно это побуждает ее приветствовать нормализацию отношений Сирии с арабскими странами. В. Ахмедов пишет, что активное укрепление Ирана в Сирии, передача под контроль иранских представителей важных секторов сирийской экономики и контрактов на восстановительные работы в Сирии в стратегически важных районах страны, неизбежно вызовет недовольство России, что может привести к тому, что Россия попытается ограничить иранское военное присутствие в Сирии [3]. 14 марта 2023, во время визита президента Сирии Б. Асада в Москву с делегацией министров, Москва попыталась «застолбить» в Сирии некоторые свои сферы интересов, которые должны «гармонировать» с общеарабскими договоренностями Сирии о восстановлении страны. В частности, Россия договорилась о реализации 40 инвестиционных проектов в области энергетики, электричества, нефти, транспорта, жилищного строительства, сфер, связанных с промышленностью, и многих других областей, но с четко определенными проектами» [15].

Что касается Турции, то именно в ее руках находилось решение ряда вопросов, которые затормозили мирный процесс в Сирии и препятствовали принятию россий-

ских предложений по конституционным реформам: а именно продолжение активных боевых действий в Сирии, поддержка радикально настроенных по отношению к правительенным войскам группировок, неучастие курдских группировок в переговорах по будущему территориальному устройству и переговорах о выводе американских войск, которые выступили гарантом обеспечения их безопасности и в целом осуществляли с ними тесное сотрудничество. Решение этих вопросов требовало от России интенсификации переговоров именно с Турцией.

Россия и Турция имели несколько договоров по Сирии, которые уже позволили частично решить проблему эскалации ситуации в Сирии и разделить сферы влияния. В частности, Меморандум о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб от 17 сентября 2018 года, в рамках которого Турция взяла на себя обязательство по размещению умеренной оппозиции и террористов в Идлибе. В 2019 году, чтобы остановить очередную операцию Турции против курдских Отрядов народной самообороны (YPG) на севере Сирии «Источник мира», Россия провела переговоры с Турцией, в результате которых удалось договориться о прекращении огня. В рамках подписанного Дополнительного протокола к Меморандуму от марта 2020 года Россия договорилась о том, что курды отводят свои силы на глубину 30 км от границы с Турцией, а Турция соглашается на прекращение огня, создание коридора безопасности вдоль трассы М4, который во избежание дальнейших столкновений должен был патрулироваться усилиями российских и турецких военных¹⁸.

Однако Турция и Россия неоднократно обвиняли друг друга в том, что некоторые пункты соглашений не выполняются, и это вело к тому, что Турция неоднократно высказывалась за возобновление своих наземных операций в Сирии. В условиях того, что Россия оказалась втянута в активную фазу разрешения конфликта на Украине у Турции появился шанс реализовать давний план по созданию 30-километровой зоны безопасности к югу от турецкой границы.

¹⁷ Беленькая М. «О сокращении российских сил в Сирии говорить абсолютно нельзя» // Коммерсант. 17.06.2022.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5420967>

¹⁸ Беленькая М. «О сокращении российских сил в Сирии говорить абсолютно нельзя» // Коммерсант. 17.06.2022.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5420967> 7

Сейчас эта зона ограничена несколькими участками, самый большой из которых - длиной 120 км между Тель-Абъядом и Рас-эль-Айном.¹⁹ Четвертая операция «Коготь-меч» началась 20 ноября 2022 года после теракта в центре Стамбула, в организации которого турецкие власти обвинили Рабочую партию Курдистана. Однако поскольку действия Турции угрожали свести на нет наметившиеся хрупкие контуры перемирия, Россия активно начала вести переговоры с Турцией об условиях, которые могли бы предотвратить пятую по счету операцию в Сирии. 28 декабря 2022 года состоялось действительно знаковое событие - первая за 11 лет встреча в Москве глав военных ведомств Турции и Сирии, на которой Турция согласилась вывести все войска из Сирии. Позже президент Эрдоган заявил о готовности провести переговоры о нормализации и лично с Б.Асадом. Это заявление было расценено многими экспертами как фон предстоящих в мае 2023 года президентских и парламентских выборов, во время которых турецкий лидер находился под сильным давлением оппозиции, требовавшей отправить сирийских беженцев обратно на фоне резкого экономического спада и растущего антибеженского настроя в стране [5].

Однако организованные Москвой 3-4 апреля 2023 года переговоры представителей министерств иностранных дел России, Турции, Сирии и Ирана показали, что за этими заявлениями действительно есть конкретные шаги. Прежде всего стороны нашли точки соприкосновения интересов по самым важным вопросам: Сирия также не поддерживает действия курдов против Турции и не признает их автономную область. Правительство Асада считает курдов сепаратистской силой, которая разворачивает богатства страны, одновременно контролируя основные нефтяные месторождения Сирии. Еще один фактор, который убеждает Р. Эрдогана начать переговоры с Башаром Асадом - это поведение США и Израиля. Выборы показали, что США помимо поддержки курдов в соседних с Турцией странах хотят повлиять и на внутриполитическую ситуацию в Турции. При этом Р. Эрдоган так же,

как, и арабские страны, чувствует, что влияние США в Сирии и на Ближнем Востоке сейчас уменьшается и в этих условиях он может решить курдскую проблему, но без поддержки сирийского правительства борьба с курдскими формированиями не имеет большого смысла, а это в свою очередь потребует легитимации Асада и прекращение поддержки оппозиции в Сирии.

В мае 2023 года Москва организовала очередную встречу глав МИД Турции, РФ, Сирии и Ирана, чтобы помочь Сирии и Турции договориться о нормализации отношений и обсудить 4 самых главных вопроса, препятствующих этому: для Сирии - вывод турецких войск и прекращение поддержки турецкой оппозиции, для Турции - борьба с автономией курдских группировок в Сирии и возвращение сирийских беженцев на Родину. Результатом встречи стало решение о разработке дорожной карты по нормализации и примирению сторон, завершением работы над которой должна стать личная встреча Р. Эрдогана и Б. Асада при посредничестве Москвы в течение года²⁰.

Наряду с активизацией переговоров с Турцией и Ираном Москва продолжает курс на сближение с арабскими странами Ближнего Востока. В июле 2022 года впервые после многолетнего перерыва состоялась встреча России с Монархиями Персидского залива в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, которая проходила в Москве, несмотря на требование США к Бахрейну, Кувейту, Оману, Саудовской Аравии, Катару и ОАЭ отказаться от любых политических контактов с Россией. Россия поставила перед собой задачи продемонстрировать важность участия в решении ближневосточных вопросов, предложив свою Концепцию обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива. По результатам встречи было принято итоговое заявление, вызвавшее недовольство в Иране. Формальным поводом для критики Ирана в адрес России стало упоминание о необходимости мирного решения спора, касающегося трех островов - Большого Томба, Малого Томба и Абу-Муса, которые Иран считает своими, однако более

¹⁹ Атасунцев А. Почему Турция начала в Сирии новую военную операцию «Коготь-меч» // РБК. 21.11.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2022/637b61999a7947108d28f709?ysclid=lgmln90ugr30524602>

²⁰ Беленькая М. Москва собрала квартет // Коммерсант. 10.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5978347>

широкий контекст касается того, что Иран недоволен тем, что Россия в сирийском и иных вопросах стала придерживаться тактики учета интересов наиболее широкого круга лиц. Очевидно, что дальнейшее решение сирийского конфликта постепенно переходит в руки арабских стран, и Иран ищет возможности для подкрепления своих позиций путем выстраивания альянса с кем-то, чтобы сохранить текущие достижения. Все это требует от России максимально осторожного извешенного подхода к сирийскому урегулированию, необходимость обеспечить взаимные приемлемые условия для движения вперед в мирном процессе, а также учет того, что на процесс сирийского урегулирования накладывают ограничения серьезные требования региональных игроков друг к другу. Именно учет этих факторов может сделать Россию приемлемой площадкой для диалога в мирном процессе в Сирии.

Заключение

За более чем 12-летний период переговорного процесса стороны конфликта и внешние игроки не пришли к взаимоприемлемому проекту мирного урегулирования в Сирии, а постоянная подпитка оппозиционных правительству внутриполитических сил со стороны внeregиональных игроков приводила к его серьезному затягиванию. Поскольку одним из препятствий на пути урегулирования можно считать его интернационализацию, активное вмешательство зарубежных государств в динамику конфликта и их военное присутствие на сирийской территории, без переговоров об условиях вывода войск иностранных контингентов, дальнейшее продвижение мирного процесса оказалось невозможным. Кроме того, формирование на подконтрольных иностранным государствам территориях новой модели управления, постепенно становится дополнительным фактором, осложняющим переговоры по поводу будущего послевоенного устройства страны.

После провала переговоров по конституционным реформам к процессу урегулирования активнее стали подключаться страны региона, которые увидели снижение заинтересованности США в решении их проблем безопасности, начавшееся еще при Трампе.¹ Понимание того, что трансграничные проблемы безопасности, возникшие отчасти из-за политики США в отношении Сирии, невозможно решить без прямых договоренностей с сирийским руководством, побудило арабские государства сместить фокус внимания

от поиска приемлемого пути урегулирования с оппозицией, в первую очередь, на переговоры по нормализации отношений с Б. Асадом и поиск путей его легитимации.

Для России решение сирийского конфликта продолжает оставаться одним из приоритетов ее внешней политики, и после событий февраля 2022 года Россия продолжила оказывать Сирии политico-дипломатическую помощь по восстановлению ее государственности и укрепления авторитета сирийской власти. При непосредственном участии России прошли переговоры Сирии с арабскими странами. Одним из этапов мирного процесса с участием России стали переговоры о возвращении Сирии в ключевые региональные международные организации, из которых она ранее была исключена и самое главное: восстановление дипломатических отношений с ключевыми региональными игроками, поддерживающими ранее оппозиционные силы. При этом такие ключевые страны, как СА понимают, что здесь надо в равной степени вести переговоры с Ираном и Сирией.

Активное вовлечение Израиля в сирийский конфликт на фоне специальной военной операции стало еще одним фактором, который побудил Ближневосточные страны, в частности Монархии Персидского залива, задуматься о стабилизации ситуации в регионе, чтобы избежать новой Большой войны еще и в регионе Ближнего Востока, и принять посреднические услуги России, поскольку она предлагала переговоры без предварительных условий и имела непосредственное влияние на сирийскую сторону, а также контакты по широкому кругу вопросов с Ираном и Турцией. В свою очередь, для России активное вовлечение в сирийский мирный процесс имеет не только имиджевое значение. Россия крайне заинтересована в том, чтобы иметь побольше союзников, определять политические процессы с учетом своих интересов и обеспечить себе торговые и иные пути сдерживания международной изоляции, навязываемой ей Западом, и дипломатия на Ближнем Востоке способна решать для нее эти задачи.

Возврат Сирии в «арабскую семью» может также иметь серьезное значение не только для региональной стабилизации, но и может стать этапом на пути решения других конфликтов: например, в Йемене.

Литература:

1. Аксенёнок А. Перспективы послевоенной Сирии: конституция и государственно-политическое устройство // РСМД. 27.06.2018. URL: <https://russiancouncil.ru>.
2. Аксенёнок А. Сирийский конфликт: 12 лет спустя // РСМД. 01.03.2023. URL: <https://russiancouncil.ru>.
3. Ахмедов В. Эволюция ирано-израильских отношений в условиях кризиса в Сирии // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1(64). С. 147-166. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166
4. Геворгян А.Г. Курдский вопрос в турецко-сирийских отношениях в контексте сирийского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 615—624. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624.
5. Иванов С. К возможной встрече Эрдогана и Асада // Международная жизнь. 12.01.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38553>
6. Исаев Л. Зачем Россия написала Конституцию для Сирии? // Фонд Карнеги за международный мир. 15.02.2017. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/67999>
7. Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана на Ближнем Востоке в период «арабской весны» // Мусульманский мир. 2017. № 3. С. 16-25.
8. Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Цели и позиции Саудовской Аравии и Ирана в сирийском вопросе // Мусульманский мир. 2018. №1. С. 6-11.
9. Матвеев И.А. Политэкономическая модель урегулирования ситуации в Сирии в контексте украинского конфликта: рабочая тетрадь № 67 / 2022 / Под ред. Е.О. Карпинской, И.А. Бочарова, И.А. Цымбал / Российский совет по международным делам (РСМД). М., РСМД, 2022. URL: <https://russiancouncil.ru>.
10. Мустафа Эль-Лаббад. Крах турецко-саудовского стратегического альянса // Валдай. 29.03.2016. URL: <https://ru.valdaiclub.com>.
11. Надеин-Раевский В. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1(58). С. 139-156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156.
12. Рабат Л. Сложности разрешения сирийского конфликта: внешнее вмешательство и "либеральный" подход к миростроительству // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2(71). С. 481-490. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.2.017.
13. Рустамова Л.Р. Вклад международных неправительственных организаций в процессы мирного урегулирования конфликтов: кейс сирийского конфликта // Мировая политика. 2022. № 4. С. 32-45. DOI 10.25136/2409-8671.2022.4.38836.
14. Смагин Н. Другая спецоперация. Зачем Россия остается в Сирии // Фонд Карнеги за Международный Мир. 30.01.2023. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/88958>.
15. Хлебников А. Визит президента Сирии в Россию в меняющемся региональном контексте // РСМД. 17.03.2023. URL: <https://russiancouncil.ru>.
16. Хлебников А. Сирия на перепутье: экономические и дипломатические игры Дамаска // Валдай. 26.05.2023 URL: <https://ru.valdaiclub.com>.
17. Prasad H. Russia's Invasion of Ukraine Complicates the Situation in Syria // The Carter Center. 07.07.2022. URL: <https://www.cartercenter.org>.
18. Saban N. Factbox: Iranian influence and presence in Syria. Atlantic Council Comment. 5 November 2020. URL: <https://www.atlanticcouncil.org>.
19. Vogel A. Russian-Iranian-Turkish trilateral relations in the syrian civil war // Pathways to Peace and Security. 2023. No. 1(64). P. 76-110. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-76-110.

EVOLUTION OF THE SYRIAN PEACE PROCESS AND THE POSITION OF THE “KEY” STATES REGARDING THE SYRIA’S RETURN TO THE ARAB FOLD

***Introduction:** The Syrian conflict remains one of the most acute unresolved conflicts of our time. Its internationalization, the active intervention of foreign states, especially the United States and Turkey in the dynamics of the conflict and their military*

presence on Syrian territory, remain obstacles to the settlement. However, the spring of 2023 was marked by a number of political events in the Middle East, which allow us to take a fresh look at the prospects for the Syrian peace process. Against the backdrop

of increasing Israeli strikes against Syria, a serious strengthening of Iran's position and cross-border security threats spreading from Syria in the face of deteriorating socio-economic indicators in Syria due to Western sanctions, the leading Arab countries began to reconsider their relations with earlier rejected by them President B. Assad and started negotiations on the "return" of Syria to the Arab family.

Materials and methods: Russian and foreign studies on the Syrian peace process, news sources of the world media were used as materials for writing the article. The methodological base was made up of discourse analysis and a comparative analysis of the approaches of the largest regional powers to the issue of resolving the Syrian conflict.

Research results: The admission of Syria to the League of Arab States, the opening of diplomatic missions of Saudi Arabia, Bahrain, the United Arab Emirates and Oman in Syria allow us to conclude that the peace process is now in the hands of the countries of the Middle East region. The peace process also no longer consists of negotiations between the regional countries involved in the conflict and the Syrian government solely over the political structure

of Syria, but rather consists of negotiations on the conditions for the legitimization of the Syrian authorities.

Discussion and conclusion: At the same time, the role of Russia in the peace process is to organize negotiations between Syria and a number of the most authoritative Middle Eastern states: Turkey and Iran, in order to find acceptable conditions for the normalization and withdrawal of their troops from the territory of Syria in exchange for guarantees of their security and maintaining a certain balance of their interests in Syria and the Middle East region as a whole. The existing joint foreign policy interests in other regions of Russia with Turkey and Iran built interdependence relations and gave Moscow certain levers of influence on them in the Syrian negotiation process, which makes it an influential participant in the settlement of the conflict.

Leili R. Rustamova,
researcher, Primakov National Research
Institute of World Economy and International
Relations (IMEMO), Russia

Ключевые слова:

вооруженный конфликт, конфликт
в Сирии, мирный процесс,
миростроительство, мирные переговоры,
конфликт на Украине, региональные
державы, урегулирование

Keywords:

armed conflict, conflict in Syria, peace process,
peacebuilding, peace talks, conflict in Ukraine,
regional powers, settlement

References:

1. Aksenyonok A., 2018. Perspektivy poslevoennoj Sirii: konstituciya i gosudarstvenno-politicheskoe ustrojstvo [Prospects for post-war Syria: constitution and state-political structure]. *RSMD*. 27.06.2018. URL: <https://russiancouncil.ru>.
2. Aksenyonok A., 2023. Sirijskij konflikt: 12 let spustja [The Syrian conflict: 12 years later]. *RSMD*. 01.03.2023. URL: <https://russiancouncil.ru>.
3. Ahmedov V., 2023. Evolyuciya irano-izrailevskih otnoshenij v usloviyah krizisa v Sirii [The evolution of Iranian-Israeli relations in the conditions of the crisis in Syria]. *Puti k miru i bezopasnosti. [Pathways to Peace and Security]*. № 1(64). P. 147-166. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-147-166.
4. Gevorgyan A.G., 2019. Kurds'kiy vopros v turecko-sirijskih otnosheniyah v kontekste sirijskogo krizisa [The Kurdish issue in Turkish-Syrian relations in the context of the Syrian crisis]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations]*. Vol. 19. No. 4. P. 615-624. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-615-624.
5. Ivanov S., 2023. K vozmozhnoj vstreche Erdogana i Asada [Towards a possible meeting between Erdogan and Assad]. *Mezhdunarodnaya zhizn'. [The International Affairs]*. 12.01. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38553>.
6. Isaev L., 2017. Zачем Россия написала Конституцию для Сирии? [Why did Russia write the Constitution for Syria?]. *Fond Karnegi za mezdunarodnyj mir. [Carnegie Endowment for International Peace]*. 15.02. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/67999>
7. Kuz'min V.A., Sokolov N.V., 2017. Protivostoyanie Saudovskoj Aravii i Irana na Blizhnem Vostoke v period «arabskoj vesny» [Confrontation between Saudi Arabia and Iran in the Middle East during the "Arab spring"]. *Musul'manskij mir [Muslim world]*. No. 3. P. 16-25.
8. Kuz'min V.A., Sokolov N.V., 2018. Celi i pozicii Saudovskoj Aravii i Irana v sirijskom voprose [The goals and positions of Saudi Arabia and Iran in the Syrian issue]. *Musul'manskij mir [Muslim world]*. No. 1. P. 6-11.

9. Matveev I.A., 2022. Politekonomicheskaya model' uregulirovaniya situacii v Sirii v kontekste ukrainskogo konflikta: rabochaya tetrad' No 67 / 2022 / [Political and economic model for resolving the situation in Syria in the context of the Ukrainian conflict: workbook No 67]. Ed. by E.O. Karpinskaya, I.A. Bocharov, I.A. Cymbal. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [Russian International Affairs Council (RIAC)]*. Moscow. URL: <https://russiancouncil.ru>.
10. Mustafa El'-Labbad, 2016. Krah turecko-saudovskogo strategicheskogo al'yansa [The collapse of the Turkish-Saudi strategic alliance]. *Valdaj*. 29.03. URL: <https://ru.valdaiclub.com>.
11. Nadein-Raevskij V., 2020. Politika Turcii na Blizhnem Vostoke [Turkish policy in the Middle East]. *Puti k miru i bezopasnosti [Pathways to Peace and Security]*. No. 1(58). P. 139-156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156.
12. Rabat L., 2021. Slozhnosti razresheniya sirijskogo konflikta: vneshnee vmeshatel'stvo i "liberal'nyj" podhod k mirostroitel'stu [Difficulties in resolving the Syrian conflict: external intervention and the "liberal" approach to peacebuilding]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij [Questions of national and federal relations]*. Vol. 11, No. 2(71). P. 481-490. DOI: 10.35775/PSI.2021.67.2.017.
13. Rustamova L.R., 2022. Vklad mezhdunarodnyh nepravitel'stvennyh organizacij v processy mirnogo uregulirovaniya konfliktov: kej sirijskogo konflikta [The contribution of international non-governmental organizations to the processes of peaceful settlement of conflicts: the case of the Syrian conflict]. *Mirovaya politika [World Politics]*. No. P. 32-45. DOI: 10.25136/2409-8671.2022.4.38836.
14. Smagin N., 2023. Drugaya specoperaciya. Zachem Rossiya ostaetsya v Sirii [Another special operation. Why Russia Stays in Syria]. *Fond Karnegi za Mezhdunarodnyj Mir [Carnegie Endowment for International Peace]*. 30.01. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/88958>
15. Hlebnikov A., 2023. Vizit prezidenta Sirii v Rossiyu v menyayushchemsya regional'nom kontekste [The visit of the President of Syria to Russia in a changing regional context]. *RSMD*. 17.03. URL: <https://russiancouncil.ru>.
16. Hlebnikov A., 2023. Syria na pereput'e: ekonomicheskie i diplomaticheskie igry Damaska [Syria at the Crossroads: Economic and Diplomatic Games of Damascus]. *Valdaj*. 26.05. URL: <https://ru.valdaiclub.com>
17. Prasad H., 2022. Russia's Invasion of Ukraine Complicates the Situation in Syria. *The Carter Center*. 07.07. URL: <https://www.cartercenter.org>.
18. Saban N., 2020. Factbox: Iranian influence and presence in Syria. *Atlantic Council Comment*. 5 November. URL: <https://www.atlanticcouncil.org>.
19. Vogel A., 2023. Russian-Iranian-Turkish trilateral relations in the syrian civil war. *Pathways to Peace and Security*. No. 1(64). P. 76-110. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-76-110.

ВРЕМЕННАЯ ЗАЩИТА В ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дмитрий Иванов*
Джаваншир Алиев**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-28-37



Введение. Временная защита является одной из форм международной защиты, которая призвана предоставить минимальный уровень защиты в ситуациях, связанных с «массовым притоком» вынужденных мигрантов. Конвенция о статусе беженцев 1951 г. не содержит положений, касающихся ситуаций, связанных с «массовым притоком». В рамках Организации Объединенных Наций (далее – ООН) начиная с 80-х гг. ХХ в. начали обращать внимание на ситуации, связанные с «массовым притоком» (*mass influx*) или «массовым исходом» (*mass exodus*), в частности Исполнительный комитет Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (далее – УВКБ ООН) принял ряд заключений, касающихся данного вопроса. Однако все принятые на универсальном уровне международно-правовые акты носили рекомендательный характер. На региональном европейском уровне в рамках Европейского союза (далее – ЕС) была принята Директива № 2001/55/EC о минимальных стандартах предоставления временной защиты в случаях массового притока перемещенных лиц и о мерах поддержания баланса в усилиях государств-членов в связи с приемом и последствиями такого приема 2001 г.¹ В настоящей ста-

* **Иванов Дмитрий Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: prof.ivanovdv@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-1231-6072

Алиев Джаваншир Мамед оглы, кандидат юридических наук, преподаватель Института евразийского права МГИМО МИД России
e-mail: aliyevjavanshir@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7582-8318

¹ Council Directive № 2001/55/EC of 20 July 2001 on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between Member

тье предпринята попытка раскрыть историю развития временной защиты, ее содержание и особенности применения в ЕС. Авторы также затрагивают причины различного применения временной защиты в государствах – членах ЕС.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов: историко-правовой сравнительный метод; метод системно-структурного анализа; формально-логический метод.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа авторами установлено, что при предоставлении временной защиты применяется коллективный (групповой) подход рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, а не индивидуальный. Такой подход является промежуточным и не должен исключать возможность впоследствии ходатайствовать о предоставлении статуса беженца. Кроме того, государства – члены ЕС на национальном уровне могут расширить действие Директивы о временной защите 2001 г. по кругу лиц, в пространстве и во времени.

Обсуждение и заключение. Проанализирована история развития временной защиты, ее содержание и особенности применения в ЕС; обосновано, что решение о применении временной защиты является политически мотивированным решением. Сделан вывод, что несмотря на применение временной защиты в связи с событиями, происходящими на Украине, государства – члены ЕС все еще не могут согласовать общие меры с целью применения принципа солидарности и справедливого распределения ответственности, который закреплен в учредительных актах ЕС.

Введение

Временная защита – это одна из форм международной защиты вынужденных мигрантов, которая направлена на регулирование ситуаций, связанных с «массовым притоком» вынужденных мигрантов. Необходимость применения данной формы обусловлена тем, что Конвенция о статусе беженцев 1951 г. не подходит для регулирования ситуаций «массового притока»². На универсальном уровне вопросы правового регулирования ситуаций, связанных с «массовым притоком» вынужденных мигрантов, нашли свое отражение лишь в актах рекомендательного характера в первую очередь

в заключениях Исполнительного комитета УВКБ ООН. Актуальность выбранной темы связана, во-первых, с постоянно увеличивающимся потоком беженцев; во-вторых, с отсутствием в настоящее время исследований, в которых бы комплексно анализировался институт временной защиты.

Исследование

Начиная с 80-х гг. XX в. Исполнительный комитет УВКБ ООН в своих заключениях затрагивал вопросы предоставления международной защиты в ситуациях «массового притока»³. Как отмечают Д.К. Бекяшев и Д.В. Иванов, «в связи с постоянно увели-

States in receiving such persons and bearing the consequences thereof. OJ L 212, 7.8.2001. P. 12–23 // Eur-lex.europa.eu: [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:32001L0055> (дата обращения: 27.08.2023).

² Подробнее об этом см.: UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), Report of the Meeting of the Expert Group on Temporary Refuge in Situations of Large-Scale Influx (Geneva 21–24 April 1981). 17 July 1981. EC/SCP/16/Add.1 // Refworld.org: [сайт]. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae68cd04.html> (дата обращения: 16.09.2023).

³ Подробнее об этом см.: Заключение Исполкома УВКБ ООН № 15 (XXX) — 1979 г.: По вопросу о беженцах, не имеющих страны убежища; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 22 (XXXII) — 1981 г.: По вопросу о защите лиц, ищущих убежища, в условиях их массового притока; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 52 (XXXIX) — 1988 г.: По вопросу о международной солидарности и защите беженцев; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 80 (XLVII) — 1996 г.: По вопросу о всеобъемлющем и региональных подходах внутри системы защиты; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 91 (LII) — 2001 г.: Регистрация беженцев и лиц, ищущих убежища; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 94 (LIII) — 2002 г.: По вопросу о гражданском и гуманитарном характере

чивающимся потоком беженцев УВКБ ООН было вынуждено ввести практику группового подхода. В этом случае беженцами признавались не отдельные лица, а целая группа лиц, например, в случае массового притока (mass influx) или массового исхода (mass exodus) беженцев» [1. С. 12]. Данные международно-правовые акты рекомендательного характера содержали в себе следующие общие призывы к государствам, столкнувшимся с «массовым притоком» вынужденных мигрантов:

- 1) обеспечить для вынужденных мигрантов доступ на свою территорию и не рассматривать их в качестве незаконных мигрантов;
- 2) обеспечить соблюдение принципа невысылки;
- 3) обеспечить минимальные стандарты приема для вынужденных мигрантов;
- 4) соблюдать принцип справедливого распределения бремени;
- 5) рассматривать данную форму международной защиты как временную, чтобы в последующем обеспечить долгосрочные решения для вынужденных мигрантов и др.

Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН) в аналогичный период в своих резолюциях стала также затрагивать ситуации, связанные с «массовым притоком»⁴ [3. С. 37]. Таким образом, ГА ООН, УВКБ ООН и другие органы, входящие в систему ООН, в своих актах рекомендательного характера призывали государства в ситуациях «массового притока» обеспечить минимальный уровень защиты для вынужденных мигрантов путем предоставления им так называемого «временного убежища» [18. Р. 178–186]. Дж. Макадам рассматривает практику применения государствами «временного убежища» как отступление от взятых на себя обязательств по Конвенции о статусе беженцев 1951 г. [12. Р. 6–12]. Тем не менее положения вышеуказанных актов рекомендательного характера нашли свое отражение в правовых актах региональных организаций и в национальном

законодательстве государств [9. С. 248–256; 16. С. 432–439].

Право ЕС закрепляет четыре формы международной защиты вынужденных мигрантов:

- 1) предоставление статуса беженца, как это предусмотрено Конвенцией о статусе беженцев 1951 г.;
- 2) предоставление статуса дополнительной (субсидиарной) защиты;
- 3) предоставление временной защиты на основе Директивы № 2001/55/EC о минимальных стандартах предоставления временной защиты в случаях массового притока перемещенных лиц и о мерах поддержания баланса в усилиях государств-членов в связи с приемом и последствиями такого приема 2001 г.⁵ (далее – Директива о временной защите 2001 г.).
- 4) предоставление гуманитарной защиты, т.е. предоставление международной защиты из гуманитарных соображений на основе национального законодательства государств – членов ЕС.

Вооруженные конфликты, связанные с распадом Югославии, в частности конфликт в Косове в 1999 г., и их последствия [4. С. 176–177] стали причиной того, что государства – члены ЕС согласовали принятие Директивы о временной защите 2001 г. Таким образом, в рамках ЕС был принят юридически обязательный акт с целью регулирования ситуаций, связанных с «массовым притоком» вынужденных мигрантов [11. Р. 177–178]. Следует отметить, что к этому времени в некоторых государствах – членах ЕС уже была закреплена данная форма международной защиты [14. Р. 176–181; 6. С. 93–94].

Согласно ст. 1 целию Директивы является установление минимальных стандартов для предоставления временной защиты в случаях массового притока лиц из третьих стран, а также реализация мер для обеспечения баланса между усилиями государств – членов ЕС в вопросах приема и несения последствий данного приема.

убежища; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 77 (XLVI) — 1995 г.: Общее заключение по международной защите; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 85 (XLIX) — 1998 г.: Заключение по международной защите; Заключение Исполкома УВКБ ООН № 89 (LI) — 2000 г.: Общее заключение по международной защите.

⁴ Подробнее об этом см.: Резолюция ГА ООН A/RES/35/196. Массовый исход. 1980 г.; Резолюция ГА ООН A/RES/37/186. Права человека и массовый исход 1982 г.; Резолюция ГА ООН A/RES/38/103. Права человека и массовый исход 1983 г. и др.

⁵ Council Directive №2001/55/EC of 20 July 2001 on minimum standards for giving temporary protection in the event of a mass influx of displaced persons and on measures promoting a balance of efforts between Member States in receiving such persons and bearing the consequences thereof. OJ L 212, 7.8.2001. P. 12–23.

В Директиве отдельно закрепляется, что временная защита должна включать в себя соблюдение принципа невысылки и не должна ограничивать предоставление статуса беженца. Тем самым еще раз отмечается временный характер указанной формы международной защиты в сравнении с долгосрочными решениями для вынужденных мигрантов [5. С. 16–20; 17. С. 463–465].

Предусмотрен особый порядок применения временной защиты. Согласно ст. 4 Директивы решение о применении временной защиты по каждому конкретному случаю «массового притока» принимается Советом ЕС. Решение Совета ЕС предусматривает предоставление временной защиты конкретной группе лиц на один год на территории всех государств - членов ЕС, но при необходимости данный срок может быть продлен до трех лет.

Директива закрепляет следующие обязательства государств - членов ЕС в отношении лиц, получивших временную защиту:

- выдачу документов, подтверждающих разрешение на проживание;
- создание условий для получения виз, включая транзитные;
- обеспечение информацией о положениях временной защиты на понятном языке;
- выдачу разрешений на трудоустройство;
- обеспечение доступа к подходящему жилью или, при необходимости, обеспечение средствами для аренды жилья;
- обеспечение необходимой помощью в форме социального обеспечения и средств к существованию, а также предоставление медицинского обеспечения при условии недостаточности собственных средств у данных лиц;
- предоставление необходимой медицинской или иной помощи лицам с особыми потребностями (persons who have special needs). К данным лицам относятся несовершеннолетние без сопровождения, жертвы пыток, изнасилования или других серьезных форм психического, физического или сексуального насилия;
- обеспечение доступа к системе образования для несовершеннолетних наравне с гражданами государств – членов ЕС;

- установление гарантий согласно принципу воссоединения (единства) семьи, а также принципу обеспечения наилучших интересов ребенка;

- назначение представителей для несовершеннолетних без сопровождения;

- обеспечение возможности подать ходатайство о предоставлении международной защиты, а также предоставление временной защиты как в период рассмотрения ходатайства о предоставлении международной защиты, так и после получения отказа в предоставлении данной защиты.

Согласно ст. 1 Директивы вынужденные мигранты, прибывшие на территорию государств – членов ЕС в результате «массового притока», называются «перемещенными лицами»⁶.

Директива закрепляет необходимость действия государств - членов ЕС в «духе солидарности» в ситуациях «массового притока». Государства - члены ЕС должны предоставлять информацию о возможностях приема, при необходимости увеличивать поддержку в сотрудничестве с Советом ЕС, Комиссией, международными организациями и с другими государствами - членами⁷. Впоследствии данное положение нашло свое отражение в тексте Лиссабонского договора 2007 г., который закрепил его в форме принципа «солидарности и справедливого распределения ответственности между государствами - членами ЕС, в том числе в финансовом плане» (ст. 80 Договора о функционировании Европейского Союза (далее – ДФЕС)) [10. С. 60]. Следует отметить, что государства – члены ЕС имеют серьезные разногласия в вопросе реализации данного принципа.

Длительное время Совет ЕС не принимал решения о применении Директивы о временной защите 2001 г. Директива также не была изменена в период принятия второго пакета актов ЕС по вопросам убежища в 2010–2013 гг. Это было связано с тем, что государства – члены ЕС не могли согласовать общие меры реагирования на «массовый приток» перемещенных лиц, а также общие меры по соблюдению принципа солидарности и справедливого распределения ответственности между государствами – членами ЕС, закрепленного в ст. 80 ДФЕС [15. Р. 511–513, 525–526]. Следует отметить, что

⁶ Данный термин в международном праве имеет различные значения. Однако в праве ЕС под «перемещенными лицами» понимаются лица, которым была предоставлена временная защита. Подробнее об этом см. [3. С. 36].

⁷ Ст. 24–26 Директивы о временной защите 2001 г.

государства — члены ЕС не смогли согласовать решение о применении временной защиты ни в период миграционного кризиса 2015–2016 гг., ни во время других кризисов [13. Р. 57–83]. В Новом пакте о миграции и убежище 2020 г.⁸ было заявлено об отмене Директивы о временной защите 2001 г. Согласно пакту вопрос реагирования на «массовый приток» должен был разрабатываться на национальном уровне каждым государством — членом ЕС по отдельности, но соответствовать общим критериям, а принятие решения о наличии «массового притока» предлагалось передать Комиссии от Совета ЕС. Однако 2 марта 2022 г. Комиссия согласно установленной процедуре принятия решения о наличии «массового притока» [7. С. 9–10] предложила Совету ЕС проект Имплементационного решения, устанавливающего наличие массового притока перемещенных лиц с Украины по смыслу ст. 5 Директивы № 2001/55/EC Совета ЕС от 20 июля 2001 г. и имеющего следствием введение временной защиты⁹. Спустя два дня, 4 марта 2022 г., этот проект был принят (Имплементационное решение Совета (ЕС) 2022/382)¹⁰. Таким образом, впервые на уровне ЕС было принято решение применить данную форму международной защиты вынужденных мигрантов.

Согласно Имплементационному решению Совета ЕС временная защита распространяется на следующие категории лиц:

- граждане Украины, проживавшие на территории Украины до 24 февраля 2022 г.;
- лица без гражданства и граждане третьих стран, кроме граждан Украины, которые пользовались международной защитой или эквивалентной национальной защитой на территории Украины до 24 февраля 2022 г.;
- члены семей вышеуказанных категорий лиц.

Также на усмотрение государств — членов ЕС остается предоставление другим категориям лиц временной защиты, таким как:

- граждане Украины, покинувшие территорию Украины до 24 февраля 2022 г.;
- лица без гражданства и граждане третьих государств, кроме граждан Украины, проживающие на территории Украины на основании вида на жительства и которые не могут вернуться в безопасные и надежные условия в государстве происхождения;
- лица без гражданства и граждане третьих государств, кроме граждан Украины, которые на законных основаниях проживали на территории Украины и которые не могут вернуться в безопасные и надежные условия в государстве происхождения на основании ст. 7 Директивы о временной защите 2001 г.
- другие лица на основании ст. 7 Директивы о временной защите 2001 г.

Следует отметить, что и ст. 3 Директивы устанавливает, что государства — члены ЕС могут предусмотреть на национальном уровне более благоприятные условия для перемещенных лиц. Директива как акт ЕС в отличие от регламента является инструментом гармонизации, т. е. сближения законодательств государств — членов ЕС, и обычно содержит такого рода формулировки. В связи с этим при предоставлении временной защиты государства — члены ЕС обязаны соблюдать положения Директивы, но они не ограничиваются в праве расширительного толкования данных положений. На практике это приводит к тому, что предоставляемая защита отличается по содержанию в государствах — членах ЕС.

Несмотря на это, согласно позиции Совета ЕС, временная защита является наиболее эффективной формой защиты, которая освободит государства — члены ЕС от излишнего давления на национальные си-

⁸ Подробнее об этом см.: Communication From the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on a New Pact on Migration and Asylum COM/2020/609 final // Eur-lex.europa.eu: [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2020%3A609%3AFIN> (дата обращения: 06.08.2023).

⁹ Proposal for a Council implementing decision establishing the existence of a mass influx of displaced persons from Ukraine within the meaning of Article 5 of Council Directive 2001/55/EC of 20 July 2001, and having the effect of introducing temporary protection COM/2022/91 final // Eur-lex.europa.eu: [сайт]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022PC0091&qid=1646384923837> (дата обращения: 06.08.2023).

¹⁰ Council Implementing Decision (EU) 2022/382 of 4 March 2022 establishing the existence of a mass influx of displaced persons from Ukraine within the meaning of Article 5 of Directive 2001/55/EC, and having the effect of introducing temporary protection OJ L 71, 4.3.2022. P. 1–6 // Eur-lex.europa.eu: [сайт]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.071.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A071%3ATOC (дата обращения: 06.08.2023).

стемы убежища [2. С. 11–13]. Уместно будет отметить, что Совет ЕС является институтом ЕС, который собирается на уровне соответствующих министров и глав ведомств государств – членов, которые представляют интересы своих стран. Решения, принимаемые Советом ЕС, в частности Решение о применение Директивы о временной защите 2001 г., следует отнести к политически мотивированным. Это подтверждается и практикой Суда ЕС, который при рассмотрении объединенных дел «Словакия и Венгрия против Совета ЕС»¹¹ на обращение Словакии о возможности применения Директивы о временной защите 2001 г. со стороны Совета ЕС в период «миграционного кризиса» 2015–2016 гг. ответил, что рассмотрение решения Совета ЕС по данному вопросу находится за рамками юрисдикции Суда ЕС, так как данное решение носит политический характер¹².

Среди отличительных черт перемещенных лиц с Украины можно отметить также то, что на них не распространяется ст. 11 Директивы о временной защите 2001 г., согласно которой государство – член ЕС, предоставившее временную защиту, обязуется принимать обратно перемещенных лиц, пытающихся въехать или прибывающих без соответствующего разрешения на территории других государств – членов. Граждане Украины, которым не требуется получать шенгенскую визу, имеют право на свободное передвижение по территории государств – членов ЕС в течение 90 дней после прибытия, что позволяет им выбирать государство – члена, в котором они хотят получить временную защиту.

В Имплементационном решении Совета ЕС также закреплено, что «Фронтекс», Агентство Европейского союза по вопросам убежища (EUA) и Европол должны оказывать оперативную поддержку государствам – членам ЕС на основании соответствующего запроса [6. С. 90–92, 130–133].

Комиссия в своем Сообщении от 21 марта 2022 г. отметила, что во исполнение положений Имплементационного решения Совета ЕС учреждена «Платформа солидарности» (Solidarity Platform) с целью координации действий государств – членов ЕС [8. С. 52–72].

По данным Евростата на конец мая 2023 г. 4 019 815 лиц получили временную защиту в государствах – членах ЕС¹³. Больше половины из них были приняты в Германии и Польше. По данным ООН на конец июля 2023 г. 6 231 000 лиц с Украиной стали внешними вынужденными мигрантами, из которых 1 275 315 лиц приняла Россия. Также с момента начала конфликта 22 285 355 лиц пересекли государственную границу страны, а вернулись 15 730 815 лиц¹⁴. Международная организация по миграции опубликовала доклад о возвратившихся вынужденных мигрантах с Украины, согласно которому 5 562 000 лиц вернулись в места своего постоянного проживания, 20 % из которых возвратились из-за границы¹⁵.

Результаты исследования

1. Временная защита, закрепленная в праве ЕС, как форма международной защиты берет свое начало из заключений Исполнительного комитета УВКБ ООН, кото-

¹¹ Подробнее об этом см.: Joined Cases C-643/15 and C-647/15 Slovak Republic and Hungary v. Council of the European Union, 6 September 2017 // Asylumlawdatabase.eu: [сайт]. URL: <https://www.asylumlawdatabase.eu/en/content/cjeu-joined-cases-c-64315-and-c-64715-slovak-republic-and-hungary-v-council-european-union-6> (дата обращения: 30.11.2022).

¹² Подробнее об этом см.: п. 257 Решения Суда ЕС (Большой палаты) по объединенным делам Словакии и Венгрии против Совета ЕС C-643/15 и C-647/15 от 6 сентября 2017 г. // Eur-lex.europa.eu: [сайт]. URL <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62015CJ0643> (дата обращения: 30.11.2022).

¹³ Подробнее об этом см.: Официальный сайт Статистической службы ЕС (Евростат) // Ec.europa.eu: [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/MIGR_ASYTPSM/default/table?lang=en (дата обращения: 06.08.2023). Следует отметить, что к Общей европейской системе убежища ЕС присоединены Исландия, Норвегия, Лихтенштейн и Швейцария. Лица, получившие временную защиту в этих государствах не отражены в данной статистике.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Официальный сайт УВКБ ООН // Data.unhcr.org: [сайт]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 09.12.2022).

¹⁵ Ukraine — Returns Report (25 November - 5 December 2022). OIM // Dtm.iom.int: [сайт]. URL: <https://dtm.iom.int/reports/ukraine-returns-report-16-23-january-2023> (дата обращения: 06.08.2023).

рые принимались начиная с 80-х гг. XX в. и касались ситуаций, связанных с «массовым исходом» населения и предоставлением временного убежища.

2. Временная защита, как видно из названия, является времененным решением и предусматривает коллективный (групповой) подход при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища. Наличие временной защиты не должно быть препятствием для доступа к долгосрочным решениям проблем вынужденных мигрантов. В частности, это касается получения статуса беженца в соответствии с Конвенцией о статусе беженцев 1951 г., которая предполагает значительно больший объем прав, чем объем прав, предусмотренных временной защитой.

3. Директива о временной защите 2001 г. призвана регулировать ситуации, связанные с «массовым притоком» вынужденных мигрантов на территорию государств – членов ЕС.

4. Решение о применении временной защиты является политически мотивированным решением Совета ЕС. Это также подтверждается практикой Суда ЕС.

5. Государства – члены ЕС на национальном уровне могут расширить действия Директивы о временной защите 2001 г. по кругу лиц, в пространстве и во времени. Это закреплено как в самой Директиве о временной защите 2001 г., так и в Решении Совета ЕС от 4 марта 2022 г. Этим обусловлены различия в содержании временной защиты в государствах – членах ЕС.

6. Необходимо отметить, что темпы роста количества вынужденных мигрантов с

Украины замедлились за последние месяцы, а также определенная часть из них возвратилась в места своего постоянного проживания. Это подтверждается статистическими данными УВКБ ООН и Международной организации по миграции. Однако имеется вероятность того, что ситуация может измениться.

7. Несмотря на применение временной защиты в связи с событиями, происходящими на Украине, государства – члены ЕС все еще не могут согласовать общие меры с целью применения принципа солидарности и справедливого распределения ответственности, который закреплен в учредительных актах ЕС.

Заключение

Таким образом, проанализировав историю развития временной защиты, ее содержание и особенности применения в ЕС, авторами обосновано, что она берет свое начало из заключений Исполнительного комитета УВКБ ООН, которые принимались начиная с 80-х гг. XX в., а решение о применении временной защиты государствами – членами ЕС является политически мотивированным решением. Сделан вывод, что несмотря на применение временной защиты в связи с событиями, происходящими на Украине государства – члены ЕС все еще не могут согласовать общие меры с целью применения принципа солидарности и справедливого распределения ответственности, который закреплен в учредительных актах ЕС.

Литература:

1. Бекяшев Д.К., Иванов Д.В. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. М., 2014.
2. Зинченко Н.Н. Временная защита как рациональное и гуманное решение проблемы лиц, ищущих убежище // Миграционное право. 2016. № 1. С. 11–13.
3. Иванов Д.М. Вынужденная и трудовая миграция населения в международном и национальном праве. М., 2010.
4. Каслс С., де Хаас Х., Марк Дж. Век миграции: международное движение населения в современном мире. М., 2022.
5. Киселева Е.В. Временная и дополнительная защита по современному международному праву // Международный правовой курьер. 2017. № 1. С. 16–20.
6. Иванов Д.В., Егорова Е.Н., Алиев Д.М., Левина М.М. Международно-правовая политика Европейского союза в области вынужденной и трудовой миграции / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2022.
7. Потемкина О.Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 7–15.

8. Потемкина О.Ю., Шариков П.А., Кавешников Н.Ю., Бажан А.И., Рогинко С.А. Последствия «украинской европерспективы» для Европейского союза // Аналитические записки Института Европы РАН. Выпуск II. 2022. № 18. (№ 285). С. 52-72.
9. Ястребова А.Ю. Международно-правовые механизмы регулирования миграции: доктринальные подходы и опыт Российской Федерации: монография. М., 2014.
10. Ястребова А.Ю. Отдельные формы региональной международно-правовой регламентации института убежища // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2023. № 2. С. 59-71.
11. Albert M. Governance and Prima Facie Refugee Status Determination: Clarifying the Boundaries of Temporary Protection, Group Determination, and Mass Influx // Refugee Survey Quarterly. 2010. Vol. 29 (1). P. 61–91.
12. Durieux J.-F., McAdam J. Non-Refoulement through Time: The Case for a Derogation Clause to the Refugee Convention in Mass Influx Emergencies // International Journal of Refugee Law. 2004. Vol. 16. Iss. 1. P. 4–24.
13. Gluns D., Wessels J. Waste of Paper or Useful Tool? The Potential of the Temporary Protection Directive in the Current “Refugee Crisis” // Refugee Survey Quarterly. 2017. Vol. 36. Iss. 2. P. 57–83.
14. Koo J. The European Union Temporary Protection Directive: an example of solidarity in law but not in practice. A Review of Temporary Protection in the European Union 1990–2015 // School of Advanced Studies, University of London. Refugee Law Initiative Working Papers Series. 2017. P. 176–205.
15. Linden-Retek P. The Refugees We Are: Solidarity, Asylum, and Critique in the European Constitutional Imagination // German Law Journal. 2021. Vol. 22(4). P. 506–533.
16. Ninette K. International Refugee Protection Challenges and Opportunities // International Journal of Refugee Law. 2007. Vol. 19. Iss. 3. P. 401–439.
17. Thorburn J. Transcending Boundaries: Temporary Protection and Burden-sharing in Europe // International Journal of Refugee Law. 1995. Vol. 7. Iss. 3. P. 459–480. DOI: 10.1093/ijrl/7.3.459.
18. UNHCR Roundtable on Temporary Protection International Institute of Humanitarian Law // International Journal of Refugee Law. 2013. Vol. 25. Iss. 1. P. 178–186.

TEMPORARY PROTECTION IN THE LAW OF THE EUROPEAN UNION: TRENDS AND PROSPECTS

Introduction. *Temporary protection is a form of international protection that is designed to provide a minimum level of protection in situations involving large influxes of forced migrants. The 1951 Refugee Convention does not contain provisions dealing with mass influx situations. Within the framework of the United Nations (hereinafter referred to as the UN) since the 80s. XX century began to pay attention to situations associated with mass influx (mass influx) or mass exodus (mass exodus), in particular, the Executive Committee of the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (hereinafter referred to as UNHCR) adopted a number of conclusions regarding this issue. However, all international legal acts adopted at the universal level were of a recommendatory nature. At regional European level, Directive 2001/55/EC was adopted within the European Union (EU) on minimum standards for the provision of temporary protection in cases of mass influxes of displaced persons and on measures to maintain a balance in the efforts of Member States in relation to reception and consequences such a reception in 2001. This article makes an attempt to*

reveal the history of the development of temporary protection, its content and features of application in the EU. The authors also touch on the reasons for the different application of temporary protection in EU member states.

Materials and methods. *The methodological basis of the study was the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes: historical and legal comparative method; method of system-structural analysis; formal logical method.*

Research results. *As a result of the analysis, the authors found that when providing temporary protection, a collective (group) approach is used to consider applications for asylum, rather than an individual one. This approach is intermediate and should not exclude the possibility of subsequently applying for refugee status. In addition, EU Member States at national level can extend the application of the Temporary Protection Directive 2001 across persons, space and time.*

Discussion and conclusion. *The history of the development of temporary protection, its content*

and features of application in the EU are analyzed; it is justified that the decision to apply temporary protection is a politically motivated decision. It is concluded that despite the application of temporary protection in connection with events taking place in Ukraine, EU member states are still unable to agree on common measures to apply the principle of solidarity and fair sharing of responsibility, which is enshrined in the EU's founding instruments.

Dmitry V. Ivanov,
PhD in Law, Associate professor,
International Law Chair, MGIMO University,
Russia

Javanshir M. Aliyev,
PhD in Law, Lecturer, Eurasian Studies
Institute, MGIMO University, Russia

Ключевые слова:

вынужденная миграция, временная защита, массовый приток, беженцы, убежище, Общая европейская система убежища, Директива о временной защите 2001 г.

Keywords:

forced migration, temporary protection, mass influx, refugees, asylum, Common European Asylum System, Temporary Protection Directive 2001

References:

1. Bekjashev D.K., Ivanov D.V., 2014. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vynuzhdennoj i trudovoj migracii: monografija [International legal regulation of forced and labor migration: monograph]. Moscow.
2. Zinchenko N.N., 2016. Vremennaja zashchita kak racional'noe i gumannoe reshenie problemy lic, ishhushhih ubezishchhe [Temporary protection as a rational and humane solution to the problem of asylum seekers]. *Migracionnoe pravo [Migration Law]*. № 1. P. 11–13.
3. Ivanov D.M., 2010. Vynuzhdennaja i trudovaja migracija naselenija v mezhdunarodnom i nacional'nom prave [Forced and labor migration of the population in international and national law]. Moscow.
4. Kasls S., de Haas H., Mark Dzh., 2022. Vek migracii: mezhdunarodnoe dvizhenie naselenija v sovremenном mire [The Century of Migration: International Population Movements in the Modern World]. Moscow.
5. Kiseleva E. V., 2017. Vremennaja i dopolnitel'naja zashchita po sovremennomu mezhdunarodnomu pravu [Temporary and additional protection under modern international law]. *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er [International Legal Courier]*. № 1. P. 16–20.
6. Ivanov D.V., Egorova E.N., Aliev D.M., Levina M.M., 2022. Mezhdunarodno-pravovaja politika Evropejskogo sojuza v oblasti vynuzhdennoj i trudovoj migracii: uchebnoe posobie [International legal policy of the European Union in the field of forced and labor migration: textbook]. Ed. by A.N. Vylegzhannin. Moscow.
7. Potemkina O.Ju., 2022. Ukrainskie bezhency v Evrosojuze: novyj migracionnyj krizis? [Ukrainian refugees in the European Union: a new migration crisis?]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe RAS]*. № 2 (26). P. 7–15.
8. Potemkina O.Ju., Sharikov P.A., Kaveshnikov N.Ju., Bazhan A.I., Roginko S.A., 2022. Posledstvija «ukrainskoj evoperspektivy» dlja Evropejskogo sojuza [Consequences of the “Ukrainian European perspective” for the European Union]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical notes of the Institute of Europe RAS]*. Issue II. No. 18. (№ 285). P. 52–72.
9. Jastrebova A.Ju., 2014. Mezhdunarodno-pravovye mehanizmy regulirovaniya migracii: doktrinal'nye podhody i opyt Rossijskoj Federacii: monografija [International legal mechanisms for regulating migration: doctrinal approaches and experience of the Russian Federation: monograph]. Moscow.
10. Jastrebova A.Ju., 2023. Otdel'nye formy regional'noj mezhdunarodno-pravovoj reglamentacii instituta ubezishchha [Separate forms of regional international legal regulation of the institution of asylum]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literature. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo: Referativnyj zhurnal [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4. State and law: Abstract journal]*. No. 2. P. 59–71.
11. Albert M., 2010. Governance and Prima Facie Refugee Status Determination: Clarifying the Boundaries of Temporary Protection, Group Determination, and Mass Influx. *Refugee Survey Quarterly*. Vol. 29 (1). P. 61–91.
12. Durieux J.-F., McAdam J., 2004. Non-Refoulement through Time: The Case for a Derogation Clause to the Refugee Convention in Mass Influx Emergencies. *International Journal of Refugee Law*. Vol. 16. Iss. 1. P. 4–24.
13. Gluns D., Wessels J., 2017. Waste of Paper or Useful Tool? The Potential of the Temporary Protection Directive in the Current “Refugee Crisis”. *Refugee Survey Quarterly*. Vol. 36. Iss. 2. P. 57–83.
14. Koo J., 2017. The European Union Temporary Protection Directive: an example of solidarity in law but not in practice. A Review of Temporary Protection in the European Union 1990–2015. *School of Advanced Studies, University of London. Refugee Law Initiative Working Papers Series*. P. 176–205.

15. Linden-Retek P., 2021. The Refugees We Are: Solidarity, Asylum, and Critique in the European Constitutional Imagination. *German Law Journal*. Vol. 22 (4). P. 506-533.
16. Ninette K., 2007. International Refugee Protection Challenges and Opportunities. *International Journal of Refugee Law*. Vol. 19. Iss. 3. P. 401–439.
17. Thorburn J., 1995. Transcending Boundaries: Temporary Protection and Burden-sharing in Europe. *International Journal of Refugee Law*. Vol. 7. Iss. 3. P. 459–480. DOI: 10.1093/ijrl/7.3.459.
18. UNHCR Roundtable on Temporary Protection International Institute of Humanitarian Law, 2013. *International Journal of Refugee Law*. Vol. 25. Iss. 1. P. 178–186.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЕМ В КАРСКОМ МОРЕ

Наталия Минчева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-38-44



Введение. В обширной научной литературе о международно-правовых вопросах использования недр рассмотрено юридическое содержание этого понятия; его соотношение с геосистемами нашей планеты; подземный предел суверенитета, осуществляемого государством в отношении недр в пределах его территории; правовое положение морских недр, находящихся за пределами морской территории государства, но в пределах его континентального шельфа. На основе такого обширного материала в настоящей статье внимание привлекается к весьма специальной теме, имеющей огромное экономическое значение для России – прошлому, настоящему и будущему международно-правового механизма управления недрами дна Карского моря. Дополнительную актуальность этой теме придало резкое изменение в 2022 г. международно-правовой политики в Северном полярном регионе, спровоцированное семью западными государствами-членами Арктического совета.

Материалы и методы. В качестве материалов к исследованию использованы международно-правовые и национально-законодательные акты Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации, применимые к оценке статуса дна Карского моря, а также доктринальные толкования таких документов, представленные в отечественной юридической науке. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-правовые методы, в том числе сравнительно-правовой.

Результаты исследования. Если в период Российской империи на уровне государственного управления лишь оценивались международно-правовые возможности распространения властных функций российского государства на все дно Карского моря и его недра, то в период СССР, вплоть до «перестроечного» 1985 года, констатируется единобразная, без каких-либо исключений, доктринальная квалификация всего Карского моря (в том числе недр его дна) в качестве государственной морской территории Советского Союза. Вместе с тем, соответствующего законодательного акта принято не было. Но до 1985 года не принимались и такие нормативно-правовые акты, которые могли бы противоречить отмеченной доктринальной квалификации Карского моря и недр его

* Минчева Наталия Александровна, соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России
e-mail: n_mincheva@rosneft.ru
ORCID ID: 0009-0000-9476-4885

дна как находящиеся под суверенитетом СССР и его исключительным государственным управлением. Такое доктринально ясное и законодательно не вполне определенное положение прекратилось с принятием в 1985 году Постановления Совета Министров СССР, согласно которому лишь малая часть недр дна Карского моря была юридически подчинена суверенитету Советского Союза; большая же часть таких недр, хотя и осталась под природоресурсным управлением страны (как ее континентальный шельф), но с присущими этому институту некоторыми правами иностранных государств.

Обсуждение и заключение. До сих пор ответные меры России на ужесточение так называемых «санкций» западных государств после государственного переворота в Киеве в 2014 г. лежали в плоскости международного экономического права. Привнесение в 2022 году в Арктический регион западными государствами внерегиональных разногласий с Россией освобождает ее от обыкновения уважать арктические самоограничения, принятые в 1985 году, в том числе в части прав на недра Карского моря. В этом контексте в статье, в рамках применимого международного права, обоснованы предложения по «ассиметричным» ответным мерам России, лежащим в области морского права.

Введение

В международно-правовой литературе при обозначении содержания понятия «недра», используемого во многих правовых актах, напоминается о естественнонаучной характеристике данного понятия: о том, прежде всего, что недра – это часть только одной геосистемы – земной коры; что понятие «недра» не распространяется на две другие геосистемы - мантию и ядро Земли. В отличие от ядра и мантии Земли, именно по поводу использования недр и их природных ресурсов, особенно нефтегазовых трансграничных ресурсов, государства заключили множество международных договоров [10. С. 19-34]. Еще больше правовых актов о недрах и недропользовании принято на национально-законодательном уровне. Ранее законодательство Древнего Египта, Древнего Рима, Вавилона уже предусматривало нормы о недрах и пользовании ими, включая те, которые сохранились в законодательстве ряда государств и в наше время, например, предписания о горной регалии – праве пользования недрами за вознаграждение, реализуемом в порядке, установленном в законодательстве [8. С. 45].

Правовое регулирование недропользования развивалось, разумеется, не в одном направлении, учитывая существенные различия в правовых системах конкретных государств. В Англии общее право не проводило различий между земельным правом и правовым регулированием эксплуатации недр, кроме участков, где добывали золото

и серебро (последние традиционно относились к собственности монарха). Соответственно, владелец земельного участка квалифицировался законом как владелец минеральных ресурсов в пределах такого участка земли [14. С. 8]. А в российском специальном законодательстве о недропользовании, формирование которого началось при Петре I (после создания Берг-привилегии 1719 г.), устанавливалось право «свободного горного промысла на землях казенных и частных», а собственник соответствующего земельного участка «либо пользовался преимущественным правом на разработку, либо получал 1/32 часть прибыли от такой разработки» [14. С. 8].

Изначально понятие «недропользование» относилось к поиску и добыче полезных ископаемых только на суше; неудивительно, на таком фоне, что его более распространенное название – «горное дело» – представлено в большинстве национально-законодательных актов. И лишь в 20 веке стало развиваться использование полезных ископаемых морских недр, правовой режим которого обозначил существенную специфику. Во-первых, в силу наличия множества международно-согласованных документов о защите морской среды от загрязнения – и в открытом море, и в пределах национальной юрисдикции прибрежного государства. Во-вторых, из-за существенного различия в статусе морских недр: а) в пределах территории прибрежного государства; б) за ее пределами, но в пределах континентального шельфа государства; в) на морском дне за

пределами континентального шельфа прибрежного государства. В первом из названных – варианте а) - морские недра находятся под суверенитетом соответствующего прибрежного государства – территориального суверена (имеется в виду недра дна внутренних морских вод и недра дна территориального моря; а также недра морского дна в пределах архипелажных вод). Во втором – варианте б) - соответствующее прибрежное государство осуществляет в отношении морских недр не суверенитет, а суверенные природоресурсные целевые права (речь идет о недрах континентального шельфа). При третьем варианте характер прав на недра, реализуемых государством, определяется в зависимости от того, является ли оно участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) или не является. Для государства, не являющегося стороной Конвенции 1982 г., морские недра имеют статус дна открытого моря. Соответственно, более десятка таких государств (в том числе, например, США) вправе свободно разрабатывать минеральные ресурсы недр дна открытого моря (в силу принципа свободы открытого моря). Но в случае большинства государств мира – участников Конвенции 1982 г. – такой свободы у них нет: недра морского дна за пределами континентального шельфа являются, согласно Конвенции 1982 г., частью «Международного района морского дна» (далее – Район). Соответственно, разведка и разработка таких недр жестко регламентирована, а сами недра, будучи в силу Конвенции 1982 г. «общим наследием человечества», управляются Международным органом по морскому дну [1. С. 164-175].

Исследование

В изложенном правовом контексте можно определенно констатировать, что недра Карского моря – одного из вдающихся в сибирское побережье морей – находятся полностью под юрисдикцией Российской Федерации: ни одно государство из более чем 160 участников Конвенции 1982 г. не утверждало, что дно Карского моря составляет часть Международного района морского дна. Но остается вне такой юридической определен-

ности значимый вопрос: составляют ли все недра Карского моря государственную морскую территорию Российской Федерации? То есть лежат ли все эти недра в пределах дна ее внутренних морских вод и дна территориального моря страны? Либо же часть недр Карского моря – это континентальный шельф России, где властные полномочия прибрежного государства значительно скромнее? Кроме того, надо учитывать, что управление недрами континентального шельфа больше регламентировано нормами Конвенции 1982 г., чем недропользование в пределах государственной морской территории.

Ответ на поставленный вопрос обусловлен прежде всего определением статуса Карского моря. Правовая позиция Российской империи и Советского Союза (до реформ М.С. Горбачева с 1985 г.) длительное время была очень четкой и состояла в том, что Карское море никогда не находилось под международным управлением. Только государство, являющееся прибрежным сувереном – Россия [15. С. 874], затем – Советский Союз [12. С. 189] – управляли пространствами Карского моря, его минеральными, иными природными ресурсами. А в силу того, что Карское море – это часть Северного морского пути, только СССР как территориальный суверен прибрежных арктических районов осуществляет (с даты создания Администрации Севморпути в 1932 г. до настоящего времени) властные функции и в отношении навигации в Карском море¹.

Эти доктринальные позиции, особенно советская, хотя и не поддерживались *expresis verbis* в западных международно-правовых исследованиях, но последовательно отражались в отечественной юридической науке, вплоть до распада в 1991 г. СССР. В статьях профессора Дурденевского В.Н. [6], кандидата юридических наук Однопозова П.С. [13. С. 78], других отечественных юристов-международников обосновывался статус морей Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского как внутренних вод СССР. Профессор МГИМО МИД СССР Молодцов С.В. (он же – член делегации СССР на 3 Конференции ООН по морскому праву) писал, что к внутренним водам СССР относится Карское море, которое можно считать историческим

¹ Постановление СНК СССР от 17.12.1932 N1873 «Об организации при Совете народных комиссаров Союза ССР Главного управления северного морского пути». <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=24839&ysclid=llat47mxwh364054988#XZyJumTRSTJDWkT>

водным путем нашей страны: «на протяжении длительного исторического периода» оно освоено и поддерживается «в судоходном состоянии усилиями российских и советских мореходов»; кроме того, Карское море имеет «первоочередное значение для экономики Советского Союза, его обороны и защиты природной среды в этом районе» [11. С. 53]. Из этой единодушной доктринальной квалификации Карского моря в качестве внутренних вод страны по историческим основаниям следовал вывод о том, что недра дна всего Карского моря находятся под суверенитетом СССР в силу исторического титула.

Карское море отнесено к «историческим» (внутренним) водам и в фундаментальном труде по морскому праву, которое было издано Академией наук СССР [16. С. 184-190]. Та же позиция отражена в учебнике Минморфлота СССР «Морское право» для высших инженерных морских училищ СССР [7].

Единодущие советской науки международного права в том, что все дно Карского моря (включая его недра) находятся под суверенитетом СССР, не подкреплялось, однако, изданием соответствующего акта отечественного законодательства. Вместе с тем, вдоль северного побережья страны, в т.ч. вдоль побережья Карского моря, до 1985 года не устанавливались исходные линии, в т.ч. прямые; если бы такие линии были установлены, то было бы юридически обозначено, какие конкретно морские районы, находящиеся к берегу от прямых исходных линий, являются внутренними морскими водами СССР, а какие – не являются [2]. То есть на уровне советского законодательства сохранялся пробел: недра Карского моря можно было (в порядке доктринального толкования применимого права) считать полностью недрами дна внутренних вод СССР; при таком толковании Советский Союз был вправе управлять этими недрами как территориальный суверен. Но можно было допустить и иную юридическую квалификацию: что это – недра континентального шельфа СССР; в этом случае Советский Союз (как прибрежное государство) обязан был бы выполнять ряд предписаний международного морского права (например, о порядке морских научных исследований, осуществляемых иностранными государствами; о праве иностранных государств прокладывать подводные кабели и трубопроводы по дну Карского моря [9. С. 128-139].

Правовое положение дна и недр Карского моря изменилось именно с установлением в 1985 году Правительством СССР перечня географических координат, определяющих положение исходных линий, в т.ч. прямых, вдоль арктического побережья страны, в том числе вдоль берегов Карского моря. Согласно этому Постановлению, не все Карское море было очерчено прямыми исходными линиями, а лишь небольшие его районы, вдающиеся в его побережье (материковое и островное). Соответственно, только дно этих небольших районов советское правительство отнесло в 1985 году ко дну внутренних вод; а от них, уже на 12 мильном удалении – ко дну территориального моря СССР. Но при этом большая часть дна Карского моря оказалась с 1985 года за пределами морской государственной границы СССР, став континентальным шельфом Союза ССР, в отношении которого у государства суверенитета нет.

То есть в 1985 году Правительство СССР отказалось от доктринальной квалификации всего Карского моря как внутренних вод государства, от отнесения дна этого моря и его недр к государственной территории Советского Союза. На это незамедлительно отреагировали иностранные юристы: применение правительственный актом Союза ССР «столь скромных прямых исходных линий», как отметил Т. Сковази, приводит к тому, что лишь очень малые районы Карского моря «относятся к внутренним морским водам СССР», хотя это «противоречит предшествовавшим доктринальным утверждениям о наличии у Советского Союза исторического титула в отношении всех примыкающих к побережью Советского Союза арктических морей» [17. Р. 69-84].

Заключение

Можно ли «вернуть» правовое положение недр Карского моря к ситуации, существовавшей до Постановления 1985 г., т.е. к статусу недр дна внутренних вод в контексте современного международного права? Для России четкое юридическое обозначение ее суверенитета над всеми недрами Карского моря имело бы существенное экономическое значение: прежде всего для стабильного законодательного режима инвестиций в морское недропользование; для уточнения порядка управления «сидячими видами» (например, запасами крабов) дна Карского моря [1. С. 164-175] (последнее может стать актуальным на фоне изменений

арктической фауны и флоры по мере потепления в Северном регионе); а также для конструирования будущих правовых механизмов управления другими морскими природными ресурсами моря, включая генетические [5. С. 33-42].

Как представляется, в настоящее время «отменить» в рамках *lex generalis* – общего международного права – последствия Постановления 1985 г., т.е. изменить сложившийся режим управления недрами дна Карского моря нет юридической возможности. Но в контексте *lex specialis* (специальных положений) международного права это достижимо. Имеется в виду, в первую очередь, подготовка пакета ответных мер России на заявления в 2022 году и последующие меры семи западных государств-членов Арктического совета против России, принятые в связи с событиями на Украине.

В юридической литературе показаны разные оценки России и западных государств государственного переворота в Киеве в 2014 г., совершенного при соучастии США, а также последовавших событий на Украине [3. С. 2-19]. Показано также, что в течение десятилетий арктические государства не приносили в их взаимодействие в Арктике те разногласия, которые имели место в других регионах. Например, в 1999 г. бомбардировки странами НАТО Белграда и других районов Сербии были названы Российской Федерацией международным преступлением, но Россия не выносила на арктические форумы вопрос о рассмотрении этого преступления и принятии в Арктике мер против государств-нарушителей. Далее, в 2003 г., когда США напали на суверенное государство – Ирак – без решения о том Совета Безопасности ООН, Россия, осудив совершенные США нарушения международного права, не поставила в повестку дня Арктического совета вопрос о мерах против государства-нарушителя. А США, другие западные государства-члены Арктического совета в марте и в июне 2022 г. приняли решения отказаться от сотрудничества с Россией в Арктическом совете в связи с начатой Россией в 2022 году

Специальной военной операции по защите Донбасса [4. С. 23].

Названное неспровоцированное нарушение семью западными государствами сложившегося обыкновения ограждать Арктику от разногласий в других регионах позволяет в настоящий период России принять ответные меры, напомнив о Карском море, которое в период Советского Союза рассматривались в науке, бесспорно, как его внутренние воды по историческим основаниям и, соответственно, недра дна этих вод – как находящиеся под суверенитетом страны. Главной из этих ответных мер мог бы стать временный запрет для названных государств осуществлять судоходство, в том числе для научных целей, в любом районе Карского моря, если на то нет отдельного разрешения компетентных российских властей. Такая ответная мера могла бы быть отменена российскими властями после официального уведомления властями конкретного западного государства, направленного по дипломатическим каналам, о том, что это государство считает, как и Россия, нарушением международного права соучастие США в неконституционной силовой замене в Киеве в 2014 г. конституционно избранного президента Украины на нелегитимный режим в Киеве; также считает нарушением международного права обстрелы с 2014 года со стороны Киевского режима территории Донбасса, население которых не избирало властный режим, возникший в Киеве после государственного переворота 2014 г. Кроме того, в дипломатическом уведомлении такого западного государства должно содержаться также заверение о прекращении им какого бы ни было военного содействия нелегитимному режиму в Киеве.

В рамках таких ответных мер, Россия могла бы сделать практический шаг в направлении, обозначенном еще в период Российской империи, в целях подтверждения своих властных полномочий по управлению в качестве суверена недрами дна всего Карского моря.

Литература:

1. Вылегжанин А.Н. Морское дно за пределами национальной юрисдикции // Международное морское право / Отв. ред. С.А. Гуреев. М., 2003.
2. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Исходные линии в Арктике: применимое международное право. М., 2018.

3. Вылегжанин А.Н., Крицкий К. Соучастие США в государственном перевороте в Киеве 2014 года – это международное правонарушение // Международная жизнь. 2019. № 3.
4. Вылегжанин А.Н., Лысенко М.Н., Вяхирева Н.С., Снятков А.А. Будущее Арктического совета. Рабочая тетрадь. №75/2023 // Российский совет по международным делам. М., 2023.
5. Вылегжанин А.Н., Сотскова П.В. Генетические ресурсы как объект международного права // Правоприменение. 2023. 7(1).
6. Дурденевский В.Н. Проблема правового режима приполярных областей // Вестник Московского университета. 1950. № 7.
7. Жудро А.К., Джавад Ю.Х. Морское право. М., 1974.
8. Кокин В.Н. Недропользование: теоретико-правовой анализ. М., 2005.
9. Международное морское право / Отв. ред. С.А. Гуреев. М., 2003.
10. Международно-правовые вопросы недропользования. Предисловие А.В. Торкунова / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2007.
11. Молодцов С.В. Международное морское право. М., 1987.
12. Насиновский Е.Н. Международно-правовой режим Северного морского театра // Военно-морской международно-правовой справочник / Под ред. Бахова А.С. М., 1956.
13. Однопозов П.С. Международно-правовой режим Арктики // Правоведение. № 4. 1973.
14. Российское горное законодательство. Документы и комментарии // Ред. коллегия: В.Ж. Аренс, А.Н. Вылегжанин, В.Н. Вылегжанин. М., 1996.
15. Энциклопедический словарь. Издательство Ф.Ф. Павленкова. Санкт-Петербург. 1907.
16. Эфендиев О.Ф. Арктические воды // Современное международное морское право / Отв. ред. Лазарев М.И. М., 1974.
17. Scovazzi T. The Baseline of the Territorial Sea: the Practice of Arctic States // The Law of the Sea and Polar Maritime Delimitation and Jurisdiction. Ed. by A. G.O. Elferink, D.R. Rothwell. 2001.

INTERNATIONAL LAW BASICS OF GOVERNANCE OF SUBSOIL IN KARA SEA

Introduction. International law issues of using subsoil are addressed in many legal researches, which cover the normative content of this term and the subsoil extension of a state sovereignty within the state's boundaries and also the status of marine subsoil both within and beyond the continental shelf. Taking into account this wide array of research materials this paper addresses a rather specific topic, which is of huge economic importance for Russia, that is the past, present and future legal mechanism of subsoil management in Kara Sea. In addition to that the paper address in this context the sharp change in 2022 the international legal policy in the Northern Polar region, which was initiated by the seven western countries-members of the Arctic Council.

Materials and methods. International and national legal documents of the Russian Empire and the Soviet Union and also Russian Federation (which are applicable to the bottom of the Kara Sea) are used as materials for this research. The teachings of the qualified legal scholars devoted to these documents are also scrutinized. The author has relied upon general research methods as well as those which are specifically used by lawyers.

Results of the research. During the period of the Russian Empire only suggestions were published as to the international law possibility to extend the administrative functions of Russia to the bottom of the whole Kara Sea. During the soviet period (until Gorbachev's "perestroika" start in 1985) Kara Sea bottom and its subsoil were unanimously qualified as a part of state's maritime territory of the Soviet Union. The relevant act of legislation, however, was never adopted. At the same time, no legal act was adopted, what might contradict the doctrinal qualification of Kara Sea and its subsoil as being under the sovereignty of the USSR and under its exclusive state control. In 1985 such a legal approach ceased to exist: according to the first northern "Gorbachev's" Decree of the Council of Ministers of the USSR only small part of the subsoil of Kara Sea was legally qualified as being under the sovereignty of the country. As for the larger part of such subsoil, it has legally received a "weaker" status – as subsoil of the continental shelf implying that foreign states have some rights on the continental shelf.

Discussion and conclusions. Up till nowadays the legal response of Russia to western states "sanctions" after the Coup d'Etat in Kiev in 2014

were always within international economic law. The fact that western countries introduced in 2022 non-regional disagreements with Russia in the policy in the Arctic Region has legal consequences for Russia. From this moment Russia is also free from the former tradition to respect its previous self-limitations in the Arctic relating to such western states. That covers, *inter alia*, self-limitations provided in the 1985

Decree relating to the status of subsoil in Kara Sea. In such a context the paper suggests "asymmetric" measures to be adopted by the Russian Federation within the law of the sea.

Nataliya A. Mincheva,
Postgraduate Researcher, International Law
Department, MGIMO University, Russia

Ключевые слова:

недропользование, Карское море,
Российская империя, Советский Союз,
Российская Федерация, ответные меры

Keywords:

subsoil, using the subsoil, Kara Sea, Russian Empire, the Soviet Union, the Russian Federation, reciprocal measures

References:

1. Vylegzhannin A.N., 2003. Morskoe dno za predelami natsionalnoy yurisdiktsii [Seabed beyond national jurisdiction]. *Mezhdunarodnoe morskoe pravo. [International maritime law]*. Moscow.
2. Vylegzhannin A.N., Dudykina I.P., 2018. Ishodnye linii v Arktike: primenimoe mezhdunarodnoe pravo [Baseline lines in the Arctic: applicable international law]. Moscow.
3. Vylegzhannin A.N., Kritskiy K., 2019. Souchastie USA v gosudarstvennom perevorte v Kiev 2014 goda – eto mezhdunarodnoe pravonarushenie [US complicity in the 2014 coup in Kyiv is an international offense]. *Mezhdunarodnaya zhizn [The International Affairs]*. № 3.
4. Vylegzhannin A.N., Lysenko M.N., Vyahireva N.S., Snyatkov A.A., 2023. Budushchee Arkhicheskogo soveta [Future of the arctic council]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]*. Moscow. № 75.
5. Vylegzhannin A.N., Sotskova P.V., 2023. Geneticheskie resursy kak obieekt mezhdunarodnogo prava [Genetic resources as an object of international law]. *Pravoprimenenie [Law Enforcement Review]*. 7 (1).
6. Durdenevskiy V.N., 1950. Problema pravovogo rezhima pripolyarnykh oblastey [The problem of the legal regime of the circumpolar regions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [MSU Vestnik]*. № 7.
7. Zhudro A.K., Dzhavad U.H., 1974. Morskoe pravo [Maritime law]. Moscow.
8. Kokin V.N., 2005. Nedropolzovanie: teoretiko-pravovoy analiz. [Subsoil use: theoretical and legal analysis]. Moscow.
9. Mezhdunarodnoe morskoe pravo [International Maritime Law]. Ed. by S.A. Gureev. Moscow, 2003.
10. Mezhdunarodno-pravovye voprosy nedropolzovaniya [International legal issues of subsoil use]. Preface by A.V. Torkunov. Ed. by A.N. Vylegzhannin. Moscow. 2007.
11. Molodtsov S.V., 1987. Mezhdunarodnoe morskoe pravo [International Maritime Law]. Moscow.
12. Nasinovskiy E.N., 1956. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim Severnogo morskogo teatra [International legal regime of the Northern Maritime Theater]. *Voenno-morskoy mezhdunarodno-pravovoy spravochnik [Naval International Legal Directory]*. Moscow.
13. Odhopozov P.S., 1973. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim Arktiki [International legal regime of the Arctic] *Pravovedenie. [Law Enforcement Review]*. № 4.
14. Rossiyskoe gornoje zakonodatelstvo [Russian mining legislation]. Ed. by Arens V.Zh., Vylegzhannin A.N., Vylegzhannin V.N. Moscow, 1996.
15. Entsiklopedicheskiy slovar'. [Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, 1907.
16. Efendiev O.F., 1974. Arkhicheskie vody [The Arctic Waters]. *Sovremennoe mezhdunarodnoe morskoe pravo. Rezhim vodi dna Mirovogo okeana [Modern International Law of the Sea. Regime of the Waters and the Ocean Floor]*. Ed. by Lazarev M.I. Moscow.
17. Scovazzi T., 2001. The Baseline of the Territorial Sea: The Practice of Arctic States. *The Law of the Sea and Polar Maritime Delimitation and Jurisdiction*. Ed. By A. G.O. Elferink, D.R. Rothwell.

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК ОСОБАЯ ДОГОВОРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Алексей Кирсанов*
Антон Кузьмин**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-45-52



Введение. В настоящей статье рассматривается проблема отсутствия специального законодательного регулирования института смарт-контрактов, выражаяющаяся, в том числе, в отсутствии в законе определения понятия смарт-контракта и распределенного реестра транзакций (блокчейна). Авторами предпринята попытка выявить наличие негативных эффектов на правовые отношения в связи с наличием законодательного пробела в регулировании данного института.

Материалы и методы. В рамках проведения исследования автором используются как общие, так и частнонаучные методы исследования. При исследовании вопроса зарождения института смарт-контрактов авторами используется исторический метод, а при рассмотрении вопроса о наличии пробела законодательного регулирования института смарт-контрактов в отечественном праве используется сравнительно-правовой метод научного познания.

Результаты исследования. Авторы приходят к выводу, что одной из основных проблем, существующих в настоящее время в сфере правового регулирования смарт-контрактов, является отсутствие специального регулирования данного института, а также отсутствие законодательного закрепления понятия смарт-контракта и распределенного реестра транзакций. Обозначенные проблемы создают препятствия для развития и применения института смарт-контрактов в гражданско-правовых отношениях.



* **Кирсанов Алексей Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российской университета дружбы народов, Россия
e-mail: aleksey-kirсанов@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8382-3544

Кузьмин Антон Власович, аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российской университета дружбы народов, Россия
e-mail: kuzanwow@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-4600-2414

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что наиболее простым решением устранения регулятивного пробела института смарт-контрактов является законодательное закрепление понятия смарт-контракта и распределенного реестра транзакций в редакции, предложенной в проекте Закона о ЦФО, что сделает применение данного института более привлекательным для участников гражданских правоотношений и будет способствовать развитию указанного института.

Введение

Развитие информационных технологий оказывает положительный эффект на большинство сфер человеческой деятельности, зачастую привнося упрощенные способы ведения такой деятельности и снижая трудозатраты. При этом влияние информационных технологий распространяет свое действие и на развитие договорных правоотношений. На смену привычным бумажным договорам все чаще стали приходить «умные договоры» или, как принято их называть, смарт-контракты, которые отражают условия договора посредством компьютерного кода и упрощают взаимодействие между участниками гражданско-правовых отношений, снижая риски неисполнения обязательств со стороны контрагентов.

В настоящее время в российском законодательстве правовое регулирование смарт-контрактов носит весьма поверхностный характер. В связи с тем, что легальной дефиниции смарт-контракта закон не приводит, использование технологии смарт-контракта на практике представляется довольно затруднительным.

В связи с этим представляется разумным рассмотреть различные подходы определения понятия смарт-контракта, сложившиеся как в юридической литературе, так и в проектах нормативно-правовых актов, а также выявить реальную необходимость устранения пробела в правовом регулировании института смарт-контрактов.

Исследование

Одно из первых задокументированных определений понятия смарт-контракта было представлено в 1994 году в работе американского ученого в области информатики Ника Сабо, который определял смарт контракт как некий компьютеризированный транзакционный протокол, способный исполнять

условия контракта [3. С. 5]. При этом автор работы выделил определенные цели, которым призван служить смарт-контракт. Среди таких целей Ник Сабо выделял исполнение общих договорных условий, как, например, условия оплаты, условия о залоге и применимом праве, сведение к минимуму использования неоднозначных положений контракта, включенных как злонамеренно, так и случайно, а также практически полное исключение необходимости сторонам контракта привлекать посредников [3. С. 6]. Помимо прочего, ученый определил ряд экономических преимуществ использования смарт-контрактов перед привычными договорами, среди которых можно выделить снижение риска мошенничества и, соответственно, убытков, причиненных таким правонарушением, а также снижение судебных и иных транзакционных издержек, связанных с исполнением сторонами своих обязательств по договору.

Представляется, что указанная работа послужила фундаментом для развития института смарт-контрактов, поскольку определенные Ником Сабо цели применения данного института достигаются посредством заключения и исполнения смарт-контрактов в настоящее время. Так, например, заключение смарт-контрактов действительно снижает риск неоднозначного толкования условий договора, поскольку они прописаны в качестве кода, который всегда имеет достаточно четкий алгоритм исполнения. С этим также связано и снижение судебных издержек, так как предполагается, что смарт-контракт обладает такой не свойственной для обычного договора характеристикой, как самоисполнимость, то есть контракт автоматически исполняется при достижении определенных условий, что автоматически снижает риск, например, неуплаты денежных средств одной стороной при исполнении своих обязательств другой, поскольку при использовании смарт-контракта денежные

средства резервируются системой и, затем, автоматически переводятся на счет исполнившей свои обязательства стороне.

Кроме того, снижение судебных издережек благоприятно оказывается и на судебной системе государства, где активно применяются смарт-контракты, поскольку их использование приводит к снижению количества судебных споров и, соответственно, к снижению нагрузки на суды в целом, что в теории позволит судам более качественно осуществлять функцию отправления правосудия. Представляется, что экономия времени контрагентов при использовании института смарт-контрактов должна также благоприятно оказаться и на развитии гражданского оборота в целом, поскольку участники гражданских правоотношений смогут заключать большее количество сделок с наименьшим количеством рисков, что, в свою очередь, приведет к росту экономики в целом.

Попытка определить сущность понятия «смарт-контракт» была предпринята в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (далее также – Закон о ЦФО), который определял смарт-контракт как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств¹.

Указанное определение, на наш взгляд, содержит некоторые технические ошибки, искажающие саму суть смарт-контрактов. В данном определении законодатель рассматривает смарт-контракт в качестве договора в электронной форме, не раскрывая при этом самой сути указанной электронной формы. Под электронной формой договора следует понимать обычный, привычный всем текст договора, отраженный в электронном виде, например, в формате скан-копии. При этом одна из ключевых особенностей смарт-контракта заключается в том, что условия договора отражены в виде специального компьютерного кода [1. С. 99]. Важно отметить, что в настоящее время суды

исходят из того, что электронная форма договора представляет собой электронный документ, отражающий содержание договора именно в виде текста².

В связи с этим в случае принятия Закона о ЦФО, содержащем приведенное определение понятия смарт-контракта, могла бы возникнуть путаница в терминологии, что также могло бы негативно сказать и на право-применимой практике. Однако, учитывая отсутствие какого-либо специального регулирования института смарт-контрактов действующим законодательством, введение такого определения могло бы положить начало совершенствования законодательного регулирования данного института.

Активное развитие института смарт-контрактов в современном мире не могло остаться без внимания отечественных ученых, в связи с чем в доктрине также были представлены попытки выявления определения смарт-контракта. Так, например, А.И. Савельев разграничивает понятие смарт-контрактов в широком и узком смысле [2. С. 457]. Говоря о смарт-контрактах в узком смысле, автор подразумевает более технически сложную формулировку понятия такой договорной конструкции, суть которой заключается в том, что условия договора в таком случае должны быть описаны в виде программного кода, а сам договор должен исполняться в распределенном реестре транзакций. Смарт-контракт в широком смысле представляет собой любое автоматизированное исполнение договора, в том числе покупку через онлайн-сервисы или, например, продажу товаров посредством автоматов [2. С. 457].

Таким образом, определение смарт-контракта в широком смысле охватывает любые договоры, существующие в электронной форме и исполняемые автоматически при совершении определенных действий. Такое определение смарт-контрактов, по нашему мнению, является слишком открытым, позволяющим применить понятие смарт-контракта практически к любой сделке, совершенной в электронном виде, что противоречит изначальным целям смарт-контрактов, заложенных еще в 1994 году Ником Сабо.

¹ Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс»

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.10.2022 № Ф05-19806/2022 по делу № А40-267521/2021

Куда больший интерес представляет определение смарт-контракта в узком смысле. Как видно из приведенного Савельевым А.И. определения смарт-контракта в узком смысле, основными критериями такого смарт-контракта являются описание условий договора посредством программного кода, а также наличие распределенного реестра транзакций.

Основная особенность условий договора, закрепленных посредством программного кода, состоит в невозможности стороны договора физически прочитать эти условия привычным нам образом, просто взглянув на контракт, поскольку программный код имеет свой собственный лексикон и вряд ли будет понятен обычному человеку, не знающему особенностей языков программирования. Указанное обстоятельство порождает некоторые особенности правового регулирования таких контрактов ввиду того, что для надлежащего исполнения такого договора нужна некая технология, которая будет хранить всю информацию о смарт-контракте, обеспечивать безопасность и автоматизацию его исполнения, а также упрощать работу со смарт-контрактами для его сторон. В настоящее время такой технологией является распределенный реестр транзакций.

Чаще всего, когда речь заходит о распределенном реестре транзакций, под таким реестром подразумевается блокчейн³.

Проект Закона о ЦФО, помимо определения смарт-контракта, содержал также и определение распределенного реестра цифровых транзакций, под которым понималась формируемая на определенный момент времени систематизированная база цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра⁴. Указанное определение носит весьма широкий характер описания технологии распределенного реестра. По нашему мнению, это обусловлено тем фактом, что

блокчейн является лишь одним из видов такого реестра и не исключено, что в будущем появятся иные технологии подобного рода, способные его заменить.

Среди ученых также сложилось мнение, что блокчейн является важнейшим инструментом, с помощью которого реализуются смарт-контракты в современном мире. Например, по мнению некоторых зарубежных авторов, одним из преимуществ написания смарт-контрактов с применением технологии блокчейн является снижение транзакционных и исполнительных издержек, а также времени их исполнения [4. С. 368].

Представляется, что основное преимущество использования распределенного реестра при написании смарт-контрактов заключается в прозрачности исполнения обязательств сторонами контракта, поскольку использование подобной технологии уменьшает риск недобросовестного поведения сторон в связи с тем, что исполнение контракта происходит автоматически при достижении определенных условий и не зависит от последующей воли его сторон.

Необходимо отметить, что в подзаконных правовых актах также отмечают тесную связь между смарт-контрактами и технологией блокчейн⁵.

Технология блокчейн применяется не только при заключении и исполнении смарт-контрактов, но также и в иных сферах. Например, Федеральная налоговая служба создала специальную платформу,званную повысить эффективность мер государственной поддержки, которая оказывается субъектам малого и среднего предпринимательства на базе технологии блокчейн⁶.

В действующем законодательстве сама по себе возможность заключения смарт-контракта в законе установлена, хотя и видится весьма неочевидной. Некоторые нормы Гражданского кодекса РФ⁷ (далее также – ГК РФ), посвященные договорным обязательствам, могут толковаться достаточно широко, в связи с чем из них можно сделать вывод о возможности применения

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.02.2023 № Ф01-2888/2022 по делу № А43-462/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс»

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р <Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 - 2030 годы)>.

⁶ Письмо ФНС России от 20.11.2020 № АБ-4-19/19051@ // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс»

договорной конструкции смарт-контрактов в России. Например, абз.2 п.1 ст. 160 ГК РФ признает соблюденной письменную форму сделки в случае, если она совершена с использованием электронных либо технических средств, которые позволяют воспроизвести содержание сделки на материальном носителе.

На наш взгляд, при заключении смарт-контрактов можно руководствоваться указанным пунктом, поскольку он отвечает двум основным критериям, отраженным приведенной нормой. Во-первых, компьютерный код, в который вшиты условия договора, пишется с использованием технических средств, а именно специальных компьютерных программ, с использованием электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Во-вторых, содержание сделки, то есть такой код смарт-контракта, можно воспроизвести на материальном носителе. Судебная практика подкрепляет указанное утверждение. Из Определения коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ следует, что хранение программ в памяти ЭВМ соответствует хранению таких программ на материальном носителе⁸. При этом Суд по интеллектуальным правам в своем решении со ссылкой на Большую политехническую энциклопедию отождествляет понятие ЭВМ и компьютер⁹. Таким образом, можно сделать вывод, что компьютер является материальным носителем, на котором можно как хранить, так и воспроизводить компьютерный код смарт-контракта, что, с в свою очередь, подтверждает наш тезис о возможности применения абз.2 п.1 ст. 160 ГК РФ к институту смарт-контрактов.

Еще одной закрепленной в Гражданском кодексе РФ нормой, косвенно подтверждающей возможность заключения смарт-контрактов, является ч. 2 ст. 309 ГК РФ¹⁰. Приведенная норма закрепляет возможность сторон сделки предусмотреть в ней условие о ее исполнении при наступлении определенных обстоятельств без дополнительного волеизъявления сторон сделки, направленного на исполнение обязательства, с использованием информационных технологий. Поскольку смарт-контракты заключаются и

исполняются с применением информационных технологий, являются самоисполнимыми, то есть автоматически исполняются при достижении прописанных в коде смарт-контракта условий и не требуют дополнительного волеизъявления сторон на исполнение обязательства, поскольку, по нашему мнению, представляется разумным сделать вывод о том, что приведенная выше норма, в том числе, распространяет свое действие и на обязательства, возникающие при заключении и исполнении смарт-контрактов.

Также в рамках системы правового регулирования института смарт-контрактов представляется возможным выделить п. 2 ст. 434 ГК РФ, предусматривающую возможность заключения договора в письменной форме путем составления одного документа в электронной форме. Как было указано ранее, электронная форма договора представляет собой привычный текстовый документ, содержащийся в электронном виде на материальном носителе, что также соответствует актуальной судебной практике по данному вопросу. Однако, учитывая, что проект Закона о ЦФО определял смарт-контракт именно как договор в электронной форме, а также весьма скучный объем правовых норм, регулирующих институт смарт-контрактов, на наш взгляд является допустимым использовать терминологию «договор в электронной форме» применительно к смарт-контрактам за неимением более конкретной альтернативы в действующем законодательстве.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что закрепление в законе возможности считать соблюденной письменную форму сделки, заключенной с использованием технических средств и воспроизводимой на материальном носителе, определять сторонами условия сделки, при которых не требуется их дополнительного волеизъявления по исполнению обязательства, а также заключать сделки посредством составления электронного документа, в совокупности образует правовое регулирование института смарт-контрактов.

Таким образом, в настоящее время отдельные положения законодательства, косвенно регулирующие отношения, возникающие в связи с заключением и исполнением

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.06.2016 № 308-ЭС14-1400 по делу № А20-2391/2013 // СПС «КонсультантПлюс»

⁹ Решение Суда по интеллектуальным правам от 25.03.2020 по делу № СИП-813/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

¹⁰ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс»

смарт-контрактов, содержатся исключительно в общих положениях о сделках и договорных обязательствах, что, по нашему мнению, является недостаточным для регулирования такого технически сложного института.

Ввиду отсутствия специальных правовых норм, направленных на регулирование именно института смарт-контрактов, создается ситуация, при которой сторонам попросту непонятно, какие правовые последствия ждут их при заключении смарт-контрактов. В связи с этим заключение смарт-контрактов в России носит довольно рисковый характер, что делает такую договорную конструкцию менее привлекательной для субъектов гражданских правоотношений и тормозит развитие указанного института.

Подтверждением того, что институт смарт-контрактов активно не используется в настоящее время, является практически полное отсутствие какой-либо судебной практики, связанной с их применением. Хотя одной из целей смарт-контрактов является снижение судебных издержек ввиду самоисполнимости таких контрактов, на практике, как было описано выше, для корректной работы такой самоисполнимости необходимо использовать технологию распределенного реестра, а также наличие полного правового регулирования таких контрактов.

Поскольку закон не закрепляет обязанность сторон использовать при заключении смарт-контрактов технологию блокчейн, и, согласно действующему законодательству под понятие смарт-контракта подпадает абсолютно любая сделка, совершенная с применением технических средств, например, покупка товаров посредством вендингового аппарата, можно сделать вывод, что отсутствие судебной практики связано не с достижением цели института смарт-контрактов по снижению судебных издержек, а рисковым характером и непониманием субъектами правового статуса смарт-контрактов в отечественном законодательстве.

При этом, даже несмотря на указанные выше проблемы, некоторые субъекты права все же прибегают к применению института смарт-контрактов. Примером тому является Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А55-7445/2022¹¹.

Согласно фабуле дела, истец обратился в суд с требованием о понуждении Ответчика к исполнению договора путем передачи товара и принятия денежных средств. Наиболее интересной деталью данного спора является договорная конструкция, посредством которой стороны собирались заключить договор. Как следует из материалов дела, ответчик осуществлял продажу автомобилей с использованием технологии смарт-контракта, то есть договора, записанного в виде компьютерной программы.

Суд также отметил, что текст смарт-контракта криптографически подписывается сторонами и запускается на исполнение на доверенной платформе. Кроме того, как указал суд, в данном случае смарт-контракт контролирует условия договора и, при выполнении условий, исполняет его обязательства. При этом для автоматической работы смарт-контракта все условия обязательства договора должны быть программно доступны на доверенной платформе.

Основной особенностью данного дела, по нашему мнению, является тот факт, что это один из первых судебных актов в рамках отечественной судебной практики, который оперирует понятием смарт-контракта и обозначает основные присущие ему признаки, а именно:

- доверенную платформу;
- самоисполнимость;
- условия, содержащиеся в виде компьютерной программы, то есть кода.

Это показывает, что несмотря на отсутствие специального регулирования института смарт-контрактов, субъекты права все равно используют его в гражданско-правовых отношениях на свой страх и риск, а судам при рассмотрении споров самостоятельно приходится давать определение смарт-контрактам, что также создает дополнительную нагрузку на судей.

Результаты исследования

Таким образом, одной из основных проблем, существующих в настоящее время в сфере правового регулирования смарт-контрактов, является отсутствие специального регулирования данного института, отсутствие законодательного закрепления

¹¹ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 № 11АП-19145/2022 по делу № А55-7445/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

понятия смарт-контракта и распределенного реестра транзакций. Обозначенные проблемы создают препятствия для развития и применения института смарт-контрактов в гражданско-правовых отношениях, что, по нашему мнению, негативно сказывается на развитии экономических отношений в целом, поскольку использование смарт-контрактов при заключении сделок могло бы сильно упростить процесс исполнения обязательств, что привело бы к ускорению исполнения таких сделок и, соответственно, ввиду совершения таких сделок на доверенной платформе, сократило бы количество судебных споров.

Заключение

Представляется, что наиболее простым решением устранения описанной в исследовании проблемы, по нашему мнению, является законодательное закрепление понятия смарт-контракта и распределенного реестра транзакций в редакции, предложенной в проекте Закона о ЦФО. Авторы настоящего исследования сходятся во мнении, что это будет первым шагом на пути полноценного развития института смарт-контрактов и позволит субъектам правоотношений заключать сделки с применением данной технологии, не опасаясь неопределенных последствий совершения таких сделок.

Литература:

1. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94 - 117.
2. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др. / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022.
3. Szabo N. Smart Contracts. 1994.
4. Philipp R., Praise G., Gerlitz L. Blockchain and Smart Contracts for Entrepreneurial Collaboration in Maritime Supply Chains // Transport and Telecommunication Journal. 2019. Vol. 20. Issue 4. P. 365 - 378.

SMART CONTRACT AS A TYPE OF CONTRACT UNDER RUSSIAN LAW

Introduction. This article discusses the problem of the lack of special legislative regulation of the institution of smart contracts, which is expressed, among other things, in the absence of a definition of the concept of a smart contract and a distributed ledger of transactions (blockchain) in the law. The authors made an attempt to identify the presence of negative effects on legal relations due to the presence of a legislative gap in the regulation of this institution.

Materials and methods. As part of the research, the author uses both general and specific scientific research methods. When studying the issue of the origin of the institution of smart contracts, the authors use the historical method, and when considering the issue of the existence of a gap in the legislative regulation of the institution of smart contracts in domestic law, they use the comparative legal method of scientific knowledge.

Results of the study. The authors come to the conclusion that one of the main problems currently existing in the field of legal regulation of smart con-

tracts is the lack of special regulation of this institution, as well as the lack of legislative recognition of the concept of a smart contract and a distributed registry of transactions. The identified problems create obstacles to the development and application of the institution of smart contracts in civil law relations.

Discussion and conclusions. The study showed that the simplest solution to eliminating the regulatory gap of the smart contract institution is to legislate the concept of a smart contract and a distributed transaction registry in the wording proposed in the draft Law on the Central Federal District, which will make the use of this institution more attractive for participants in civil legal relations and will contribute to the development of the specified institute.

Alexey N. Kirsanov,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure and
International Private Law, Peoples' Friendship
University of Russia

Anton V. Kuzmin,
Postgraduate Researcher with the of the
Civil Law and Procedure and International

Private Law Department, Peoples' Friendship
University of Russia

Ключевые слова:

· смарт-контракт, распределенный
реестр транзакций, блокчейн, договор в
электронной форме

Keywords:

smart contract, distributed ledger of
transactions, blockchain, contract in electronic
form

References:

1. Savel'ev A.I., 2017. Nekotorye pravovye aspekty ispol'zovaniya smart-kontraktov i blokchejn-tehnologij po rossijskomu pravu [Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law]. *Zakon [Law]*. № 5. P. 94 - 117.
2. Ispolnenie i prekrashhenie objazatel'stva: kommentarij k stat'jam 307 - 328 i 407 - 419 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Fulfillment and termination of an obligation: commentary on articles 307 - 328 and 407 - 419 of the Civil Code of the Russian Federation]. A.O. Batishhev, A.A. Gromov, A.G. Karapetov and others. Ed. by A.G. Karapetov. Moscow, 2022.
3. Szabo N., 1994. Smart Contracts.
4. Philipp R., Prause G., Gerlitz L., 2019. Blockchain and Smart Contracts for Entrepreneurial Collaboration in Maritime Supply Chains. *Transport and Telecommunication Journal*. Vol. 20, Issue 4. P. 365 - 378.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПА ВЗАИМНОГО ДОВЕРИЯ В ПРАКТИКЕ СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО МИГРАЦИОННЫМ ДЕЛАМ

Никита Цвейба*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-53-63



Введение. В статье рассматриваются положительные и отрицательные стороны применения «принципа взаимного доверия» в рамках права Европейского союза. К положительным чертам применения «принципа взаимного доверия» можно отнести упрощение процедурных аспектов применения норм права, усиление взаимодействия государств-членов Европейского Союза, а также гармонизацию законодательства. Вместе с тем применение указанного принципа государствами-членами ЕС с низкими стандартами защиты прав человека приводит к их нарушению. Исследование автора показывает, что правоприменимость Европейского суда по правам человека, критикующая отрицательные стороны применения «принципа взаимного доверия» привела к его эволюции и усилению уровня защиты прав и свобод граждан в государствах-членах Европейского союза, а также усилила взаимодействие Суда ЕС и ЕСПЧ.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере европейского права: метод-системно-структурного анализа, метод синтеза социальных явлений, сравнительно-правовой метод, формально-логический метод. Для отдельных вопросов к исследованию привлечены статистические данные. Для выявления дальнейших векторов развития взаимодействия указанных выше судебных органов используется контент-анализ.

Результаты исследования. По итогам исследования автор приходит к заключению, что эволюция во взаимодействии двух судебных органов в сфере защиты прав и свобод мигрантов, переосмысление принципа взаимного доверия вызваны в значительной степени возобновлением переговоров по присоединению Европейского союза к Европейской Конвенции о защите прав и свобод человека 1950 года и глубоким осознанием высокой значимости такого присоединения для развития института защиты прав и основных свобод человека в Европе.

* Цвейба Никита Алхасович, аспирант кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
e-mail: tsveiba97@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-4885-083X

Обсуждение и заключение. Принцип взаимного доверия все еще является ключевой точкой в построении доверительных отношений между Судом Европейского союза и Европейским судом по правам человека. В настоящее время указанные судебные органы достигли высочайшего уровня конвергенции, которая проявляется в большей степени при анализе правоприменительной практики.

Введение

Взаимоотношения Суда Европейского союза и Европейского суда по правам человека представляют собой долгую историю многослойных и диалектических, отношений, основной задачей которых является защита фундаментальных прав и свобод человека. Отношения между двумя судами прошли долгий путь от параллельного и независимого развития, начиная с 50-х гг. XX века, институциональной и политической конвергенции, достигнутой в 2000-х, до попытки присоединения Суда Европейского Союза (далее – Суд ЕС, Люксембургский суд) к Европейской конвенции о защите прав и свобод человека 1950 г. (далее - Европейская Конвенция, ЕКПЧ).¹

На ранних этапах формирования европейской системы защиты прав человека суды действовали разрозненно. Суд ЕС², основанный в 1958 г. в рамках Европейского объединения угля и стали, в самом начале своего создания был ориентирован на цели экономической интеграции и не обладал ни компетенцией, ни правовой базой для рассмотрения дел в сфере защиты прав и свобод. Так, в деле Stork³ в 1953 г. Суд ЕС отказался признавать наличие у себя компетенции по защите прав и свобод человека и направил истца в национальный суд.

В свою очередь Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Страсбургский суд), функционирующий при Совете Европы с 1954 г., с первых дней своего существования стоял на страже защиты прав человека в Европе и следил за соблюдением прав человека и основных свобод, гарантированных Конвенцией. В 1970-х гг. ХХ в. началось активное взаимодействие судебных органов, в первую очередь, благодаря активному развитию практики Суда ЕС в сфере защиты прав человека. В деле Rutili⁴ Суд Европейского союза впервые сделал ссылку на Европейскую Конвенцию и назвал ее «основным началом», которому необходимо следовать в рамках Европейского союза (далее – ЕС, Союз). Таким образом, Европейская Конвенция стала общим для всех стран ЕС инструментом защиты прав человека, которой Суд ЕС придавал «особое значение».

Вплоть до 2000-х гг. идет активная конвергенция двух судебных органов, которая выражается в перекрестном взаимодействии судебных органов, официальном подтверждении и признании в учредительных договорах⁵ общей диспозиции, согласно которой органы и институты Европейского союза будут действовать в строгом соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а также с Европейской социальной хартией⁶. Подобная конвергенция

¹ European Convention on Human rights 1950. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (дата обращения 02.10.2023).

² Прототип Суда Европейского союза появился еще в 1952 году с созданием Европейского объединения угля и стали, которое в свою очередь является прототипом Европейского союза.

³ Court of Justice of the European Union: Friedrich Stork & Cie v High Authority of the European Coal and Steel Community. Case no 1-58. February 4, 1953. 1-58. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61958CJ0001> (дата обращения 02.10.2023).

⁴ Court of Justice of the European Union: Roland Rutili v Ministre de l'intérieur. Case № 36-75. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61975CJ0036> (дата обращения 02.10.2023).

⁵ SingleEuropeanAct 29.6.1987, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11986U%2FTXT> (дата обращения 02.10.2023).

⁶ The European Social Charter 18.10.1961, URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=035> (дата обращения 02.10.2023).

привела к возникновению идеи о присоединении Европейского союза к Европейской Конвенции, и после принятия Лиссабонского договора направление на присоединение Союза к Европейской конвенции было утверждено в п 2 ст. 6 Договора о Европейском союзе⁷. В 2010 г. были внесены изменения в Европейскую Конвенцию, которые открыли путь для присоединения к ней Европейского союза⁸. Также в связи с этим был разработан проект Соглашения о присоединении ЕС к ЕКПЧ⁹.

В соответствии со ст. 218 Договора о Функционировании Европейского союза Еврокомиссия инициировала процедуру проверки Судом ЕС договора о присоединении на предмет его соответствия нормам права ЕС. В своем заключении 2/13¹⁰ Суд ЕС высказал негативную позицию по присоединению ЕС к ЕКПЧ и дал краткую характеристику по проекту соглашения о присоединении ЕС к ЕКПЧ, в котором он анализирует семь основных проблем, которые возникнут в случае подписания договора о присоединении. Одной из основных проблем, выделенных Судом Европейского союза, является нарушение принципа взаимного доверия, который является основополагающим принципом во взаимодействии государств-членов Европейского союза.

Исследование

Принцип взаимного доверия основывается на презумпции, что государства-члены ЕС в силу своих международных обязательств в сфере защиты прав человека, включая ЕКПЧ, автоматом обеспечивают высокий уровень защиты прав человека внутри своей национальной системы права, в связи с чем, при передаче того или иного дела в юрисдикцию другого государства члена ЕС не нужно осуществлять проверки или уточнения относительно уровня защиты прав чело-

века в таком государстве: *de jure* он соответствует минимальным стандартам, и угроза правам человека отсутствует. По мнению Суда Европейского союза, на основании действующего в ЕС принципа добросовестного сотрудничества, государство-член неправомочно требовать от другого государства-члена уровень защиты выше того, который предоставляется правом Европейского союза. В праве ЕС действует презумпция соблюдения государствами-членами ЕС основных прав и свобод. Если отсутствуют исключительные обстоятельства государства-члены не вправе проверять, были ли другим государством-членом соблюдены предусмотренные правом ЕС стандарты охраны прав, в ином случае налицо нарушение принципа взаимного доверия. Вместе с тем в соответствии с Европейской Конвенцией каждая сторона, подписавшая ее, должна следить за обеспечением другими государствами-подписантами надлежащего уровня защиты прав человека. Таким образом, если ЕС вступит в ЕКПЧ, это приведет к нарушению баланса, который лежит в основе ЕС.

Принцип взаимного доверия активно используется государствами-членами ЕС в вопросах регулирования миграционной политики и в рамках взаимодействия государств-членов в уголовно-процессуальной сфере. Данный принцип способствует гармонизации законодательства и усиливает взаимодействие государств-членов ЕС. Действие принципа на деле проявляется в упрощении процедуры передачи из одного государства-члена в другое государство-член заключенных, лиц, подозреваемых в уголовных преступлениях, беженцев и т.д. [10. С. 104].

Вместе с тем, если учитывать судебную практику ЕСПЧ, *de facto* данный принцип хоть и упрощает взаимодействие государств-членов ЕС, но делает он это в ущерб основным правам человека. Особенно много вопросов по применению этого принципа воз-

⁷ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union 13.12.2007, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (дата обращения 02.10.2023).

⁸ Protocol № 14 to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, amending the control system of the convention 01.06.2010, URL: https://www.echr.coe.int/documents/library_collection_p14_ets194e_eng.pdf (дата обращения 02.10.2023).

⁹ Draft revised agreement on the accession of the European Union to the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, 10.06.2013 URL: https://www.echr.coe.int/Documents/UE_Report_CDDH_ENG.pdf (дата обращения 02.10.2023).

¹⁰ Opinion of the Court of Justice of the European Union, 18.12.2014 URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CV0002> (дата обращения 02.10.2023).

никает при рассмотрении вопросов в рамках осуществления миграционной политики ЕС [2. С. 53]. Как верно заметил А.С. Исполинов, европейское общество возлагало большие надежды на то, что присоединение ЕС к ЕКПЧ решит проблему, вытекающую из применения принципа взаимного доверия государствами-членами ЕС [8.С. 111].

В настоящее время вопросы миграционной политики, связанные с предоставлением убежища в рамках прав Европейского союза, регулируются в соответствии с регламентом Дублин III от 2013 года¹¹, который, помимо прочего, устанавливает, что только одно государство-член ЕС несет линную ответственность за рассмотрение заявления о предоставлении убежища. Подобным является государство-член ЕС, в котором рассматривается или было отклонено первое заявление о предоставлении убежища, государство-член ЕС, в которой проживает член семьи подавшего заявление мигранта, государство-член, которое выдало визу или вид на жительство или первая страна, через которую человек нелегально попал на территорию Европы.

Так, если государство-член ЕС, в чей адрес подано заявление о предоставлении убежища, считает, что ответственным является другое государство-член, вопрос рассмотрения заявления по существу и принятие решения по такому заявлению передается в юрисдикцию ответственного государства-члена. Таким образом, Дублинская система зиждется на принципе взаимного доверия между ЕС и его государствами-членами, а также на презумпции, что каждое лицо, ищущее убежище в рамках Союза, вне зависимости от государства-члена, получит идентичную и эквивалентную защиту своих прав.

Сам по себе принцип эквивалентной защиты на протяжении долгого времени определяет правила взаимодействия Суда ЕС и ЕСПЧ. Указанный принцип или так называемая «презумпция эквивалентной защиты» была выработана в рамках судебной практики ЕСПЧ в деле «Bosphorus».¹² Позиция ЕСПЧ возведенная в презумпцию,

с одной стороны, говорит о том, что ЕКПЧ не запрещает государствам передавать свои суверенные права международной организации, при этом такое государство обязано одновременно нести свои обязательства вытекающие из статьи 1 ЕКПЧ за действия или бездействия своих органов во исполнении полномочий переданных международной организации. Кроме того, действия государства, совершенные в соответствии с обязательствами, имеющимися перед международной организацией являются только тогда обоснованными, когда такая международная организация предположительно защищает основные права человека и гарантирует их способом, который можно считать по меньшей мере эквивалентным тому, который установлен ЕКПЧ.

ЕСПЧ отдельно оговаривает, что любой такой вывод об эквивалентности не носит окончательного характера и может быть пересмотрен при разрешении каждого конкретного дела. В случае если ЕКПЧ приходит к выводу об эквивалентности защиты, презюмируется, что государство не нарушило требования ЕКПЧ, если оно только лишь выполняло правовые обязательства, которые вытекают из его членства в организации.

Как правильно подметил Я.С. Кожеуров, доктрина эквивалентной защиты позволила ЕПСЧ избежать прямой конфронтации с Судом ЕС и не играть роль слона в посудной лавке применительно к правопорядку ЕС, в то же время сохраняя эффективные рычаги контроля за соблюдением государствами-членами ЕС прав и свобод человека, что подтверждается деятельностью ЕСПЧ при рассмотрении так называемых «дублинских дел», (дел, связанных с предоставлением убежища беженцам) и дел о европейском ордере на арест [8. С. 184].

Вместе с тем практика демонстрирует наличие серьезных различий в регулировании вопросов вынужденной миграции от государства к государству, так как на деле не все государства-члены обеспечивают должный уровень защиты прав и свобод мигрантов, что приводит к открытому нарушению указанных прав и свобод. ЕСПЧ в своих по-

¹¹ Regulation (EU) №604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the Criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the MS by a third-country national or stateless person (recast) (Dublin 111Regulation) (2013) OJ L180/31 URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/604/oj> (дата обращения 02.10.2023)

¹² Bosphorus Hava Yollari Turizm Ve Ticaret Anonim Sirketi (Bosphorus Airways) v. Ireland, app. 45036/98, judgment of 30.06.2005

становлениях неоднократно указывал, что решения о высылке беженцев на основании принципа взаимного доверия нарушают статью 3 ЕКПЧ, так как условия приема и обращения с мигрантами в части Европейских стран не соответствуют минимальным стандартам прав и свобод человека ярким примером являются следующие дела ЕСПЧ «Paposhvili v. Belgium» и «M.S.S v Belgium and Greece», которые будут рассмотрены ниже.

Так, профессором Оксфордского университета Дугласом-Скоттом указывается, что Суд ЕС пытается утвердить принцип автономии права ЕС, одновременно нанося существенный ущерб правам человека¹³. Даже учитывая высокую значимость и важность принципа взаимного доверия, он не должен ставить под угрозу основные права человека.

Ярким примером подобного выступает дело «Gözütok and Brügge»¹⁴, в котором Суд ЕС заявил, что исходя из принципа взаимного доверия каждое государство-член должно признать уголовно-правовое законодательство, которое действует в другом государстве-члене Союза, даже в том случае, если бы результат был бы иным при применении его собственных норм уголовного права. По мнению В.В. Войникова, Суд ЕС исходил из того, что в условиях сохранения различных национальных систем уголовного права, государства-члены Союза обязаны признавать иностранное право, даже если оно отличается от национального [7. С. 148].

Вместе с тем подобного рода критические замечания, миграционный кризис, разразившийся в Европе в 2015, ряд критикующих судебных решений Европейского суда по правам человека, а также несостоявшееся присоединение ЕС к ЕКПЧ значительным образом повлияли на восприятие и применение принципа взаимного доверия. В последнее время позиция ЕС и Суда ЕС, в частности, дает основание полагать о критическом переосмыслении принципа взаимного дове-

рия. Подобная трансформация прослеживается при рассмотрении судебной практики двух судебных органов.

Для детального осмысливания вектора развития отношений двух судебных органов и всестороннего исследования рассматриваемой проблематики необходимо проанализировать правоприменительную практику Суда ЕС и ЕСПЧ, в которой прослеживаются позиции судебных институтов в контексте применения принципа взаимного доверия, а также выявляются новые подходы к его применению. Судебные решения, которые рассматриваются в рамках исследования демонстрируют как эволюцию в применении принципа взаимного доверия Судом ЕС, так и новый вектор во взаимоотношениях двух судебных органов.

В деле M.S.S v Belgium and Greece¹⁵ заявитель, бывший уроженец Афганистана, выехал на территорию Европы через Грецию и в Бельгии подал заявление на получение убежища. Бельгийские власти в соответствии с Дублинскими правилами адресовали рассмотрение заявления на получение убежища Правительству Греции, куда в дальнейшем был перенаправлен и сам заявитель. В Греции заявитель подвергался неприемлемым условиям содержания и был лишен каких-либо средств правовой защиты. Таким образом, властями Греции были нарушены статьи 3 и 13 ЕКПЧ. Кроме того, заявитель утверждал, что Бельгийское правительство при его передаче осознавало, что уровень защиты, предоставляемый лицам, подавшим заявление на предоставление убежища в Греции, значительно ниже установленных стандартов.

В своём постановлении ЕСПЧ указал, что не только Правительство Греции нарушило статьи 3 и 13 ЕКПЧ, но также и Правительство Бельгии, в силу того простого факта, что при передаче заявителя властям Греции в расчет не были взяты явные свидетельства существующих низких гарантий защиты

¹³ S. Douglass-Scott. 13.07.2015. Opinion 2/13 and the «elephant in the room»: A response to Daniel Halberstam. URL: <https://verfassungsblog.de/opinion-213-and-the-elephant-in-the-room-a-response-to-daniel-halberstam-2/> (дата обращения 02.10.2023).

¹⁴ Joined cases C-187/01 and C-385/01. Judgment of the Court of 11.02.2003. Hüseyin Gözütok and Klaus Brügge. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-187/01> (дата обращения: 02.10.2023)

¹⁵ European Court of Human Rights: Case of M.S.S. v. Belgium and Greece № 30696/09, 21.01.2011. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22appno%22:\[%2230696/09%22\],%22itemid%22:\[%22001-103050%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22appno%22:[%2230696/09%22],%22itemid%22:[%22001-103050%22]}) (дата обращения 02.10.2023).

прав беженцев в Греции. ЕСПЧ также постановил, что Правительство Бельгии нарушило принцип невысылки, который также вытекает из широкого толкования статьи 3 Конвенции. ЕСПЧ вдобавок заявил, что простое наличие в национальном законодательстве гарантий защиты прав человека и присоединение к международным актам в сфере защиты прав человека не являются достаточными обоснованиями, гарантированными недопущение плохого обращения при передаче заявителя в государство первоначального въезда, в соответствии с Дублинскими правилами. Правительство Бельгии должно было удостовериться, действительно ли система предоставления убежища, существующая в Греции, соответствует положениям о правах человека, содержащихся в ЕКПЧ, а не надеяться на принцип взаимного доверия при отправке заявителя в Грецию.

Несколько месяцами позже у Суда ЕС появилась возможность переосмыслить принцип взаимного доверия при рассмотрении дела NS¹⁶, которое также связано с системными проблемами Греции в сфере защиты прав мигрантов и лиц, ищущих убежище. Изначально Суд ЕС начал придерживаться позиции ЕСПЧ в деле M.S.S., но затем заявил, что небольшие отклонения государства-члена ЕС от существующих стандартов защиты прав человека не могут приостановить процедуру передачи заявления в соответствии с Дублинскими правилами, но такая передача может быть приостановлена только в том случае, если она противоречит статье 4 Хартии ЕС, и только если передача может привести к бесчеловечному и унижающему достоинство человека обращению. Таким образом, суд немного ограничил возможность применения принципа взаимного доверия, указав некий барьер, но не воспринял весьма адекватную и обоснованную позицию Страсбургского суда о том, что государство, передающее заявителя, должно

удостовериться в том, что стандарт защиты прав человека в ином государстве соответствует международным обязательствам в сфере защиты прав человека.

Вместе с тем подобная позиция Суда ЕС показала, что принцип взаимного доверия более не является «слепым». Подобный вектор развития событий связан, в первую очередь, с тем, что в рассматриваемый период стали возникать идеи и разговоры о повторной попытке присоединения ЕС к ЕКПЧ, и Суд ЕС не хотел в очередной раз упускать такую возможность. Последующая практика Суда ЕС в данном направлении ярко сигнализирует о начале периода конвергенции с ЕСПЧ, в частности, по проблемным аспектам применения принципа взаимного доверия.

Наиболее ярко такая конвергенция проявляется в деле Aranyosi and Caldăraru¹⁷. Хотя дело связано с Европейским ордером на арест – инструментом судебного взаимодействия в уголовно-правовой сфере, позиция суда по данному делу отражает новый подход к восприятию ЕС и Судом ЕС принципа взаимного доверия. В этом деле Суд ЕС заявил, что Европейский ордер на арест не должен применяться, если есть риски того, что лицо, в случае высылки в другое государство-член, будет подвергнуто обращению, не соответствующему статье 3 ЕКПЧ и корреспондирующем положениям статьи 4 Хартии ЕС. Таким образом, Суд ЕС в очередной раз подтверждает, что несоответствие стандартов защиты прав человека в государстве-члене ЕС является основанием для запрета использования Европейского судебного ордера и беспрекословного следования принципу взаимного доверия.

Подобная позиция была озвучена Судом ЕС неспроста, в этом же году в ежегодном отчете о применении Хартии ЕС¹⁸ Европейская комиссия заявила о чрезвычайной необходимости присоединения ЕС к ЕКПЧ. Подоб-

¹⁶ Court of Justice of the European Union: N. S. v Secretary of State for the Home Department. Case №-411/10. 21.12.2011. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62010CJ0411> (дата обращения 02.10.2023).

¹⁷ Court of Justice of the European Union: ál Aranyosi and Robert Căldăraru v Generalstaatsanwaltschaft Bremen. Case 404/15. 05.04.2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62015CJ0404> (дата обращения 02.10.2023).

¹⁸ Report on the application of the EU Charter of Fundamental Rights 2016. 07.11.2017 URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7a037936-d027-11e8-9424-01aa75ed71a1/language-en/format-PDF/source-245244602> (дата обращения 02.10.2023).

ные позиции отмечались и отмечаются по сей день в иных документах.¹⁹ В рассматриваемый период институты ЕС стали активно исследовать пути возобновления процесса по присоединению к ЕКПЧ. Поимом прочего, В.В. Войников отмечает, что после придания юридической силы Хартии ЕС об основных правах, позиция Суда ЕС по реализации принципа взаимного доверия значительно изменилась, причем изменилась в лучшую сторону [7.С.150] В последующих судебных решениях Суд ЕС стал активнее отстаивать позицию о невозможности «слепой» передачи лиц, подавших прошение на получение убежища в соответствии с Дублинскими правилами. Примерами тому являются дело C.K²⁰ и Jawo²¹.

Дело C.K связано с заявлением супружеской пары, поданным в один из судов Словении. Супружеская пара подала заявление на получение убежища в Словении, однако позже выяснилось, что в соответствии с Дублинскими правилами ответственным государством по рассмотрению заявления на получение убежища является Хорватия. Правительство Словении в соответствии с установленной процедурой планировало отправить граждан в Хорватию для дальнейшего решения их вопроса, однако семейная пара подала заявление в один из судов Словении, ссылаясь на неправомерность передачи их дела властям Хорватии. Заявительница сослалась на то, что страдает постстродовой депрессией и суицидальными мыслями, а ее перемещение в Хорватию может ухудшить ее состояние. Суд Словении обратился в Суд ЕС с преюдициальным запросом о том, являются ли указанные основания достаточными для приостановки процедуры, установленной Дублинскими правилами. Суд ЕС соспался на практику ЕСПЧ по делу Paposhvili²² и заявил, что некоторые заболевания могут быть основанием для установления более высоких стандартов защиты

прав человека, нежели те, которые устанавливаются статьей 3 ЕКПЧ. Таким образом, даже если в Хорватии фактически существует высокий уровень защиты прав и свобод человека и условия содержания там не будут нарушать статью 3 Европейской Конвенции, само перемещение заявительницы в силу ее заболевания может стать для нее сродни пыткам, что потенциально образует нарушение статьи 3 ЕКПЧ. Анализ данного дела демонстрирует, что Суд ЕС потребовал от национальных органов власти при передаче заявителей в другое государство в соответствии с Дублинскими правилами учитывать не только стандарты прав, установленные в ответственном государстве, но и риски того, что сама передача лица может привести к тому, что лицо будет претерпевать страдания, которые для него сродни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

В другом деле - Jawo - Суд ЕС напрямую заявил, что государство-член ЕС при применении Дублинских правил должно проводить мониторинг и гарантировать, что в принимающем государстве-члене стандарты защиты прав человека соответствуют минимальным стандартам, установленным Хартией ЕС. Также Суд ЕС указал, что такой мониторинг осуществляется государством, которое передает заявителя другому государству-члену в том случае, когда материальное состояние человека делает его всецело зависимым от обращения принимающего государства.

Вполне резонно, что под такой мониторинг будет подпадать большая часть заявлений на получение убежища в соответствии с Дублинскими правилами, ведь чаще всего беженцы попадают в Европу без каких-либо средств к существованию, у них нет возможности улучшить свои условия, и единственное, на что они могут надеяться, это помочь государства, в которое они обратились за получением убежища [7. С. 17].

¹⁹ Joint Statement on behalf of the Council of Europe and the European Commission, 29.09.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_20_1748 (дата обращения 02.10.2023).

²⁰ Court of Justice of the European Union: C. K. and Others v Republika Slovenija. Case-578/16. 16.02.2017. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&td=ALL&num=C-578/16%20PPU> (дата обращения 02.10.2023).

²¹ Court of Justice of the European Union: Abubacarr Jawo v Bundesrepublik Deutschland. Case 163/17. 19.03.2019. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-163/17> (дата обращения 12.01.2023).

²² European Court of Human Rights: Case of Paposhvili v. Belgium №41738/10. 13.12.2016. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22fulltext%22:\[%22Paposhvili%22\],%22itemid%22:\[%22001-169662%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22fulltext%22:[%22Paposhvili%22],%22itemid%22:[%22001-169662%22]}) (дата обращения 02.10.2023).

Заключение

Рассмотренные судебные решения Суда ЕС демонстрируют его стремления, с одной стороны, решить существующую проблему, которая возникает в процессе применением принципа взаимного доверия, а, с другой стороны, не ограничивать его до такой степени, когда значение данного принципа будет уменьшено. Председатель Суда ЕС Коэн Ленартс вполне резонно заметил, что успешное и правильное применение принципа взаимного доверия и эффективная судебная защита фундаментальных прав и свобод требуют, в первую очередь, конструктивного диалога национальных судебных органов государств-членов ЕС, ЕСПЧ, а также Суда ЕС [18. С. 417].

Указанная судебная практика является явным свидетельством того, что Суд ЕС и ЕСПЧ вступили в период активной конвергенции. Суд ЕС, несмотря на всю важность принципа взаимного доверия, старается не ставить под угрозу основные права и свободы человека [1. С. 99].

Вместе с тем, применение принципа взаимного доверия все еще остается ключевой точкой в построении доверительных отношений между двумя судебными органами. Когда речь заходит о применении данного принципа в контексте «вынужденной» миграции, анализ соответствующей юридической практики демонстрирует постепенную и постоянную эволюцию в построении сбалансированных отношений в рассматриваемом контексте.

В рамках вновь возобновившихся в 2019 г. переговоров по присоединению ЕС к ЕКПЧ и в силу реальной возможности их успешной финализации, наблюдаются слаживание существующих противоречий и поступательная гармонизация процессуальных аспектов защиты прав человека и основных

свобод. Ярким примером тому являются попытки Суда ЕС делимитировать применение принципа взаимного доверия, когда речь идет о защите прав мигрантов. Подобный прогресс отдельно отмечался председателем Суда ЕС Коэном Ленартсом²³ и бывшим председателем ЕСПЧ Деаном Шпильманом²⁴.

Кроме того, А.И. Исполинов справедливо заметил, что с момента вынесения отрицательного заключения Суда ЕС по присоединению к ЕКПЧ улеглась волна отрицательных эмоций, а также был проведен детальный анализ оснований указанный в Заключении Суда ЕС 2/13 [9.С.17]. Более того, официальные заявления многих представителей Евросоюза говорят о серьезности намерения ЕС присоединиться к ЕКПЧ. Еще в 2016 году Президент Европейской комиссии заявил, о том, что для ЕС вопрос о присоединении к ЕКПЧ является важной политической целью.

Активное взаимодействие Люксембургского суда и Страсбургского суда несет в себе огромную ценность, так как подобное взаимодействие выводит на новый уровень институт защиты прав и свобод человека в Европе, делает возможным присоединение ЕС к Европейской Конвенции. Взаимодействие двух судебных органов одновременно сопровождается попытками защитить правовые основы своего функционирования (так называемые «acquis») и гармонизировать правовое регулирование вопросов в сфере защиты прав человека. Рассмотренные в рамках статьи примеры демонстрируют высокую вовлеченность Суда ЕС и ЕСПЧ в процесс совместного развития прав и свобод человека в Европе, что формирует положительный вектор их дальнейшего сотрудничества и приближает кульминацию процесса по присоединению ЕС к ЕКПЧ.

²³ Koen Lenarts, «The ECHR and the CJEU: Creating Synergies in the Field of Fundamental Rights Protection», Speech of the president of the Court of Justice of the European Union in the context of the Solmn hearing at the ECtHR for opening of the Judicial Year on 26 January 2018, [https://www.echr.coe.int/Documents/Speech_20180126_Lenarts_JY_ENG.pdf.](https://www.echr.coe.int/Documents/Speech_20180126_Lenarts_JY_ENG.pdf;); (дата обращения 02.10.2023).

²⁴ Dean Spielmann, The Judicial Dialogue between the European Court of Justice and the European Court of Human Rights Or how to remain good neighbors after the Opinion 2/13, lecture of the Judge at the General Court of the European Union and Former President of the European Court of Human Rights, organized by FRAME and the Leuven Centre for Global Governance Studies, 27 March 2017 <https://fp7-frame.eu/blog/2017/03/29/judicial-dialogue/> (дата обращения 02.10.2023).

Литература:

1. Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С. Европейская система защиты прав человека. М., 2017.
2. Абашидзе А.Х. Защита прав человека в ЕСПЧ: практическое пособие. М., 2023.
3. Абдуллин А.И., Безбородов Ю.С. Европейское право. М., 2023.
4. Бирюков М.М., Алиев Д.М. Дублинское регулирование: история становления и содержание // Московский журнал международного права. 2018 № 2.
5. Бирюков М.М. Европейское право до и после Лиссабонского договора. М., 2013.
6. Войников В.В. Правовые основы пространства свободы безопасности и правосудия Европейского союза // Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. МГИМО МИД России. 2019.
7. Войников В.В. Принцип взаимного доверия в праве и политике ЕС. Современная Европа, 2021, № 6, с.
8. Войников В.В. Право Европейского союза в практике Европейского суда по правам человека // Международное правосудие. 2020. № 1(33).
9. Исполинов А.С. Практика ЕСПЧ в отношении Европейского Союза: некоторые уроки для ЕврАзЭс // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 3 (34).
10. Исполинов А.С. В поисках новой парадигмы: суд ЕС и ЕСПЧ спустя три года после заключения № 2/13 // Международное правосудие. 2018. №2(26).
11. Исполинов А.С. Суд Европейского союза против присоединения ЕС к Европейской конвенции по правам человека (причины и следствия) // Международное правосудие. 2015. № 1(13).
12. Кожеуров Я.С. 2015. Перспективы взаимоотношений Европейского Суда по правам человека и Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11 (60).
13. Торкунова Е.А., Жаринов К.Г. Имплементация гарантий европейской конвенции по правам человека в сфере высылки иностранных граждан в праве ЕС // Московский журнал международного права. 2020 г. № 4.
14. Четвериков А.О. Правовое регулирование либерализации трансграничных отношений: опыт Европейского союза: автореф. д-ра. юрид. наук. 12.00.10 М., 2010.
15. Энтин К.В. Право Европейского Союза сквозь призму практики Суда Европейского Союза: монография. М., 2020.
16. Энтин М.Л., Войников В.В., Торкунова Е.А. Новый этап в институционально-правовом обустройстве пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС // Московский журнал международного права. 2018. № 2.
17. Anagnostaras G. The Common European Asylum System: Balancing Mutual Trust Against Fundamental Rights Protection // German Law Journal. 2020. 21.
18. Deftou, M.-L. The Road to the EU's Accession to the ECHR: Reshaping the ECtHR-CJEU Judicial Interaction in Cases of "Unwanted Migration"? // International Community Law Review, 2022. 24(4).
19. Frese, A. and Olsen, H.P. 'Spelling It Out—Convergence and Divergence in the Judicial Dialogue between CJEU and ECtHR // Nordic Journal of International Law. 2019.
20. Gerards, J. H., Glas L,R. Access to justice in the European Convention on Human Rights system. // Netherlands Quarterly of Human Rights 2017. 35(1).
21. Harris D. Harris, O'Boyle and Wardbrick: Law of the European Convention on Human Rights // Oxford: Oxford University Press. 2018.
22. Oręziak, B 'Judicial Dialogue between the European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union in the Field of Legal Liability for Posting Hyperlinks // International Community Law Review. 2019.21(5).
23. Podolska, A. Between Informal Dialogue and Official Criticism: The Bundesverfassungsgericht, the Court of Justice of the European Union, and the European Court of Human Rights concerning the Protection of Human Rights and Mutual Recognition of Judgments // International Community Law Review. 2019. 21(5).
24. Slaughter A.. A New World Order // Princeton University Press, Princeton, 2005.
25. Ziegler K.S. Neuvonen P.J. Moreno-Lax. V. Research Handbook on General Principles in EU Law: Constructing Legal Orders in Europe. 2022.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF MUTUAL TRUST IN THE MIGRATION CASES BY THE COURT OF JUSTICE OF THE EUROPEAN UNION AND THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Introduction. The article examines the positive and negative aspects of the application of the «principle of mutual trust» within the framework of European Union law. The positive features of the application of the «principle of mutual trust» include simplification of procedural aspects of the application of the law, strengthening of interaction between member states of the European Union, as well as harmonization of legislation. At the same time, the application of this principle by EU member states with low standards of human rights protection leads to their violation. The author's research shows that the case law of the European Court of Human Rights, criticizing the negative aspects of the «principle of mutual trust», led to its evolution and strengthened the level of protection of the rights and freedoms of European union's citizens as well as it strengthened the interaction between the EU Court and the ECHR.

Materials and methods. The methodological ground of the study based on the following general scientific and special methods of the recognition of legal phenomena and processes in the field of European law: the method of system-structural analysis, the method of synthesis of social phenomena, the comparative legal method, the formal logical method. For certain questions, statistical data was involved in

the study. To identify further vectors for the development of interaction between judicial bodies used the content analysis.

Results of the study. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that the evolution in the interaction of the two judicial institutions in the field of protection of the rights and freedoms of migrants and the rethinking of the principle of mutual trust are caused by the relaunching of the dialogue on the accession of the European Union to the European Convention of fundamental rights 1950 and by the deep awareness of the high significance of such accession for the protection of human rights and fundamental freedoms in Europe.

Discussion and conclusions. The principle of mutual trust is still a key point in building a trustful relationship between the Court of Justice of the European Union and the European Court of Human Rights. Currently, these judicial bodies have reached the highest level of convergence, which can be seen in the analysis of law enforcement practice.

Nikita A. Tsveiba,
Postgraduate Researcher with
the Department of Integration Law
and Human Rights, MGIMO-University,
Russia

Ключевые слова:

· принцип взаимного доверия, мигранты, права и свободы человека, Европейский суд по правам человека, Суд Европейского союза, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод

Keywords:

mutual trust, migrants, rights and freedoms, European court of Human Rights, Court of Justice of the European Union, the European Convention on Human Rights

References:

1. Abashidze A.H. Alisieva E.C., 2017. Evropejskaja sistema zashchity prav cheloveka [The European human rights system].
2. Abashidze A.H., 2023. Zashchita prav cheloveka v ESPCh: prakticheskoe posobie. [The human rights protection in ECHR: practical textbook].
3. Abdullin A.I., Bezborodov U.S., 2023. Evropejskoe pravo [The European law].
4. Birjukov M.M., Aliev D.M., 2018. Dublinskoe regulirovaniye: istorija stanovlenija i soderzhanie. [Dublin regulation: history of formation and content] – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law]. № 2.
5. Birjukov M.M., 2013. Evropejskoe pravo do i posle Lissabonskogo dogovora [European law before and after the Treaty of Lisbon].
6. Vojnikov V.V., 2019. Pravovye osnovy prostranstva svobody bezopasnosti i pravosudija Evropejskogo sojuza. Dissertation na soiskanie uchennoj stepeni doktora juridicheskikh nauk [Legal basis of the space of freedom of security and justice of the European Union. Dissertation for the degree of Doctor of Law]. MGIMO.

7. Vojnikov V.V., 2021. Princip vzaimnogo doverija v prave i politike ES. [The principle of mutual trust in the European law and politics]. *Sovremennaja Europa [Modern Europe]*. № 6.
8. Vojnikov V.V., 2020. Pravo Evropejskogo sojuza v praktike Evropejskogo suda po pravam cheloveka [European Union law in the practice of the European Court of Human Rights]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. № 1(33).
9. Ispolinov A.S., 2012. Praktika ESPCh v otnoshenii Evropejskogo Sojuza: nekotorye uroki dlja EvrAzJes [The practice of the ECHR in relation to the European Union: some lessons for the EAEU]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i srovnitel'nogo pravovedenija [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. № 3 (34).
10. Ispolinov A.S., 2015. Sud Evropejskogo sojuza protiv prisoedinenija ES k Evropejskoj konvencii po pravam cheloveka (prichiny i sledstvija) [European Court of Justice against of accession of EU to ECHR (principals and consequences)]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. № 1(13).
11. Ispolinov A.S., 2018. V poiskah novoj paradigm: sud ES i ESPCh spustja tri goda posle zakljuchenija № 2/13 [In search of a new paradigm: the EU Court and the ECHR three years after the opinion 2/13]. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. № 2 (26).
12. Kozheurov Ja.S., 2015. Perspektivy vzaimootnoshenij Evropejskogo Suda po pravam cheloveka i Evrazijskogo jekonomiceskogo sojuza [Prospects for the relationship between the European Court of Human Rights and the Eurasian Economic Union]. *Akutual'nye problemy rossiskogo prava [Current problems of Russian law]*. № 11 (60).
13. Torkunova E.A., Zharinov K.G., 2020. Implementacija garantij evropejskoj konvencii po pravam cheloveka v sfere vysylki inostrannyh grazhdan v prave ES. [Implementation of the guarantees of the European Convention on Human Rights in the field of expulsion of foreign citizens in EU law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 4.
14. Chetverikov A.O., 2010. Pravovoe regulirovanie liberalizacii transgranichnyh otnoshenij: opyt Evropejskogo sojuza [The regulation of liberalization of cross-border relations: experience of the European Union] 12.00.10. Moscow.
15. Entin K.V., 2020. Pravo Evropejskogo Sojuza skvoz' prizmu praktiki Suda Evropejskogo Sojuza [Law of the European Union through the prism of the practice of the Court of Justice of the European Union].
16. Entin M.L., Vojnikov V.V., Torkunova E.A., 2018. Novyj jetap v institucional'no-pravovom obustrojstve prostranstva svobody, bezopasnosti i pravosudija ES. [A new stage in the institutional and legal arrangement of the EU space of freedom, security and justice]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. № 2.
17. Anagnostaras G., 2020. The Common European Asylum System: Balancing Mutual Trust against Fundamental Rights Protection. *German Law Journal*. 21.
18. Deftou, M.-L., 2022. The Road to the EU's Accession to the ECHR: Reshaping the ECtHR-CJEU Judicial Interaction in Cases of Unwanted Migration? *International Community Law Review*. 24(4).
19. Frese, A. and Olsen, H.P., 2019. Spelling It Out-Convergence and Divergence in the Judicial Dialogue between CJEU and ECtHR. *Nordic Journal of International Law*. 88(3).
20. Gerards J.H., Glas L.R., 2017. Access to justice in the European Convention on Human Rights system. *Netherlands Quarterly of Human Rights*. Vol. 35(1).
21. Harris D. Harris, O'Boyle and Wardbrick, 2018. Law of the European Convention on Human Rights. Oxford: Oxford University Press.
22. Oręziak, B., 2019. Judicial Dialogue between the European Court of Human Rights and the Court of Justice of the European Union in the Field of Legal Liability for Posting Hyperlinks. *International Community Law Review*. 21(5).
23. Podolska, A., 2019. Between Informal Dialogue and Official Criticism: The Bundesverfassungsgericht, the Court of Justice of the European Union, and the European Court of Human Rights concerning the Protection of Human Rights and Mutual Recognition of Judgments. *International Community Law Review*. 21(5).
24. Slaughter A., 2005. A New World Order. Princeton University Press, Princeton.
25. Ziegler K.S., Neuvonen P.J., Moreno-Lax V., 2022. Research Handbook on General Principles in EU Law: Constructing Legal Orders in Europe.

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПО ДЕКАРБОНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ИНДОНЕЗИИ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Батаева Бэла*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-64-76



Введение. Интерес к странам Юго-Восточной Азии многократно усилился в последнее время в связи с санкциями. Ряд экспертов высказывали опасения, что повестка ESG в России станет менее актуальной, а практики в области устойчивого развития будут менее востребованы. Однако эти опасения не подтвердились, так как в странах Азии «зеленая» повестка находится на высоком уровне. Для российского бизнеса важно понимать процессы, которые протекают в странах этого региона.

В качестве объекта исследования выбрана Индонезия как самая крупная экономика и самый крупный эмитент парниковых газов в данном регионе. В стране принята цель достижения углеродной нейтральности к 2060 г. Индонезия проводит декарбонизацию из-за негативных последствий глобального потепления на климат и природу данного государства, а также в связи с давлением международного сообщества.

Материалы и методы. В работе проведен анализ статистической информации, оценок научных групп и организаций, докладов министерств. Применились методы анализа и синтеза, обобщения и сравнения, индукции и пр.

Результаты. В результате проведенного анализа выявлено, что в стране в интересах реализации повестки в области устойчивого развития и ESG принята «Долгосрочная стратегия по низкоуглеродному развитию и климатической устойчивости до 2050 года», политика в области энергетики, Закон о лесном хозяйстве, направленный на сохранение лесов и пр. нормативные акты. В государственном и корпоративном управлении активно используются технологические и организационно-управленческие методы декарбонизации.

* **Батаева Бэла Сайдовна**, доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия
e-mail: bbataeva@fa.ru
ORCID ID: 0000-0002-5700-1667

Основной упор сделан на реструктуризацию энергетики (сокращение в энергобалансе доли энергии, производимой на ТЭЦ, и повышение доли ВИЭ); борьба с вырубкой лесов; развитие системы субсидирования покупки электромобилей; принятие «зелёной таксономии»; вовлечение МСБ в зеленые виды деятельности в рамках цепочек поставок крупных компаний и пр.

Обсуждение и заключение. В работе обосновано, что правительство Индонезии основную роль в снижении выбросов отводит борьбе с вырубкой лесов. Цели и действия по переводу энергетики на ВИЭ конфликтуют с задачами угольной отрасли. Необходимо согласование целеполагания на разных уровнях государственного управления, между разными министерствами, а также с бизнесом. Сделан вывод о перспективных инструментах снижения выбросов CO₂ с точки зрения применения в России.

Введение

В последние годы растет интерес России к Индонезии как к крупнейшей экономике региона Юго-Восточной Азии, которая не присоединилась к санкциям. За 2021 год товарооборот между Россией и Индонезией увеличился на 40%, достигнув 3,3 млрд долл. Тем не менее он все еще имеет большой потенциал роста. По объемам торговли Россия отстает от ключевых торговых партнеров этой страны, среди которых Китай, США, Япония, Индия, Малайзия и Сингапур. Основные товары, которые Россия поставляет в Индонезию: удобрения, минеральное топливо, нефть и нефтепродукты, черные металлы и изделия из них, а также алюминий. Импорт в Россию представлен такими товарами, как какао-бобы, пальмовое масло, натуральный каучук и пр.

Для российских компаний страна является привлекательной для инвестиций. Для российского бизнеса, в связи с переориентацией международного сотрудничества, вызванного санкциями, важно понимание процессов, протекающих на новых рынках сбыта, включая страны Юго-Восточной Азии. Аналитики отмечают, что страны этого региона не отстают, а в некоторых аспектах опережают Россию в части мер правительства по декарбонизации экономика, а также ESG-практик бизнеса [11]. Что определило актуальность исследования и подготовку публикации.

Среди стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) Индонезия имеет крупнейшую и быстро растущую экономику. Страна представляет собой архипелаг, который объединяет 17 тысяч островов. Она занимает четвертое место в мире по численности населения после Индии, Китая и

США (порядка 287,488 млн чел.). По реальному ВВП (т.е. ВВП по ППС) за 2021 год Индонезия занимает 7-е место в мире, а по размеру номинального ВВП - 15-е место.

В связи с подписанием Парижского соглашения эта страна приняла на себя обязательства по декарбонизации и выходу на углеродную нейтральность к 2060 году. Однако политика декарбонизации и инструменты ее достижения мало известны в России.

Цель данной работы – выявить и систематизировать меры по снижению выбросов CO₂ для достижения устойчивого развития экономики Индонезии.

Основная гипотеза состоит в следующем: в Индонезии как одной из ведущих экономик АСЕАН повестка ESG и устойчивого развития в достаточной степени развита и реализуется на государственном уровне в виде мер по сокращению антропогенного воздействия.

Исследование

Ведущие российские ученые в области мировой экономики и международных отношений, такие как Хасбулатов Р.И. в своих работах, многократно указывали на необходимость и перспективность усиления сотрудничества России с региональными организациями в виде Лиги арабских государств [15], стран Азии и прочими международными региональными организациями. О перспективах и необходимости сотрудничества со странами Востока и Азии писали Ефимова Л.М. (2014), Федоровский А.Н. (2016), Лихачева А.Б., Калачигин Г.М. (2018), Малетин Н.П., Хохлова Н.И. (2020) [6] и др. Федоровский А.Н. (2016), анализируя стратегии России в отношении Восточной Азии за прошедшие 100 лет, указывал на их непоследо-

вательность и противоречивость [14, С. 68]. Лихачева А.Б., Калачигин Г.М. (2018) отмечали необходимость преодоления европоцентризма, а также экономическую, историческую и политическую неизбежность поворота на Восток [5]. Подробно взаимоотношения двух стран с момента обретения Индонезией независимости и до наших дней были рассмотрены Малетиным Н.П., Хохловой Н.И. (2020) [6].

Значительная группа работ ученых обеих стран посвящена перспективам торговли между Россией и Индонезией: Сабон В.Л. [12], Оратмангун Д. [9], Сибарами Д.М. [15], Манурунг Х. и др. [8], Байков А.А., Гневашева В.А. [1] и др. В частности, Байков А.А., Гневашева В.А. с помощью многофакторного анализа товаропотоков и инвестиций доказали перспективность переориентации торгово-экономических и финансовых связей в сторону стран Азии [1, С. 202].

Что касается инструментов декарбонизации экономики Индонезии и решения экологических проблем, то они представлены серией публикаций зарубежных авторов, в которых рассматриваются технологические меры: Адисапутро Д. & Сапутра Б. [18]; Ордонез Дж.А. и др. [27]; Харрингтон М. [20]; Лау Х.К. [24]; [25] и пр. Адисапутро Д. & Сапутра Б. рассматривали перспективы применения технологий снижения выбросов, улавливания и хранения углерода [18]. Ордонез Дж.А. и др. в ходе изучения потенциальной роли возобновляемых источников энергии в энергетическом секторе Индонезии сравнивали стоимость производства солнечной, геотермальной, энергии из биомассы, ветряной с энергией, производимой из ископаемого топлива [27]. Харрингтон М. выявил противоречивость планов правительства, которое, с одной стороны, заявляет о необходимости снижения выбросов, а, с другой стороны, планирует вводить в строй ТЭЦ, работающие на угле с 2019 по 2024 г. [20]. Лау Х.К. сравнил дорожные карты декарбонизации и провел сопоставление технологий и проектов по декарбонизации энергетического сектора десяти стран АСЕАН [24], [25].

Организационно-экономические меры декарбонизации представлены публикациями Андерсон З.Р. и др. [19]; Ордонес А. и др. [27]; Курниаван Т.А. и др. [23]; Хермаван С. и др. [21] и пр. Андерсон З.Р. и др. отметили, что в Индонезии концепция «зеленой» экономики относится к управлению окружающей средой. Это приводит к столкнове-

нию полномочий и интересов органов власти разных уровней [19]. Ордонес А. и др. в ходе исследования выявили несогласованность действий органов власти. На основе интервью экспертов авторы сделали вывод, что хотя энергетический сектор является крупнейшим источником выбросов в Индонезии, защита климата рассматривается преимущественно и в большей степени как проблема лесного хозяйства и землепользования и, лишь в меньшей степени, затрагивает энергетическую политику [27]. Курниаван Т.А. и др. исследовали использование цифровизации для решения проблемы свалок и переработки отходов в этой стране [23]. Хермаван С. и др. проанализировали институционализацию климатической повестки в лесном секторе и ее последствия для трансформации управления лесным хозяйством Индонезии. С этой целью авторы изучили действия, связанные с реализацией в стране программы ООН по сокращению выбросов в результате обезлесения и деградации лесов (REDD+) [21].

Как следует из проведенного анализа публикаций российских и зарубежных авторов, инструменты ESG-повестки Индонезии рассматриваются преимущественно в отраслевом или региональном контексте, в связи с чем необходимо их обобщение и систематизация.

Цель данной работы – систематизировать и проанализировать меры по декарбонизации экономики Индонезии.

Теоретической основой данного исследования является концепция устойчивого развития и ESG. Зарождение первооснов концепции устойчивого развития связывают с докладами Римского клуба, с российским ученым, создателем научных школ по геохимии и минералогии в лице Вернадского В.И. и его последователями. Впервые определение устойчивого развития в современном понимании было сформулировано комиссией ООН по климату во главе с Брунталлан Г.Х. Активное внедрение концепции устойчивого развития в международную повестку связывают с Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, конференцией ООН по климату, на которой было принято Парижское соглашение в 2015 г. и другими конференциями ООН по климату.

Наряду с концепцией устойчивого развития в последние годы получила развитие концепция ESG, которая охватывает экологические, социальные и управленические аспекты деятельности государств и бизнеса. Некоторые исследователи видят в ней совре-

менное прочтение концепции корпоративной социальной ответственности, согласно которой бизнес, следуя ожиданиям стейкхолдеров, добровольно принимает на себя обязательства в экологической и социальной сфере. Другие считают ее самостоятельной концепцией.

После подписания Парижского соглашения во многих странах мира были приняты политики по декарбонизации экономик. Основными мерами снижения эмиссии парниковых газов считается электрификация, декарбонизация генерации мощности электроэнергии (переход от угля к ВИЭ) и энергоэффективность. В данной работе в качестве критерия достижения устойчивого развития стран и компаний, а также стратегии ESG выбран один из критериев – снижение выбросов CO₂.

Научное знание в области мер декарбонизации экономики в настоящее время активно развивается. Лебедева М.А. приводит классификацию мер по декарбонизации на 2 группы: организационно-экономические (государственный учет, система квотирования и углеродные налоги) и технологические (развитие возобновляемой энергетики, электрификация транспорта, комплексная переработка отходов, создание карбоновых полигонов) [5]. Климатические стратегии и меры по декарбонизации систематизировал Сафонов Г.В. и др. на примере 16 стран, включая Россию и Индонезию [14].

Дизайн данного исследования состоял из трех этапов. На первом этапе проводился анализ ситуации с выбросами парниковых газов в Индонезии, сравнение с другими странами организации АСЕАН. На втором

этапе проводился анализ системы целей, этапов и сроков сокращения выбросов парниковых газов, утвержденных в стране после ратификации Парижского соглашения, а также нормативно-правовых документов их закрепляющих. На третьем этапе на основе анализа докладов, научных исследований, публикаций в СМИ была проведена систематизация мер по снижению выбросов CO₂ на уровне страны, а также отдельных компаний. Были выявлены и рассмотрены следующие меры:

- декарбонизация энергетической отрасли и переход на ВИЭ;
- расширение и восстановление лесных угодий (лесоклиматические проекты);
- развитие рынка электромобилей и транспортной инфраструктуры;
- усиление ответственности крупного бизнеса за выбросы в цепочках поставок, декарбонизация логистики;
- создание рынка торговли квотами на выбросы;
- развитие «зелёной таксономии» и ответственных инвестиций.

Результаты исследования

Ситуация с выбросами парниковых газов

Индонезия является крупнейшим эмитентом парниковых газов среди стран Юго-Восточной Азии. Сравнение вклада в эмиссию CO₂ пяти крупнейших экономик Юго-Восточной Азии (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Сингапур и Малайзия) с Китаем и Индией, а также с США, странами Европы и Россией представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнение выбросов парниковых газов пяти крупнейших экономик АСЕАН с отдельными странами мира за 2021 г.

Страны	Общие выбросы CO ₂	Выбросы CO ₂ на душу населения	Выбросы CO ₂ на единицу ВВП ¹
Мир	100	4,81	0,28
Европа (27 стран)	7,33	6,25	0,14
Китай	32,93	8,73	0,50
США	12,55	14,24	0,23
Индия	7,0	1,90	0,28
Россия	5,13	13,52	0,48
Казахстан	0,56	11,14	0,43
Индонезия	1,59	2,19	0,19
Малайзия	0,66	7,56	0,28
Сингапур	0,15	9,71	0,10

¹ Выбросы CO₂ на единицу ВВП выражаются в килограммах CO₂ на постоянный ВВП по ППС 2010 года в долларах США.

Страны	Общие выбросы CO ₂	Выбросы CO ₂ на душу населения	Выбросы CO ₂ на единицу ВВП ¹
Таиланд	0.71	3.88	0.22
Филиппины	0.39	1.33	0.16

Источник: Составлено автором по компоненту Emissions Database for Global Atmospheric Research (EDGAR) - IEA-EDGAR CO₂: https://edgar.jrc.ec.europa.eu/report_2022?vis=tot#emissions_table (дата обращения: 01.05.23)

Согласно данным таблицы 1 Индонезия занимает по выбросам парниковых газов 1 место среди стран АСЕАН, третье место в Азии после Китая и Индии и 11 место в мире (см. табл. 1). Эмиссия выбросов CO₂ страны почти в 3 раза превышает эмиссию в Казахстане. Однако на единицу ВВП и на душу населения цифры ниже средних значений по миру.

Основной вклад в выбросы вносит энергетическая отрасль, на нее приходится 2/3 выбросов в атмосферу. На угольных электростанциях, сжигающих органическое топливо (ТЭС), вырабатывается 87,7% электрической энергии, на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) приходится 12,1% (в основном гидроэлектростанции и геотермальные источники энергии²), прочие источники составляют 0,2%³.

После энергетической отрасли основными источниками парниковых газов в стране являются промышленные предприятия, транспорт и лесные пожары. За 30 лет с 1990 по 2020 гг. размер эмиссии в энергетике вырос более чем в 9,5 раз, на транспорте – в 2,4 раза, а иные промышленные выбросы от сжигания топлива увеличились в 1,3 раз.

Нормативные документы, определившие стратегию низкоуглеродного развития (национальное регулирование)

В 2017 году в Постановлении правительства №79 – 2017 г. «О национальной политике в области энергетики» были поставлены задачи строительства новых электростанций при одновременном сокращении доли угля в энергобалансе, ухода от использования нефти и роста ВИЭ. В целом по планам правительства к 2025 необходимо достичь структуру энергобаланса, в которой на уголь будет приходиться по разным оценкам от

45,5% до 55%; на ВИЭ и новые источники энергии – 23%; на газ – 22%; на нефть – 0,4%. Но к 2050 году уголь и ВИЭ должны поменяться местами в структуре энергобаланса: на ВИЭ должно приходиться 43%, на уголь – 38%, на газ – газ 10% и биотопливо (8%) [11].

В 2021 году в Индонезии принята «Долгосрочная стратегия по низкоуглеродному развитию и климатической устойчивости до 2050 года», в которой поставлена цель выхода на углеродную нейтральность к 2060 году. На первом этапе планируется достичь пика выбросов в 2030 году, на втором этапе ожидается снижение к 2050 году до 540 млн. т. CO₂-экв., углеродную нейтральность – к 2060 г. [22. Р. 5].

Декарбонизация энергетической отрасли, переход на ВИЭ

В приведенных выше документах на государственном уровне поставлена задача структурной перестройки энергетической отрасли, в которой в настоящее время преобладают работающие на угле ТЭЦ. В 2021 году, когда Индонезия возглавила G20, крупнейшие экономики договорились прекратить финансирование проектов по добывче угля. В том же 2021 году правительство Индонезии заявило, что приостанавливает строительство новых угольных станций, разрешив строительство только уже начатых.

К 2030 году Индонезия планирует увеличить мощности солнечных электростанций на 4,68 ГВт, что подразумевает рост в 25 раз с нынешнего уровня в 180 МВт. Кроме того, правительство разрабатывает нормативные акты для развития водородных технологий.

Страна имеет наибогатейший потенциал альтернативных источников энергии: «гидроэнергия – 94,5 тыс. МВт, геотермальная – 29,5 тыс. МВт, биоэнергия – 32 тыс. МВт, сол-

² Индонезия занимает второе место в мире после США по использованию геотермальной энергии.

³ Энергетический профиль Индонезии. EES EAEC. Мировая энергетика. [https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-indonezii.\(дата обращения: 05.05.2023\)](https://www.eeseaec.org/energeticeskij-profil-indonezii.(дата обращения: 05.05.2023)).

⁴ Развитие солнечной электроэнергетики в странах Большой 20: <https://hightech.plus/2022/09/06/analitiki-pre-drekayut-burnii-rost-solnechnoi-energetiki-v-azii> (дата обращения 10.05.23).

нечная энергия – 208 тыс. МВт, энергия ветра – 60 тыс. МВт, энергия волн – 2 тыс. МВт, энергия тепла морской воды – 41 тыс. МВт и энергия морских течений – 18 тыс. МВт» [10. С. 192]. Одним из перспективных направлений диверсификации энергетики в среднесрочной перспективе, по мнению некоторых ученых, могло бы стать и строительство атомных станций. Однако правительство страны пока осторожно относится к перспективам атомной энергетики.

Государственные и частные компании выполняют поставленные правительством задачи по ESG-трансформации. Индонезийская государственная электроэнергетическая компания PT Perusahaan Listrik Negara (Persero) (сокращенно PT PLN) приняла дорожную карту по сокращению выбросов. В компании планируют сократить эмиссию на 900 миллионов тонн эквивалента CO₂ к 2060 г.⁵ Дорожная карта включает такие меры, как: строительство новых электростанций на основе возобновляемых источников энергии; перевод дизельных электростанций на ВИЭ; разработка газогенераторов; снижение потерь в сети; улавливание и хранение углерода (в том числе газа метан) и пр. В компании отказались от строительства новых ТЭЦ на угле, исключив из бизнес-плана 13 гигаватт (ГВт) запланированных электростанций. В результате PT PLN (Persero) удалось сократить выбросы углерода на 32 миллиона метрических тонн в 2022 году (по состоянию на сентябрь 2022 года).

В ноябре 2022 года дочерняя компания PT PLN – Nusantara Power ввела в эксплуатацию надводную фотоэлектрическую СЭС Cirata мощностью 145 МВт (для сравнения самая мощная солнечная станция в России – Аршанская СЭС в Калмыкии имеет установленную мощность 115,6 МВт). PT PLN-Nusantara Power строит также плавучую СЭС Karangkates на водохранилище плотины в Карапактесе (район Маланг, Восточная Ява) мощностью 100 МВт.

Расширение и восстановление лесных угодий (компенсационный инструмент)

В настоящее время лесные покровы не превышают 50% площади Индонезии. В результате коммерческой вырубки, связанной с увеличением угодий для выращивания масличных пальм, уничтожены порядка 75% тропических лесов [4]. По темпам обезлесения Индонезия обогнала Бразилию. Значительная часть лесов уничтожается вследствие лесных пожаров.

Правительство принимает меры по сохранению лесов. Согласно Закону о лесном хозяйстве Индонезии №41/1999, лицо, осуществляющее использование леса, должно платить пошлины и сборы в инвестиционный фонд на восстановление леса. Кроме того, Индонезия присоединилась на Саммите в Глазго (СООР 26) к международной инициативе, согласно которой страны, на которые приходится 85% леса в мире (среди которых помимо Индонезии: США, Великобритания, Бразилия, Россия, Канада и Колумбия), к 2030 году обязуются отказаться от вырубки лесов.

Двенадцать районов в стране развиваются проекты по устойчивому лесопользованию. 269 деревень подписали Соглашения об охране природы и обеспечении средств к существованию (Community Conservation and Livelihood Agreements (CCLA)). Этих мер недостаточно, так как это меньше 1% районов и деревень (районов в стране насчитывается 6543, а деревень – 75 244)⁶.

Темпы роста лесов в стране превышают средние по миру, что дает перспективы для развития лесоклиматических проектов. Но эти проекты имеют риски, связанные с вероятностью уничтожения лесов по причине болезней леса или лесных пожаров.

Развитие рынка электромобилей и транспортной инфраструктуры

Индонезия является вторым по величине производителем автомобилей в ре-

⁵ Дорожная карта Persero: https://www.idx.co.id/StaticData/NewsAndAnnouncement/ANNOUNCEMENTSTOCK/From_EREP/202207/4f845a2eb3_82e963686a.pdf (дата обращения 10.05.23).

⁶ В 2001 году в стране была проведена широкомасштабная децентрализация, в ходе которой она была разделена на 82 330 единицы местного самоуправления, среди которых: 34 провинции, 99 городов, 410 округов, 6 543 района и 75 244 деревни. Местные органы власти получили право принимать решения в таких областях, как сбор доходов (например, роялти и земельные налоги), выдача разрешений на добычу полезных ископаемых, а также оценка и регулирование воздействия на окружающую среду [27].

гионе Юго-Восточной Азии после Таиланда. В 2021 году в стране было произведено 900 000 легковых автомобилей. По планам правительства к 2025 году электромобили должны составлять 20% от всех производимых в стране автомобилей. В декабре 2022 министерство промышленности внедрило правила субсидирования покупки электромобилей, гибридных автомобилей и электрических мотоциклов, а также субсидирования затрат на переоборудование мотоциклов с двигателем внутреннего сгорания в электрические. Основная цель развития программы субсидий в стране заключается не только в снижении эмиссии газов транспортными средствами, но и в развитии внутреннего производства электромобилей и связанных с ними цепочек поставок.

Субсидия в размере 80 млн индийских рупий (~ 5 130 долл США) будет предоставаться на покупку нового электромобиля с аккумуляторной батареей, на покупку обычного гибрида предусмотрена лишь половина от указанной суммы. На покупку новых электрических мотоциклов субсидия предусмотрена в размере 8 млн индийских рупий (~ 520 долл США), а на переоборудование двухколесного транспортного средства с двигателем внутреннего сгорания (далее ДВС) на двигатель с электроприводом субсидия составит 5 млн индийских рупий (~ 320 долл США)⁷. Разработчики программы учитывали опыт денежного субсидирования покупателей электромобилей Китая, Франции, Нидерландов и США.

Однако в стране пока не решена проблема инфраструктуры для электромобилей (речь идет о зарядных станциях, местах ремонта и обслуживания). В качестве барьера перехода на электромобили эксперты также отмечают количество и качество дорог. Их недостаток является причиной заторов и пробок на дорогах, приводя к еще большим выбросам CO₂.

Усиление ответственности крупного бизнеса за выбросы в цепочках поставок, декарбонизация логистики

Правительство страны приняло Дорожную карту по расширенной ответственности производителя за жизненный цикл продук-

та и продвижению экономики замкнутого цикла. Крупные корпорации должны принимать меры по обеспечению устойчивого развития в цепочках поставок в процессе декарбонизации жизненного цикла продукта. Для этого они привлекают к снижению выбросов своих поставщиков из сферы малого и среднего бизнеса. Корпоративный сектор активно развивает стратегии ESG, переходит на ВИЭ, публикует нефинансовую отчетность. С 2020 года для публичных компаний Индонезии стала обязательной публикация нефинансового отчета. Драйвером ESG-повестки является не только и не столько деловая среда, внутренний спрос, сколько риск недополучения зарубежных инвестиций [3].

Декарбонизация логистики крупного бизнеса в Индонезии связана в настоящее время в большей степени с использованием более низкоуглеродных видов топлива на транспортных средствах с двигателями внутреннего сгорания (далее ДВС). Поскольку страна представляет собой архипелаг, то речь идет не только об автомобилях, но также о морском транспорте и морской инфраструктуре. Крупные компании создают не только ответственные цепочки поставок, но и партнерства. Таким примером является промышленный кластер Джабабека в Чикаранге (Западная Ява). Это первый промышленный кластер Юго-Восточной Азии с нулевым уровнем выбросов.

Таким образом крупные компании подстегивают партнеров их МСБ к учету и снижению выбросов CO₂. В Индонезии 99,9% субъектов бизнеса представлены МСБ, на них занято 96,9% всей рабочей силы. Для облегчения доступа к финансам предприятиям из МСБ правительство запустило интегрированную платформу финансирования проектов под названием «Цели устойчивого развития (ЦУР) Индонезия» (SDG Indonesia). Платформа является посредником между МСБ и инвесторами, с ее помощью уже профинансировано проектов на 3,03 млрд долл США. Эксперты признают ее одним из первых механизмом «зеленого» финансирования предприятий МСП в Юго-Восточной Азии.

⁷ The International Council on Clean Transportation: <https://theicct.org/asean-indonesia-evs-mar23> (дата обращения 10.05.23).

Создание рынка торговли квотами на выбросы

В Индонезии планировалось введение налога на выбросы углерода в размере 30 000 рупий (2,09 долл США) за тонну эквивалента CO₂. Налог распространялся на предприятия отраслей: электроэнергетической, топливной, нефтехимической отраслей, автомобильной, целлюлозно-бумажной и цементной. По подсчётам Министерства энергетики потенциально облагаемые налогом выбросы составляют около 1 млн тонн. Налог должен был взиматься у предприятий, если выбросы составляют выше установленного предела. Однако в 2022 году введение налога было приостановлено.

В текущем 2023 году в стране запущен первый этап программы торговли квотами на выбросы углерода. Программа включает пока только энергетику и распространяется на 99 угольных станций, принадлежащих государственной компании Perusahaan Listrik Negara (PLN). Это электростанции с мощностью не менее 100 МВт. Электростанции, которые выбрасывают больше углерода, чем установленная для них квота, смогут покупать углеродные кредиты на бирже. Углеродные единицы смогут продавать на бирже электростанции с выбросами ниже квоты или электростанции, работающие на возобновляемых источниках энергии. В дальнейшем планируется расширение программы на менее мощные угольные станции и все станции, работающие на ископаемом топливе, а полное внедрение торговли квотами на выбросы планируется в 2024 году.

В сентябре 2023 года в стране заработала биржа по торговле квотами на выбросы (углеродными единицами). В первый день торгов цена за тонну выбросов достигла 77 тыс индийских рупий, что эквивалентно 4,5 долл США. Для сравнения в России цена за тонну выбросов составляет 1 тыс руб., а в Европе – в среднем порядка 50 евро. Емкость рынка торговли углеродными единицами в стране, по словам ее президента Дж. Видодо, оценивается в 194 млрд долл⁸.

«Зеленое» финансирование и развитие «зелёной» таксономии

Масштабная трансформация экономики страны требует инвестиций, а также созда-

ния инфраструктуры учета эмиссии CO₂ и квот на выбросы. Для решения экологических проблем и преобразований, связанных с переходом к «зеленой» экономике, по подсчётом властей Индонезии понадобятся инвестиции в размере 150–200 млрд долл США ежегодно в период с 2021 по 2030 годы [11]. На Саммите G20 на Бали в 2022 году коалиция стран во главе с США и Японией согласились инвестировать на эти цели 20 млрд долл США. Однако в правительстве Индонезии относятся настороженно к привлечению в полном объеме необходимых на декарбонизацию зарубежных инвестиций, опасаясь риска попадания в долговую ловушку.

Одной из поддерживающих мер государственной политики является проводимая в стране налоговая реформа. Корпоративный налог остался в стране без изменений и составляет 22%. В стране в 2021 году был введен налог на богатых с доходами от 5 млрд индонезийских рупий (~349 тысяч долл США) в год в размере 35%. До 2021 года в Индонезии действовала четырехступенчатая ставка подоходного налога, которая варьировалась от 5 до 30%.

В 2022 году в стране была принята «зелёная таксономия» – критерии признания отраслей и проектов инвестирования «зелеными» (соответствующими критериям устойчивого развития). Согласно таксономии, все виды деятельности разделены на три категории. К зелёной категории относятся проекты, оказывающие положительное влияние на окружающую среду. В зависимости от полученной категории заемщики могут получать от банков «зеленые» кредиты, привлекать средства под «зеленые» облигации и т.д. Разработчики таксономии учитывали опыт аналогичных документов Китая, ЕС и других стран АСЕАН.

Помимо развития «зеленого» кредитования в стране наблюдается значительный рост инвестиций в ESG-фонды. Согласно данным Управления по финансовым услугам (OJK), на конец 2020 года под управлением 14 ESG-фондов находились активы на сумму 203 млн долл США (3 трлн индийских рупий) [11]. На фондовой бирже Индонезии (IDX) создан индекс SRI-КЕНАТИ, в который вошли акции 25 компаний, внедривших практики ESG.

⁸ В Индонезии открыли первую углеродную биржу https://lenta.ru/news/2023/09/26/indonesia_carbon/(дата обращения 01.10.23).

⁹ В России в 2021 году в Госдуме обсуждалось повышение ставки подоходного на богатых до 35%. Была введена лишь ставка подоходного налога в 15% с граждан, чей доход превышает 5 млн руб. в год.

В Индонезии для финансирования проектов по смягчению климата вместе совместно с ПРООН разработаны принципы «зеленых» исламских облигаций (Green Sukuk)¹⁰. С помощью выпуска исламских облигаций (суверенных сукуков) в 2018 году было привлечено инвестиций на сумму порядка 1,25 млрд долл США. По оценкам ПРООН в отчете «Иновации в исламских финансах, «Зеленый сукук» для ЦУР» с помощью зеленых исламских облигаций может быть привлечено от 30 до 50 млрд долл США к 2025 г.¹¹ Следует отметить, что уважаемые религиозные организации этой страны такие, как Мухаммадийя и Нахдатул Улама, пропагандируют идеи сохранения природы, в стране получило распространение движение экоислам [10. С. 91].

Заключение

Проведенный анализ показал, что организационно-экономические и технологические меры по энергетической диверсификации и декарбонизации в Индонезии активно развиваются. После принятия Парижского соглашения поставлена задача добиться углеродной нейтральности к 2060 г. В стране принята «Долгосрочная стратегия по низкоуглеродному развитию и климатической устойчивости до 2050 года».

С учетом экваториального положения потенциальные ресурсы солнечной энергетики и ВИЭ здесь неисчерпаемые, ввиду чего основной упор делается именно на солнечную генерацию, а также использование энергии геотермальных вод. Правительство сокращает применение угольных электростанций. В связи с санкциями на российские энергоносители в экспорте страны в ближайшие годы возможно увеличение энергетического угля. Поэтому эксперты оценивают планы правительства по замене угля в энергобалансе на ВИЭ как недостаточные и предполагают, что в текущих условиях они будут скорректированы на более поздние сроки.

Потенциал использования лесного хозяйства в стране чрезвычайно высок, так как скорость роста леса выше, а себестоимость

улавливания тонны CO₂ значительно ниже, чем во многих странах мира, включая Россию. Индонезия присоединилась к международной инициативе отказа от вырубки леса к 2030 г. Расширение и восстановление лесных угодий в стране является приоритетным методом декарбонизации экономики. Это схоже с тем, что закреплено в стратегических документах РФ [13. С. 47].

В стране формируется система регулирования и стимулирования «зеленых» проектов. Принята «зеленая» таксономия, развиваются «зеленые» инвестиционные фонды. Большой потенциал имеют перспективы развития в стране «зеленого» инвестирования, в том числе на принципах исламских финансов. Заработала биржа по торговле углеродными единицами, сам рынок находится в стадии формирования, что также имеет сходство с российской практикой. Однако цена углеродной единицы здесь значительно ниже.

Индонезийские компании, подобно российским, поддерживают государственную политику по снижению выбросов парниковых газов, принимают стратегии устойчивого развития, публикуют отчеты по ESG-критериям, строят солнечные электростанции и / или переходят на закупку «зеленой» энергии у ее производителей, занимаются производством солнечных батарей и аккумуляторов. В Индонезии в отличие от России публикация компаниями нефинансовой отчетности является обязательной. Кроме того, крупные компании обязаны проводить декарбонизацию жизненного цикла продукта и с этой целью принимать меры по формированию устойчивых цепочек поставок, распространяя свои стандарты на поставщиков из малого и среднего бизнеса. Все это позволяет сделать вывод, что в стране развивается ESG-повестка и подходы по декарбонизации экономики, что имеет много общего с ситуацией в России [13. С. 45].

Обозначенные тенденции следует учитывать российским компаниям, ведущим бизнес в рассматриваемом регионе. Из рассмотренных мер по декарбонизации для России, по мнению автора, наибольший интерес представляет практика реализации

¹⁰ 7 things you didn't know about Islamic Finance in Indonesia. SEPTEMBER 13, 2022. <https://www.undp.org/indonesia/blog/7-things-you-didnt-know-about-islamic-finance-indonesia> (дата обращения 05.05.23).

¹¹ A New Report Reveals \$50 Billion Potential in Islamic Finance for Climate Emergency and SDGs. September 28, 2021. <https://www.undp.org/indonesia/press-releases/new-report-reveals-50-billion-potential-islamic-finance-climate-emergency-and-sdgs> (дата обращения 05.05.23).

лесоклиматических проектов, декарбонизации транспортной инфраструктуры, включая морскую, и создания крупными компа-

ниями совместно с МСБ кластеров с нулевым уровнем выбросов.

Литература:

1. Байков А.А., Гневашева В.А. Эконометрические оценки «поворота России на Восток»: опыт многофакторного анализа // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(6).
2. Ефимова Л.М. Российско-индонезийские отношения в XXI веке // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №4 (37).
3. Завьялова Е.Б., Кротова Т.Г., Бунякова А.В. Влияние ESG на конкурентоспособность компаний // Право и управление. XXI век. 2023. № 19 (2).
4. Золотухин И. Н., Журбей Е. В., Куква Н. М. Опыт экологической политики Индонезии: уроки, проблемы и решения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 4.
5. Лебедева М.А. Проблемы декарбонизации экономики России // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 2.
6. Лихачева А.Б., Калачигин Г.М. Оценка рисков либерализации торговли товарами со странами Азии в рамках российской политики поворота на Восток // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. № 13(3).
7. Малетин Н.П., Хохлова Н.И. Россия и Индонезия: прошлое и настоящее двусторонних отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4. № 4 (57).
8. Манурунг Х., Резасях Т., Бейнус А., Кантаправира Р. Укрепление торгово-экономических отношений Индонезии и России: усилия Индонезии по выходу на рынок Евразии // Международная торговля и торговая политика. 2021. №7(4).
9. Оратмангун Д. Развитие сотрудничества АСЕАН и ЕАЭС - важная задача, реализация которой выгодна всем участникам процесса // Экономические стратегии. 2015. Т. 17. № 7 (132).
10. Попов А.В. Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития. М., 2019.
11. Проект Сбера Восточный экспресс: как страны Азии и Ближнего Востока развивают ESG-повестку. URL: <https://esg-sber-world.rbc.ru/>.
12. Сабон В.Л. Развитие торгово-экономического сотрудничества между Россией и Индонезией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2012. № 1.
13. Сайтова А., Ильинский А. Декарбонизация российской энергетики в условиях санкций и мирового энергоперехода // Энергетическая политика. 2022. № 6 (172).
14. Сафонов Г.В., Козельцев М.Л., Стеценко А.В., Дорина А.Л., Сафонова Ю.А., Семакина А.А., Сизонов А.Г., Сафонов М.Г. Перспективы декарбонизации мировой экономики в контексте реализации Парижского климатического соглашения ООН // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4.
15. Сибарани Д.М.Н. Экономическая политика Индонезии и перспективы российско-индонезийского торгово-экономического сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3.
16. Федоровский А.Н. Россия и вызовы Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 60 (3).
17. Хасбулатов Р.И., Бяшарова А.Р. Страны ЛАГ на современном этапе: экономическое развитие и новые задачи в XXI веке // Восток (Oriens). 2022. № 2.
18. Adisaputro D., Saputra B. Carbon Capture and Storage and Carbon Capture and Utilization: What Do They Offer to Indonesia? // Frontiers in Energy Research. Volume 5. 2017.
19. Anderson Z. R., Kusters K., McCarthy J. F., Obidzinski K. Green growth rhetoric versus reality. Insights from Indonesia // Global Environmental Change. Volume 38. 2016. P. 30-40.
20. Harrington M. An own coal? Energy policy in Indonesia // The Australia Institute - Discussion Paper, 2017.
21. Hermawan S., Karim M. F., Rethel L. Institutional layering in climate policy: Insights from REDD+ governance in Indonesia // Forest Policy and Economics. Volume 154. 2023.
22. Indonesia Clean Energy Outlook 2021. URL: <https://den.go.id>.
23. Kurniawan T.A., Dzarfan Othman M.H., Hwang G.H., Gikas P., Unlocking digital technologies for waste recycling in Industry 4.0 era: A transformation towards a digitalization-based circular economy in Indonesia // Journal of Cleaner Production. Volume 357. 2022.
24. Lau H.C. Decarbonization roadmaps for ASEAN and their implications // Energy Reports. 2022. Volume 8. P. 6000-6022.

25. Lau H.C. Decarbonization of ASEAN's power sector: A holistic approach // Energy Reports. Volume 9. 2023. P. 676-702.
26. National Forest Reference Level for Deforestation, Forest Degradation, and Enhancement of Forest Carbon Stock. In the Context of Decision 12/CP.17 para 12 UNFCCC. Republic of Indonesia, 2022.
27. Ordonez J.A., Jakob M., Steckel J. C., & Fünfgeld A., Coal, power and coal-powered politics in Indonesia // Environmental Science and Policy. 123 (1). 2021. P. 44-57.
28. Ordonez J.A., Fritz M., Eckstein J. Coal vs. renewables: Least-cost optimization of the Indonesian power sector // Energy for Sustainable Development. Volume 68. 2022. P. 350-363.

IMPLEMENTATION OF MEASURES TO DECARBONIZE THE INDONESIAN ECONOMY FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Introduction. Interest in the countries of Southeast Asia has increased many times in recent years due to sanctions. A number of experts expressed concern that the ESG agenda in Russia would become less relevant, and sustainable development practices would be less in demand. However, these fears were not confirmed, since the green agenda is at a high level in Asian countries. It is important for Russian business to understand the processes taking place in the countries of this region.

Indonesia was chosen as the object of study as the largest economy and the largest emitter of greenhouse gases in the region. The country has adopted the goal of achieving carbon neutrality by 2060. Indonesia is decarbonizing due to the negative effects of global warming on the climate and nature of this state, as well as due to pressure from the international community.

Materials and methods. The paper analyzes statistical information, assessments of scientific groups and organizations, reports of ministries. Methods of analysis and synthesis, generalization and comparison, induction, etc. were used.

Results. As a result of the analysis, it was revealed that in the country, in the interests of implementing the sustainable development agenda and ESG, a "Long-term strategy for low-carbon development and climate resilience until 2050", an energy policy, a Forestry Law aimed at preserving forests, etc. nor-

mative acts. Technological and organizational and managerial methods of decarbonization are actively used in state and corporate management.

The main emphasis was placed on the restructuring of the energy sector (reducing the share of energy produced at thermal power plants in the energy balance and increasing the share of renewable energy sources); fight against deforestation; development of a subsidizing system for the purchase of electric vehicles; adoption of a "green taxonomy"; involvement of SMEs in green activities within the supply chains of large companies, etc.

Discussion and conclusion. The paper substantiates that the government of Indonesia assigns the main role in reducing emissions to the fight against deforestation. The goals and actions for the transition of the energy sector to RES conflict with the tasks of the coal industry. It is necessary to coordinate goal-setting at different levels of government, between different ministries, as well as with business. A conclusion is made about promising tools for reducing CO₂ emissions from the point of view of application in Russia.

Bela S. Bataeva,

Doctor of Sciences (Economics), Professor,
Corporate Finance and Corporate Governance
Department, Financial University under the
Government of the Russian Federation, Russia

Ключевые слова:

Индонезия, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), устойчивое развитие, декарбонизация, ESG, государственное управление, выбросы CO₂, ВИЭ.

Keywords:

Indonesia, Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), sustainable development, decarbonization, ESG, public administration, CO₂ emissions, RES.

References:

1. Bajkov A.A., Gnevasheva V.A., 2020. Ekonometricheskie ocenki «povorota Rossii na Vostok»: opty mnogofaktornogo analiza [Econometric Estimates of Russia's Turn to the East]. *Vestnik MGIMO-Universiteta. [MGIMO Review of International Relations]*. № 13(6). P. 175-207.
2. Efimova L.M., 2014. Rossijsko- indonezijskie otnosheniya v XXI veke [Russian-Indonesian Relations in the 21 Century]. *Vestnik MGIMO-Universiteta. [MGIMO Review of International Relations]*. № 4 (37). P. 73-81.
3. Zavyalova E.B., Krotova T.G., Buniakova A.V., 2023. ESG Impact on Corporate Competitiveness [Vliyanie ESG na konkurentosposobnost' kompanii]. *Pravo i upravlenie. XXI vek. [Journal of Law and Administration]*. № 19 (2). P. 62-70.
4. Zolotukhin I.N., Zhurbey E.V., Kukva N.M., 2019. Opty ekologicheskoy politiki Indonezii: uroki, problemy i resheniya [The experience of Indonesian environmental policy: implications, problems and solutions]. *Ojikumena. Regionovedcheskie issledovaniya. [Ojikumena. Regional researches]*. № 4. P. 83–97.
5. Lebedeva M.A., 2022. Problemy dekarbonizacii ekonomiki Rossii. [Decarbonization problems of the Russian economy]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of territory's development]*. Vol. 26. No. P. 57–72.
6. Likhacheva A.B., Kalachyhin H.M., 2018. Ocenna riskov liberalizacii torgovli tovarami so stranami Azii v ramkah rossijskoj politiki poverota na Vostok [Risk Assessment of Trade Liberalization with Asian Countries in the Context of Russia's Policy of Pivot to Asia]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika. [International Organisations Research Journal]*. Vol. 13. No. P. 52–69.
7. Maletin N.P., Khokhlova N.I., 2022. Rossija i Indoneziya: proshloe i nastoyashchee dvustoronnih otnoshenij [Russia and Indonesia: past and present of bilateral relations]. *Yugo-Vostochnaya Azija: aktual'nyye problemy razvitiya [Southeast Asia: Actual Problems of Development]*, Vol. 4. No. 4 (57). P. 197-115.
8. Manurung H., Rezasyah T., Bainus A., Kantaprawira R., 2021. Ukreplenie torgovo-ekonomiceskikh otnoshenij Indonezii i Rossii: usiliya Indonezii po vyhodu na rynok Evrazii [Strengthening Indonesia-Russia trade economy relations: Indonesia's effort to access Eurasia market]. *Mezhdunarodnaya torgovlya i torgovaya politika. [International Trade and Trade Policy]*. No. 7(4). P. 93-112.
9. Dzhauhari Oratmangun., 2015. Razvitie sotrudnichestva ASEAN i EAES - vazhnaya zadacha, realizaciya kotoroj vydonna vsem uchastnikam processa [SEAN and EAEU cooperation development is an important task, implementation of which is beneficial to all the process participants]. *Ekonomicheskie strategii [Economic strategies]*. Vol. 17. № 7. P. 132.
10. Popov A.V., 2019. Ekonomika Indonezii: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya [Economy of Indonesia: current state and development trends]. *Moskva: Institut stran Vostoka [Moscow: Institute of Oriental Countries]*.
11. Proekt Sbera Vostochnyj ekspress: kak strany Azii i Blizhnego Vostoka razvivayut ESG-povestku [Sber's Orient Express project: how the countries of Asia and the Middle East are developing the ESG agenda]. URL: <https://esg-sber-world.rbc.ru>.
12. Sabon V.L., 2012. Razvitie torgovo-ekonomiceskogo sotrudnichestva mezhdu Rossiej i Indoneziej [Development of trade and economic cooperation between Russia and Indonesia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economy]*. No. 1. P. 41-48.
13. Saitova A., Ilyinsky A., 2022. Dekarbonizaciya rossijskoj energetiki v usloviyah sankcij i mirovogo energoperekhoda [Decarbonization of the Russian Energy Industry in the Context of Sanctions and the Global Energy Transition]. *Energeticheskaya politika. [Energy policy]*. No. 6 (172). P. 42-55.
14. Safonov G., Kozeltsev M., Stetsenko A., Dorina A., Saphonova Y., Semakina A., Sizonov A., Safonov M., 2022. Perspektivy dekarbonizacii mirovoj ekonomiki v kontekste realizacii Parizhskogo klimaticheskogo soglasheniya OON [Perspectives of Decarbonization of World Economy in the Context of Implementation of the UN Paris Climate]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. [International Organisations Research Journal]*. Vol. 17. No. 4. P. 38-61.
15. Sibarani, D.M.N., 2019. Ekonomicheskaya politika Indonezii i perspektivy rossijsko-indonezijskogo torgovo-ekonomiceskogo sotrudnichestva [Economic Policy in Indonesia and Prospects of Russian-Indonesian Trade and Economic Cooperation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]*, Vol. 19. No. 3. P. 450-462.
16. Fedorovsky A., 2016. Possiya i vyzovy Vostochnoj Azii [Russia and East Asia Challenges Russia and East Asia Challenges]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*. Vol. 60. No 3. P. 58-71.
17. Khasbulatov R., Byasharova A., 2022. Strany Ligi arabskikh gosudarstv na sovremennom etape: ekonomicheskoe razvitiye i novye zadachi v XXI veke [The League of Arab States Countries at the Present Stage: Economic Development and New Challenges in the 21th Century]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istorija i sovremennost [East. Afro-Asian societies: History and modernity]*. № 2. P. 124-139.
18. Adisaputro D., Saputra B., 2017. Carbon Capture and Storage and Carbon Capture and Utilization: What Do They Offer to Indonesia? *Frontiers in Energy Research. Volume 5*.
19. Anderson Z. R., Kusters K., McCarthy J. F., Obidzinski K., 2016. Green growth rhetoric versus reality. Insights from Indonesia. *Global Environmental Change. Volume 38*. P. 30-40.

20. Harrington M., 2017. An own coal? Energy policy in Indonesia. *The Australia Institute - Discussion Paper*.
21. Hermawan S., Karim M. F., Rethel L., 2023. Institutional layering in climate policy: Insights from REDD+ governance in Indonesia. *Forest Policy and Economics*. Volume 154.
22. Indonesia Clean Energy Outlook 2021. URL: <https://den.go.id>.
23. Kurniawan T.A., Dzarfan Othman M.H., Hwang G.H., Gikas P., 2022. Unlocking digital technologies for waste recycling in Industry 4.0 era: A transformation towards a digitalization-based circular economy in Indonesia. *Journal of Cleaner Production*. Volume 357.
24. Lau H.C., 2022. Decarbonization roadmaps for ASEAN and their implications. *Energy Reports*. 2022. Volume 8. P. 6000-6022.
25. Lau H.C., 2023. Decarbonization of ASEAN's power sector: A holistic approach. *Energy Reports*. Volume 9. P. 676-702.
26. National Forest Reference Level for Deforestation, Forest Degradation, and Enhancement of Forest Carbon Stock. In the Context of Decision 12/CP.17 para 12 UNFCCC. Republic of Indonesia, 2022.
27. Ordonez J. A., Jakob M., Steckel J. C., & Fünfgeld A., 2021. Coal, power and coal-powered politics in Indonesia. *Environmental Science and Policy*. 123 (1). P. 44-57.
28. Ordonez J. A., Fritz M., Eckstein J., 2022. Coal vs. renewables: Least-cost optimization of the Indonesian power sector. *Energy for Sustainable Development*. Volume 68. P. 350-363.

СРАВНЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЕС В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Петр Меньшиков*
Лаурита Михина**

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-77-88



Введение. В статье рассматриваются законодательные основы в сфере информационной и кибербезопасности в России и Европейском Союзе, а также актуальные изменения. Изучаются изменения в законодательстве РФ после принятия 30 декабря 2021 г. № 441-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 3 и 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,¹ а также Конвенция 108 Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (T-PD) 1981 года², Протокол о внесении поправок в Конвенцию о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных, принятый Комитетом министров на его 128-й сессии в Эльсиноре 18 мая 2018 года. (Конвенция 108+),³ Руководящие принципы по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных политическими кампаниями и для них 2021 года.⁴

* **Меньшиков Петр Витальевич**, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой медийной политики и связей с общественностью МГИМО МИД России
e-mail: p.menshikov@odin.mgimo.ru
ORCID ID: 0000-0001-6547-6032

** **Михина Лаурита Константиновна**, магистрант кафедры МПиСО «Новые медиа и стратегические коммуникации» МГИМО МИД России
e-mail: mik-laura888@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-7628-3284

¹ Федеральный закон от 30.12.2021 N 441-ФЗ "О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 3 и 5 Федерального

Материалы и методы. Материалы исследования составили Федеральный закон от 30.12.2021 N 441-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 3 и 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ФЗ от 27.07.2006 N 152 «О персональных данных»,⁵ ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 N 272,⁶ Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ,⁷ 108 Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (T-PD), Конвенция 108+ и Руководящие принципы по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных политическими кампаниями и для них 2021 года. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере защиты персональных данных: метод системно-структурного анализа; метод синтеза социально-правовых явлений; сравнительно-правовой метод; формально-логический метод.

Результаты исследования. Российская Федерация реализует многие положения Руководящих принципов по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных. Однако есть те предложения, которые не нашли отражение в российских законах. Кроме того, Руководящие принципы по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных фактически разрешают организациям передавать данные социальным сетям для рекламы, что в России может быть расценено как нарушение законодательства.

Обсуждение и заключение. В настоящий момент сохраняется неопределенность в связи с сотрудничеством России и стран Европы и выходом России из Совета Европы, ЕСПЧ и СПЧ. В скором времени Россия определит перечень европейских конвенций, которые больше не отвечают ее национальным интересам, и денонсирует их. В случае, если Конвенция 108 не попадет в этот перечень, то Россия сможет оставаться участницей Конвенции, а следовательно, и связанных документов. Но все же даже в случае денонсирования рассматриваемой Конвенции и связанных с ней документов некоторые ее позитивные практики могут быть адаптированы российскими законодателями и в немном измененном виде отражены в российских ФЗ.

закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300008>

² 108 Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (T-PD), 1981. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680078c46>

³ Протокол о внесении поправок в Конвенцию «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных», принятый Комитетом министров на его 128-й сессии в Эльсиноре 18 мая 2018 года. (Конвенция 108+) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/convention-108-convention-for-the-protection-of-individuals-with-regard/16808b36f1>

⁴ Руководящие принципы по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных политическими кампаниями и для них 2021 года.

⁵ ФЗ от 27.07.2006 N 152 «О персональных данных». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

⁶ ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 N 272. ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 N 272. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/

⁷ Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/

Введение

С недавних пор в России началась модернизация действующих законов в области информационно-коммуникационной безопасности и кибербезопасности.

У этого был ряд причин, в том числе информационное противостояние ряда западных стран с Россией, дезинформация и попытки некоторых государств пересмотреть итоги Великой Отечественной войны, как следствие растущей тенденции ухудшений отношений с Западом в целом, так и пандемия COVID-19, во время которой, когда весь мир «перешел в онлайн», участились случаи призывов к насилию в сети, разжигания экстремизма, а также онлайн-мошенничества. Все это создало прямую угрозу для российских граждан и суверенитета страны. Необходимо было законодательно закрепить механизм защиты инфраструктуры и населения от данных типов угроз. В свою очередь, и страны Запада активно модернизируют, адаптируют действующие законы в области информационной безопасности. Несмотря на новые политические реалии и явную пробуксовку переговоров по развитию совместной практики в сфере безопасности персональных данных, для России и Европейского Союза все еще остаются площадки для налаживания сотрудничества в данной области. Однако ряд положений европейского законодательства противоречит российскому. Тема информационной и кибербезопасности после начала пандемии и специальной военной операции России на Украине вошла в топ повесток большинства стран мира. Законодательство в информационной сфере во многих из них уже претерпело ряд изменений. В связи с этим изучение и анализ законодательного опыта других стран в сфере безопасности данных и информационной безопасности, а также его сопоставление с российским является крайне актуальным.

Исследование

Актуальные изменения в российском законодательстве о персональных данных и информационной безопасности

После участившихся случаев мошенничества и кибератак с началом пандемии COVID-19 в ряд законов Российской Федерации были внесены существенные изменения. Так, Федеральный закон от 30.12.2021 N 441-ФЗ изменил 15.3 Федерального закона

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В Статье 15.3. говорится о порядке ограничения доступа к информации, которая распространяется с нарушением закона. Теперь статья гласит, что Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители вправе обратиться в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере СМИ, с требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, которые распространяют, помимо всего прочего, ложные сообщения об актах терроризма и иной недостоверной общественно значимой информации или информации, содержащей обоснование и (или) оправдание осуществления экстремистской деятельности, включая террористическую деятельность, предложение о приобретении поддельного документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей.

Новая редакция закона борется с дезинформацией, особенно в области терроризма и любым поощрением экстремистской, террористической или мошеннической деятельности. Закон вводит вполне уместные запреты, поскольку: а) любое ложное предупреждение о готовящейся попытки террористического акта, во-первых, в форме розыгрыша, например, попросту отнимает время у ответственных органов, которые в это время могли бы направить свои усилия на решения других неотложных проблем, во-вторых, может служить отвлекающим маневром для совершения террористического акта, но уже в другом месте, в связи с чем должна налагаться ответственность на информаторов; б) в интернет-среде, например, в блого-сфере, растет число публикаций, призывающих, если не к насилию, то к саботажу или поддержке той деятельности, которая в России считается незаконной, куда также относится продажа поддельных документов.

В настоящее время в условиях санкций и все более радикального, недоказанного или ложного распространения материала в отношении России важно верифицировать любую информацию, в противном случае недостоверная новость может привести к серьезным волнениям внутри страны. Таким образом, поправка актуальна и важна с точки зрения защиты от ложной или экстремистской информации, пропаганды, особенно сейчас. Однако не хватает законодательных пояснений в отношении термина «поддельный документ». Наверняка речь

идет не только о печатной форме, но в том числе, различного рода сделок или незаконной передачи прав. Возможно, в скором времени нам предстоит увидеть разъяснение Верховного Суда о данном положении.

Согласно законодательным изменениям, доступ к информации и информационным ресурсам также может быть ограничен в связи с распространением информационных материалов уже не только иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации, но и организаций, деятельность которых запрещена в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» или Федеральным законом от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»^{8, 9}. В России существует перечень организаций, деятельность которых запрещена в РФ по весьма обоснованным причинам, среди которых: разжигание расовой ненависти, призывы к насилию и т.д. Поэтому любые сообщения, поступающие от источника, относящегося к числу запрещенных на территории РФ, должны проверяться и, в случае содержания радикальных или незаконных призывов, блокироваться.

Федеральный закон от 30.12.2021 № 441-ФЗ также внес ряд поправок в Федеральный закон от 29 декабря 2020 года № 479-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Например, были скорректированы нормы, посвященные функционированию единой биометрической системы. Во-первых, в Законе в пункте 11 Статьи 14.1. о Применении информационных технологий в целях идентификации физических лиц теперь четко прописано, что ЕБС является государственной информационной системой. Во-вторых, в пункте 12 появилось важное разъяснение, регламентирующее порядок утверждения любых положений ЕБС, ее функционирования и взаимодействия с иными информационными системами. Такой порядок утверждается Правительством РФ по согласованию

с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области обеспечения безопасности (ФСБ), уполномоченным органом по защите прав субъектов персональных данных (Роскомнадзор) и Центральным банком Российской Федерации. Таким образом, это изменение раскрывает некую последовательность в отношении работы ЕБС. Это, в свою очередь, в случае каких-либо судебных разбирательств в отношении функционирования ЕБС со стороны граждан, упрощает адвокатам, прокурорам изучение дела согласно положениям данного пункта.

В пункт 13 также были внесены корректировки относительно функционирования ЕБС. Там говорится, если физическое лицо, желающее разместить свои биометрические данные в ЕБС, находится за рубежом, то сделать это можно только, если: а) его личность при таком размещении будет подтверждена с использованием документа, удостоверяющего личность гражданина РФ; б) у физлица уже есть учетная запись в единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА, портал госуслуг); в) личность указанного в такой записи лица ранее была подтверждена при личной явке. Кроме того, подчеркивается, что сделать это можно исключительно с использованием российского ПО для обработки биометрических персональных данных и с применением пользовательского оборудования, например, телефона или компьютера, имеющего в своем составе идентификационный модуль, то есть SIM.

Изменения также затронули подпункт «ф» 20-го абзаца. Если проведение идентификации/аутентификации биометрических персональных данных необходимо для реализации полномочий публичных органов власти, то обработка этих данных также осуществляется с применением ЕБС. В целом прослеживается тенденция, что ЕБС трансформируется в крупную систему, концентрирующую с целью контроля и безопасности большие объемы биометрии.

Если раньше, согласно поправкам к ФЗ 07.08.2001 № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных

⁸ Федеральный закон от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12127578/>

⁹ Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

преступным путем, и финансированию терроризма»,¹⁰ к ЕБС подключались банки, то теперь это осуществляют и публичные институты, что делает характер ЕБС всеобъемлющим. В случае, если для реализации полномочий госорганов необходимо обработать биометрические персональных данные, которые не проходят по параметрам в ЕБС, то госорганы могут применить другие государственные информационные системы, владельцами/операторами которых являются аккредитованные государственные органы. Это изменение, в свою очередь, демонстрирует мобильность работы с данными, но также в лишний раз показывает, что уполномоченные органы имеют множество путей для получения различной информации по биометрии, что помогает составить наиболее полную картину о физическом лице.

В Законе также сказано, что необходимо обеспечить безопасность персональных данных в соответствии с ФЗ от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных». То есть теперь, согласно базовым правилам законодательства, все законы постепенно выстраиваются в одну взаимосвязанную систему и приводятся в соответствии друг с другом.

Обеспечение безопасности данных, в том числе биометрических, является первостепенной задачей ИТ-сектора, а также – сложностью. Одним из важнейших положений, появившихся в новой версии ФЗ № 479 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2020 стало то, что теперь аккредитованные госорганы в государственных информационных системах могут вести сбор и передачу биометрических персональных данных для размещения в ЕБС и использовать информацию после обработки биометрических персональных данных физических лиц из ЕБС только, если они были произведены в соответствии с изменениями по удаленной регистрации физлиц в ЕБС. Данное изменение призвано обезопасить госорганы от использования ложных данных или полученных незаконным путем, что, конечно, в целом повышает безопасность работы ЕБС. В противном случае, это может привести к целой череде ошибок с использованием персональных данных. Также Закон

гласит, что осуществлять в государственных информационных системах аккредитованных госорганов иные операции по обработке биометрических персональных данных запрещено. Так, данное положение строго ограничивает случаи, когда государственные учреждения могут проводить операции с персональными биометрическими данными, что вносит ясность в понимание прав госорганов в плане работы с биометрическими данными, а также способствует обеспечению безопасности данных, поскольку искореняет возможность использования незаконных или ложных данных. Суммируя вышеизложенное, Закон делает попытку обеспечения общей безопасности в ЕБС.

В предыдущей версии Федерального закона от 30.12.2021 № 441-ФЗ (имеем в виду ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2020 № 479-ФЗ), где впервые было введено обязательное требование для банков с универсальной лицензией по открытию счетов и выдачи кредитов через ЕБС, словосочетание «граждане Российской Федерации» было заменено на «физических лиц». Понятие «физическое лицо» шире и включает в себя не только граждан РФ, но также лиц иностранных государств и лиц без гражданства. Здесь законодатели не дают каких-либо пояснений. В связи с этими изменениями Закон распространяет проведение идентификации на всех граждан, а не только на граждан РФ. Теоретически иностранец может удаленно в банке получить кредит, при этом ранее, как изложено в ФЗ «Об отмывании», подтвердив свою личность при личной явке, и его данные пойдут в систему (исключение, как было указано ранее, составляет случай, если человек находится за границей России. Тогда удаленно совершить операцию может только гражданин РФ).

По сути, это важнейшее изменение. Это подтверждает общую политическую линию государства по контролю иностранной деятельности в Российской Федерации. В некотором смысле данные изменения в Законе можно сравнить с Законом «Об иноагентах». Так, эти два закона служат своего рода лакмусовой бумажкой, выясняющей действия иностранных граждан или лиц без граждан-

¹⁰ ФЗ 07.08.2001 N 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/

ства на территории России. В итоге ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2020 № 479-ФЗ также может помочь выявить экстремистов (или даже террористов), которые по неосторожности сдали свои биометрические данные в ЕБС.

Стоит заметить, что политическая ситуация в мире, связанная с проведением «спецоперации» России на территории Украины, также способствует разработке законодательной базы в России в области безопасности данных. Например, теперь в России действует закон, обязывающий всех трудовых мигрантов сдавать отпечатки пальцев и другие биометрические данные. Все, кто приехал в Россию работать, должны сдавать биометрию (и проходить медосвидетельствование) в течение 30 дней после въезда. Прибывшие с другими целями на срок более 3 месяцев должны сдать биометрию в течение 90 дней.

Подводя итог, следует сказать, что, безусловно, главным опасением в отношении ЕБС является сама безопасность данных. К сожалению, вместе с развитием искусственного интеллекта совершаются и навыки мошенников, среди которых не только простые торговцы данными, но и преследующие более опасные цели люди. В настоящее время на информационную структуру России совершается значительное количество кибератак, борьбу с которыми в России провозгласили ряд других официальных документов. Помимо попыток усилить защиту систем данных в России также необходимо провести информационную кампанию, разъясняющую действие данных законов. Больше половины граждан РФ не знают о киберугрозах, о том, как обезопасить свои данные и, более того, зачем вообще это делать. Пока что система законов в сфере регулирования ИТ, в том числе в сфере ЕБС, представляется сырой и требует пояснений от законодателей, которые пока продолжают рассматривать сценарии по созданию надежного механизма ее функционирования. Об этом свидетельствует и тот факт, что банки попросили регулятор отложить выдачу кредитов по биометрии из-за больших финансовых затрат и просто потому, что не успевают подготовить к этому своих сотрудников. Тем не менее, справедливо заметить, что за последние 3 года Россией был совершен прорыв в области цифровизации и защиты персональных данных. Подтверждением как раз могут являться некоторые законодательные изменения, рассмотренные выше.

108-ая Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (T-PD) (Конвенция 108+) и Руководящие принципы к ней

Организации, проводящие политические кампании, обрабатывают персональные данные сотрудников и волонтеров кампании, а также кандидатов или потенциальных кандидатов. Кроме того, они также собирают большое количество персональных данных об избирателях, среди которой не только их контактная информация из национального или местного списка избирателей, предоставленного органом, регулирующим выборы, но также и информация о пожертвованиях, финансовых взносах и об их отношении, например, к партии и избирательных намерениях. Растет зависимость организаций, проводящих политические кампании, от частных компаний, которые предоставляют брокерские, аналитические и маркетинговые услуги. В итоге вся система сбора, обработки и хранения персональных данных во время политической кампании очень сложна и непрозрачна. Использование цифровых технологий на выборах, согласно документу, создает угрозы демократии. Например, массовое профилирование избиратора или рассылка сообщений узким категориям избирателей. Все это приводит к появлению filter-bubble (мыльных информационных пузырей), то есть целенаправленному представлению избирателю только той информации, которая соответствует его избирательным предпочтениям, что может выступать в качестве инструмента для манипулирования и создавать другие угрозы. В перспективе это также может привести к политическому абсентеизму, поляризации общества и росту числа фальсификаций на выборах.

В связи с этим в 2018 году Совет Европы принял Протокол о внесении поправок в Конвенцию о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных, тем самым расширив Конвенцию 108 «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных» 1981 года. Теперь документ носит название Конвенция 108+. В ноябре 2021 года Совет Европы разработал Руководящие принципы по защите физических лиц в отношении обработки персональных данных к данной Конвенции, которые предлагают странам-участницам Конвенций руководство по обработке данных, имеющих отношение к политическими кампаниями. Но правила применяются

исключительно к обработке персональных данных избирателей (или потенциальных избирателей) и не распространяются на обработку персональных данных кандидатов, потенциальных кандидатов или сотрудников и волонтеров.

Особый акцент Принципы делают на персональные данные о политических взглядах избирателей, которые защищены статьей 6 108-й Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных». В принципах четко сказано, что обработка данных избиратора должна быть соразмерной по отношению к законным целям политических кампаний, отражая права и свободы, а сбор данных о предпочтениях избирателей должен быть соразмерен этим целям и не должен приводить к вмешательству в интересы, права и свободы избирателя. Например, согласно документу, эти данные не должны использоваться для вознаграждения сторонников (видимо, организаций-участников кампаний) политическими льготами.

Важное положение, которые прописано в документе, это то, что согласие на обработку персональных данных должно быть получено в каждом контексте, в котором политические кампании взаимодействуют с избирателями – на пороге, по телефону, по электронной почте, в текстовом сообщении, через социальные сети и т.п. Молчание, бездействие не является таким согласием. В российском законодательстве, а именно в ФЗ от 27.07.2006 N 152 «О персональных данных» в статье 15 аналогичным образом говорится, что обработка персональных данных в целях политической агитации допускается только при условии предварительного согласия субъекта персональных данных. В статье 10 п. 5 также прописано, что «обработка персональных данных членов (участников) общественного объединения или религиозной организации осуществляется соответствующими общественным объединением или религиозной организацией, действующими в соответствии с законодательством Российской Федерации, для достижения законных целей, предусмотренных их учредительными документами, при условии, что персональные данные не будут распространяться без согласия в письменной форме субъектов персональных данных».

В Принципах также говорится, что в случае, когда организация, проводящая политическую кампанию, собирается обработать персональные данные, ссылаясь на «закон-

ное основание, установленное законом», то такие основания должны быть написаны в соглашении, а их правовая основа – указана в политике конфиденциальности организации. В качестве примера в Принципах говорится, что организации могут утверждать, что обработка данных необходима для реализации «общественных интересов или преобладающих законных интересов контролера или третьей стороны». Эти интересы также должны быть четко определены законом и должным образом указаны в политике конфиденциальности. Это находит отражение в российском законодательстве. В статье 6 ФЗ от 27.07.2006 № 152 «О персональных данных» говорится, что обработка персональных данных будет являться законной, если она необходима для «осуществления прав и законных интересов оператора или третьих лиц либо для достижения общественно значимых целей при условии, что при этом не нарушаются права и свободы субъекта персональных данных». Кроме того, в этой статье в целом предусмотрен ряд случаев, когда обработка персональных данных является законной. По сути, такая обработка является законной, если персональные данные представляют общедоступную информацию. Общедоступная информация, в свою очередь, может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении установленных федеральными законами ограничениями. Но при этом указывается, что использовать такую информацию возможно только при наличии доказательства, что информация была сделана общедоступной самим ее обладателем.

Принципы признают, что организации политических кампаний могут быть обязаны собирать и сообщать информацию о донорах кампании в соответствии с национальным законодательством о финансировании выборов. В российских реалиях это положение актуально, что находит свое отражение в ряде законов, например, в ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 № 272.

В Принципах говорится, что политическая организация не должна передавать данные избирателей другим организациям, например, с предполагаемыми аналогичными политическими целями или идеологическими взглядами, не имея законного основания или получения явного согласия избирателя. Они также не должны получать данные из социальных сетей в целях создания профи-

лей электората. Однако в документе написано, что в случае, «если избиратель является членом организации или положительно выразил желание следить за кандидатом или партией на платформе социальных сетей, то кампания может обоснованно предположить, что он / она захочет получать дальнейшие сообщения от кандидата или партии». Кодификация этого принципа российским государством может создать правовой вакuum для манипуляций.

Важнейшие положения, вводящиеся Принципами, касаются обработки специальной категории данных о политических взглядах. Так, согласно Конвенции 108+, политические партии и другие организации собирают большие объемы персональных данных, которые раскрывают фактические или предполагаемые политические взгляды, и эти данные относятся к специальной категории данных. Но «персональные данные для информации, которую они раскрывают, касающейся расового или этнического происхождения, политических убеждений, членства в профсоюзах, религиозных или других убеждений, здоровья или сексуальной жизни, допускаются только в тех случаях, когда соответствующие гарантии закреплены в законе, дополняя гарантии Конвенции». При этом такие гарантии должны защищать от рисков, которые обработка конфиденциальных данных может представлять для интересов, прав и основных свобод субъекта данных, особенно риск дискrimинации. Дан комментарий, что политические организации могут обрабатывать персональные данные в каждой из этих специальных категорий при условии принятия соответствующих мер предосторожности. В Принципах говорится, «если политические партии и другие организации, проводящие предвыборную кампанию, полагаются на законное основание согласия для сбора данных о политических взглядах и отправки политических сообщений посредством электронных или бумажных сообщений, они должны убедиться, что у них есть соответствующие записи о согласии от физического лица. Также должны быть установлены процедуры регистрации отзыва согласия». Это, в свою очередь, соответствует российскому законодательству, поскольку как уже было сказано, ФЗ № 152 «О персональных данных» ясно дает понять, что обработка данных в целях политической агитации (а также продвижения товаров, работ, услуг на рынке путем осуществления прямых контактов с потенциальным потребителем с по-

мощью средств связи) может осуществляться только с согласия субъекта этих персональных данных. Также в Законе говорится, что оператор должен доказать, что он получил согласие субъекта на обработку. Иначе такая обработка признается осуществляющейся без предварительного согласия, то есть незаконной. Что касается отзыва согласия, то это тоже отображено в российском законе. Так, «оператор обязан немедленно прекратить по требованию субъекта персональных данных обработку его персональных данных», если они были обработаны без согласия. В целом, в российской практике избирательных кампаний довольно часто встречаются случаи сбора и передачи персональных данных избирателей для эффективности политической агитации без предварительного согласия субъектов персональных данных. Это прямое нарушение ФЗ «О персональных данных». Самое распространенное нарушение подобного рода – рассылка. Субъект данных имеет полное право предъявить оператору требования немедленно прекратить обработку его данных, и оператор обязан это сделать.

В принципах говорится, что субъекты данных имеют полное право на получение информации о том, как была получена их личная информация и из какого источника. Они также имеют право на безоговорочное удаление персональных данных, если возражают против обработки данных в целях политического маркетинга. Кроме того, что, к сожалению, не реализуется в правовой форме на территории России, согласно Принципам, субъекты данных имеют право на получение информации о причинах, лежащих в основе обработки их персональных данных политическими кампаниями. Прямо говорится, что они имеют право на возмещение ущерба, правда не обозначается, в какой форме и объеме. Безусловно, европейский документ также уделяет огромное внимание безопасности данных, о чем свидетельствует статья 7 Конвенции. Так, в нем прямо говорится, что «политические партии и другие организации, проводящие предвыборную кампанию, должны предоставить полный отчет о том, как были получены и обрабатываются персональные данные, а также продемонстрировать соответствие требованиям любой сторонней организации, которая обрабатывает персональные данные от их имени».

Несколько лет назад в странах Европы при распространении агитационных материалов в каждом сообщении избирателю по

закону нужно было указывать, во-первых, источник получения персональных данных, во-вторых, какие он имеет права в отношении их использования, в-третьих, сведения о личности держателя. Скорее всего, это информация не устарела и остается актуальной, что, конечно, все же лучше проверить в официальных источниках этих государств. Однако в российских реалиях данные принципы не действуют. Во время избирательной кампании многие данные транспортируются из одной Избирательной комиссии в другую просто посредством сарафанного радио. Тем не менее, реализовать данные принципы на территории России все же возможно.

В Руководящих принципах прописано, что участники кампании «не должны записывать какую-либо информацию о домохозяйстве субъекта и его обитателях, кроме той, которая свободно и конкретно представлена избирателем о его/ее политических взглядах и/или предпочтениях. Они не должны расспрашивать о других членах семьи (особенно детях), арендаторах или жильцах. Они не должны собирать информацию о домашнем хозяйстве или его имуществе (например, автомобилях или других предметах) с целью получения выводов о политических предпочтениях или интересах». Для России реализация этого принципа остается проблематичной. Многие участники кампаний – волонтеры, с которыми порой проводят недостаточно полный инструктаж в отношении того, какие данные можно и нельзя запрашивать. Могут приобретаться «лишние» персональные данные, после чего происходит их утечка. Причины этого также кроются в низком уровне правовой грамотности граждан. Чтобы решить эту проблему, во всех организациях, которые так или иначе задействованы в избирательной или политической кампаниях, должна проводится информационно-разъяснительная работа. Так, все организаторы и участники кампании обязательно должны быть в курсе правовых последствий за нарушение российского законодательства. Как предлагают Принципы, во время политических кампаний могут работать контролеры, ответственные за безопасность данных.

Есть, однако, в данных Принципах положение, которое, во-первых, противоречит пункту 4.2. 10 самих Принципов (ранее авторами указывалось, что, согласно Принципам, политическая организация не должна передавать данные избирателей другим организациям, например, с предполагаемыми

аналогичными политическими целями или идеологическими взглядами, не имея законного основания или получения явного согласия избирателя), а во-вторых, не отвечает требованиям российского законодательства. Так, в документе говорится, что организации, участвующие в политической кампании, могут пересыпать персональные данные компаниям социальных сетей в целях цифровой рекламы группам единомышленников. Прописано, что в таком случае обе организации берут на себя совместный контроль над персональными данными и что никакие персональные данные не должны передаваться компаниям социальных сетей в целях рекламы без соответствующего уведомления субъектов данных.

В России в 2021 году президентом был подписан Указ о блокировке незаконной агитации в СМИ, согласно которому Роскомнадзор может прекратить распространение в сети Интернет агитационных материалов, изготовленных или распространяемых с нарушением требований законодательства РФ. К противоправным материалам относятся спланированные, финансируемые агитационные акции, которые оплачиваются не из избирательного фонда кандидата, и материалы, изготовленные с участием несовершеннолетних или иностранцев. Многие подсказки на этот счет можно также найти в статье 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ.

Таким образом, положение, предложенное Руководящими принципами, с точки зрения применения к реалиям России, представляется незаконным. Кроме того, нет пояснений, кто относится к категории «единомышленников». С точки зрения безопасности данных, это является большим пробелом в данном документе.

Результаты исследования

Были рассмотрены законодательные основы в сфере информационной безопасности и кибербезопасности в России и ЕС. Проведенный сравнительный анализ некоторых положений российских законов, Конвенции Совета Европы и Руководящих принципов показал, что подход европейского законодательства в области защиты персональных данных, относящихся к их обработке во время политических кампаний представляется новаторским, однако местами противоречит российскому.

Заключение

В заключение надо отметить, что в целом Российская Федерация реализует многие положения Руководящих принципов Совета Европы. Есть и те предложения, которые не нашли отражение в российских законах и при этом представляются интересными. О некоторых было сказано выше. Можно в качестве примера привести и ряд других, среди которых внимание к вопросу безопасности при использовании данных геолокации и необходимости оценки рисков с целью избежать утечки/удаления персональных данных и другие. Говорится о том, что политика конфиденциальности должна быть легкодоступной и адаптированной для соответствующих лиц. Безусловно, проблема нелегального сбора так называемых cookies актуальна для всего мира. Многие сайты прибегают к манипуляции при описании политики конфиденциальности и изменении настроек, играя на незнании пользователей о том, что их данные могут быть использованы в интересах организации и что им вряд ли захочется подавать в суд на компанию, если согласие было получено обманным путем. Однако Принципы фактически разрешают организациям передавать данные социальным сетям для рекламы, что в России может быть расценено как нарушение законодательства. В данном случае можно обратиться к зако-

нодательной практике в отношении таких вопросов и посмотреть, какие решения уже выносили российские суды. В целом 19 декабря 2005 года, когда была ратифицирована сама Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», Россия заявила, что в соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 3 Конвенции не будет применять Конвенцию к персональным данным в ряде случаев. Так, например, Россия оставила за собой право устанавливать ограничения прав субъекта персональных данных на доступ к персональным данным о себе в целях защиты безопасности государства и общественного порядка.

В настоящий момент также уместно отметить недавние события, а именно выход России из Совета Европы, ЕСПЧ и СПЧ. В скором времени Россия определит перечень европейских конвенций, которые больше не отвечают интересам страны и денонсирует их. Если же Конвенция 108+ не попадет в этот перечень, то Россия сможет оставаться участницей Конвенции, а следовательно, и связанных с ней документов, не являясь государством-членом Совета Европы. Если же Конвенцию денонсирует, то ряд ее позитивных положений могут быть адаптированы законодателями и в измененном виде отображены в федеральных законах РФ.

Литература:

1. Бойко С.М. Новые стратегические ориентиры России в области международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2021. № 6. С. 52-61.
2. Жидко Е.А., Попова Л.Г. Информационная безопасность модернизируемой России: постановка задачи // Информация и безопасность. 2011. Т. 14. № 2. С. 181-190.
3. Кошкин А.П. Политика информационной безопасности России в условиях цифровизации общества // Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития: Сборник тезисов докладов национальной научно-практической конференции: в двух томах, Москва, 22–23 октября 2020 года. Том 1. М., 2020. С. 299-302.
4. Павлишин Б.И., Шевкуненко М.Ю., Инюкин А.Ф. Информационная безопасность как фактор обеспечения национальной безопасности России // Актуальные аспекты управления региональными экосистемами в условиях цифровизации экономики и общества: современные подходы и технологии: материалы международной научно-практической конференции, Краснодар, 25–31 октября 2021 года. Краснодар, 2021. С. 288-292.
5. Савин С.О. О подходах России к международной информационной безопасности // Международная жизнь. 2022. № 4. С. 130-132.
6. Серегин М.И. Информационная безопасность как одна из основных составляющих национальной безопасности современной России // Вопросы политологии. 2017. № 2(26). С. 113-117.
7. Соколова Е.А., Ермошина А.Ю. Роль Банка России в обеспечении информационной безопасности финансовой системы государства // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 60-5. С. 78-81. DOI: 10.18411/lj-04-2020-102.

8. Фалеев М.И., Черных Г.С. Угрозы национальной безопасности государства в информационной сфере и задачи МЧС России в этой области деятельности // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. Т. 4. № 1(6). С. 21-34.
9. Халиуллин А.И. Противодействие киберпреступности в России как элемент международной информационной безопасности // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2017. № 10. С. 165-172.
10. Чернухин Э.В. О российских инициативах в области противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // Международная жизнь. 2021. № 2. С. 146-151.
11. Ясносокирский Ю.А. Международное информационное право как регулятор международных отношений в сфере информационно-коммуникационных технологий // Международная жизнь. 2022. № 3. С. 88-91.

COMPARISON OF THE TRANSFORMATION OF SOME PROVISIONS OF THE INFORMATION LEGISLATION OF RUSSIA AND THE EU IN THE CONTEXT OF THE CYBER SECURITY CONCEPTION

Introduction. The article discusses the legislative framework in the field of information and cyber security in Russia and the European Union, as well as relevant changes to them. The changes in the legislation of the Russian Federation after the adoption on December 30, 2021 No. 441-FZ "On Amendments to Article 15.3 of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and Articles 3 and 5 of the Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", as well as Council of Europe Convention 108 for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (T-PD) of 1981, Protocol amending the Convention for the Protection of Individuals with regard to the Processing of Personal Data, adopted by the Committee of Ministers on its 128th session in Elsinore on 18 May 2018. (Convention 108+), 2021 Guidelines for the Protection of Individuals with regard to the Processing of Personal Data by and for Political Campaigns.

Materials and methods. The research materials were compiled by the Federal Law of December 30, 2021 No. 441-FZ "On Amending Article 15.3 of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and Articles 3 and 5 of the Federal Law "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation", Federal Law of July 27, 2006 No. 152 "On Personal Data", Federal Law "On measures of influence on persons involved in violations of fundamental human rights and freedoms, rights and freedoms of citizens of the Russian Federation" of December 28, 2012 No. 272, Federal Law "On Fundamental Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" No. 67-FZ of June 12, 2002, 108 of the Council of Europe Conven-

tion for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (T-PD), Convention 108+ and the Guidelines on the Protection of Individuals with regard to the Processing of Personal Data by and for Political Campaigns 2021. The methodological basis of the study was the following general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the field of personal data protection: the method of system-structural analysis; method of synthesis of social and legal phenomena; comparative legal method; formal-logical method.

Results of the study. The Russian Federation implements many of the provisions of the Guidelines for the Protection of Individuals with regard to the processing of personal data. However, there are those proposals that are not reflected in Russian laws. In addition, the Guidelines for the Protection of Individuals with regard to the processing of personal data actually allow organizations to transfer data to social networks for advertising, which in Russia can be regarded as a violation of the law.

Discussion and conclusion. At the moment, uncertainty remains in connection with the cooperation between Russia and European countries and Russia's withdrawal from the Council of Europe, the ECtHR and the HRC. In the near future, Russia will determine the list of European conventions that no longer meet its national interests, and denounce them. If Convention 108 is not included in this list, then Russia will be able to remain a party to the Convention and, consequently, to related documents. But still, even if the Convention under consideration and related documents are denounced, some of its positive practices can be adapted by Russian legislators and reflected in the Russian Federal Law in a slightly modified form.

Petr V. Menshikov,
Doctor of Political Sciences, Associate
Professor, Head of the Department
of Media Policy and Public Relations,
MGIMO University, Russia

Laurita K. Mikhina,
Master student of the Department
of New Media and Strategic
Communications, MGIMO University,
Russia

Ключевые слова: _____
кибербезопасность, Россия, ЕС, защита
персональных данных, информационная
безопасность

Keywords: _____
cybersecurity, Russia, EU, personal data
protection, information security

References:

1. Bojko, S.M., 2021. Novye strategicheskie orientiry Rossii v oblasti mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti [New strategic guidelines of Russia in the field of international information security]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* [The International Affairs]. № 6.
2. Zhidko, E.A., Попова Л.Г., 2011. Informacionnaya bezopasnost' moderniziruemoj Rossii: postanovka zadachi [Information security of modernizing Russia: problem statement]. *Informaciya i bezopasnost'* [Information and security]. № 2.
3. Koshkin, A.P., 2020. Politika informacionnoj bezopasnosti Rossii v usloviyah cifrovizacii obshchestva [Information security policy of Russia in the conditions of digitalization of society]. *Cifrovaya ekonomika: tendencii i perspektivy razvitiya: Sbornik tezisov dokladov nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii: v dvuh tomah. Tom 1.* [Digital economy: trends and prospects of development: Collection of abstracts of reports of the National Scientific and Practical Conference: in two volumes. Volume 1].
4. Pavlishin, B.I., Shevkunenko M.YU., Inyukin A.F., 2021. Informacionnaya bezopasnost' kak faktor obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii [Information security as a factor of ensuring the national security of Russia]. *Aktual'nye aspekty upravleniya regional'nymi ekosistemami v usloviyah cifrovizacii ekonomiki i obshchestva: sovremennyye podhody i tekhnologii: materialy mezdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Current aspects of regional ecosystem management in the context of digitalization of the economy and society: modern approaches and technologies: materials of the international scientific and practical conference].
5. Savin, S.O., 2022. O podhodah Rossii k mezdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti [About Russia's approaches to international information security]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* [The International Affairs]. № 4.
6. Seregin, M.I., 2017. Informacionnaya bezopasnost' kak odna iz osnovnyh sostavlyayushchih nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii [Information security as one of the main components of the national security of modern Russia]. *Voprosy politologii* [Questions of Political Science]. № 2(26).
7. Sokolova, E.A., Ermoshina A.Yu., 2020. Rol' Banka Rossii v obespechenii informacionnoj bezopasnosti finansovoj sistemy gosudarstva [The role of the Bank of Russia in ensuring the information security of the financial system of the state]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the development of science and education]. № 60-5.
8. Faleev, M.I., Chernyh G.S., 2014. Ugrozy nacional'noj bezopasnosti gosudarstva v informacionnoj sfere i zadachi MCHS Rossii v etoj oblasti deyatel'nosti [Threats to the national security of the state in the information sphere and the tasks of the EMERCOM of Russia in this field of activity]. *Strategiya grazhdanskoy zashchity: problemy i issledovaniya* [Strategy of civil protection: problems and research]. № 1(6).
9. Haliullin, A.I., 2017. Protivodejstvie kiberprestupnosti v Rossii kak element mezdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti [Countering cybercrime in Russia as an element of international information security]. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii*. [Problems of strengthening law and order: science, practice, trends]. № 10.
10. Chernuhin, Je.V., 2021. O rossijskikh iniciativah v oblasti protivodejstvija ispol'zovaniju informacionno-kommunikacionnyh tehnologij v prestupnyh celjah [About Russian initiatives in the field of countering the use of information and communication technologies for criminal purposes]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* [The International Affairs]. № 2.
11. Jasnosokirkij, Ju.A., 2022. Mezdunarodnoe informacionnoe pravo kak reguljator mezdunarodnyh otnoshenij v sfere informacionno-kommunikacionnyh tehnologij [International information law as a regulator of international relations in the field of information and communication technologies]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* [The International Affairs]. № 3.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анна Корнеева*

DOI 10.24833/2073-8420-2023-3-68-89-97



Введение. Для управления сложными системами градостроительства важное теоретическое и практическое значение имеют задачи выбора альтернатив и поиска эффективных решений в условиях риска и неопределенности при взаимодействии множества экзогенных и эндогенных факторов. Особое место в принятии решений занимает интегрированный подход, позволяющий на базе моделей искусственного интеллекта, экспертного оценивания, аналитических и расчетных моделей, методов моделирования и целого ряда других моделей и методов успешно применять различные подходы к поддержке принятия решений, обеспечивать более глубокий и всесторонний учет различных факторов, их взаимосвязь, действовать в условиях слабоструктурированной или неструктурированной информации об объекте управления.

В этой связи актуальна проблема создания интегрированных интеллектуальных систем поддержки принятия решений, которые основываются на теории и принципах гибридных систем искусственного интеллекта, методах математического моделирования, системном анализе, синтезе управляющих действий и т.д.

Целью данной статьи является уточнение концептуальных основ технологии информационного моделирования в градостроительной деятельности.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели в статье использовались методы анализа проблемы, синтеза, научных подходов к решению заявленной проблемы, классификации гибридных моделей, используемых в информационном моделировании в градостроительной деятельности. Материалами статьи стали работы ученых по заявленной проблематике.

Результаты исследования. В статье указано на то, что возможности моделирования в градостроительной деятельности связаны с разработкой гибридных моделей, каковыми являются модели, при построении которых используются различные методы. Автором определено, что гибридная интеллектуальная система – это совокупность: аналитических моделей, экспертных систем, искусственных нейронных сетей, нечетких систем, генетических алгоритмов, имитационных статистических моделей.

* Корнеева Анна Михайловна, соискатель кафедры управления активами МГИМО МИД России
e-mail: sacramental@bk.ru
ORCID ID: 0000-0002-2208-3789

Главная задача при разработке гибридных систем состоит в том, чтобы наилучшим образом сочетать разные формы представления и методы обработки знаний в процессе принятия решений в области градостроительной деятельности.

Обсуждение и заключение. В статье обоснована важность внедрения гибридных моделей для исследования функционирования и прогнозирования развития городской инфраструктуры. Рассмотрены подходы к созданию интеллектуальных информационных систем поддержки принятия решений в градостроительстве, основанные на сочетании аналитических методов и моделей, таких как имитационное моделирование, расчетные вычисления, оптимизационные расчеты с моделями мягких вычислений, такими как нечеткие системы, нейронные сети, генетические решения сложных слабо структурированных или неструктурированных задач.

Создание таких систем позволит повысить уровень принятия управлеченческих решений в градостроительстве, лучше выполнять оценивание качества проводимой жилищной политики.

Введение

Город относится к сложным системам с множеством прямых и обратных связей, которые носят нелинейный характер. Такие системы имеют сложную внутреннюю структуру и включают в себя подсистемы, такие как жилищное строительство, экология, производство, население, финансы, земельные ресурсы и т.д. К одной из важнейших относится сфера, связанная с развитием городских территорий и жилищным строительством.

Процесс комплексного развития городских территорий включает в себя:

- градорегулирование, включающее процессы, обеспечивающие комплекс мероприятий содержательно-строительного планирования работ, составляющих градостроительный комплекс;
- инвестиционно-строительная деятельность;
- эксплуатация, включающая процессы управления территорией жилой застройки, процессами развития и эксплуатации жилищного фонда.

Таким образом, перед проектировщиками городских территорий стоит комплексная задача оптимизации стратегических аспектов градостроительной деятельности, которые определяют направление развития городских территорий.

Решение данной задачи само по себе является сложным и трудоемким процессом, в котором множество практических

вопросов невозможно решить без использования технологии информационного моделирования.

К вопросам, касающимся моделирования процессов создания и освоения городских территорий, управления градостроительной деятельностью в последние годы обращались Д.М. Астанин [1], А.В. Гаврилов [2], В.Б. Заалишвили, А.С. Кануков [3], А.С. Кануков [4], Е.И. Костина [6], Т. Лютомский [7], К.П. Макарова, Ю.С. Левина, О.А. Зарубин, А.Е. Климов [8], М.В. Пасхина [9], Н.А. Самойлова [10], М.Е. Скачкова, К.А. Чудова [12], Г.А. Ткачук [13], А.В. Шадрина [14], Barbosa J.A., Bragança L., Mateus R. [15], Price S.J., Terrington R.L., Busby J., Bricker S., Berry T. [17] и др.

В то же время развитие цифровых технологий, искусственного интеллекта вносят в данную деятельность постоянные коррективы, в связи с чем информация, касающаяся заявленного аспекта градостроительной деятельности, нуждается в постоянной актуализации.

В этой связи целью данной статьи является уточнение концептуальных основ технологии информационного моделирования в градостроительной деятельности.

Исследование

Структурирование процесса градостроительной деятельности показывает, что он состоит из целого ряда процессов, которые обеспечивают реализацию проекта (рис. 1).

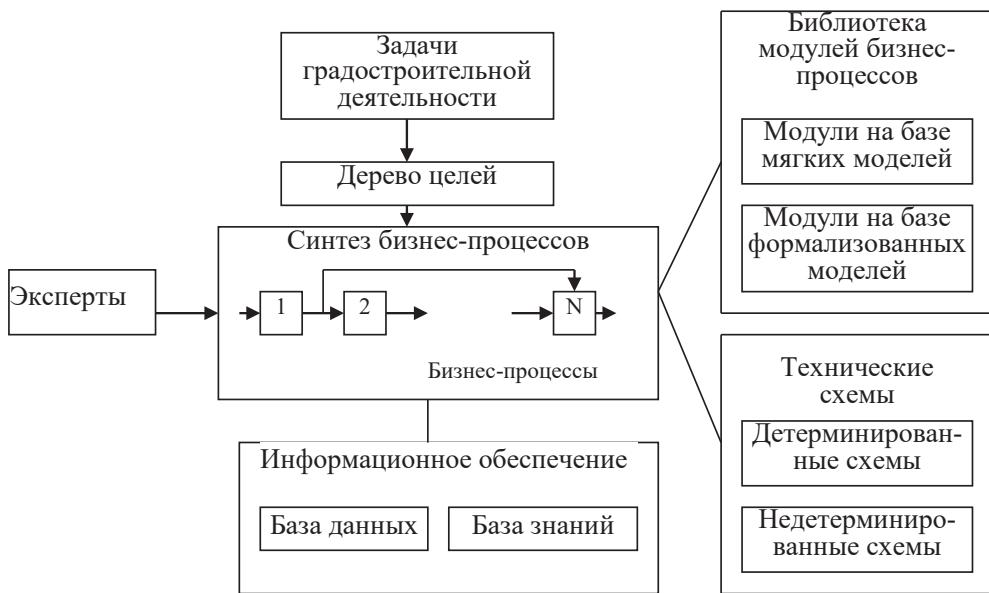


Рисунок 1 – Структурирование процесса градостроительной деятельности (составлено автором)

Как видно из данной схемы, важнейшее место в процессе градостроительной деятельности отводится созданию моделей бизнес-процессов, необходимых для проектной деятельности с учетом жизненного цикла градостроительного проекта.

Соответственно современный этап развития градостроения невозможно себе представить без использования систем информационного моделирования различных процессов, стратегий, объектов.

Технология построения современных систем информационного моделирования предусматривает обработку комплекса взаимосвязанных задач и обрабатываемых потоков информации. Это требует более глубокой проработки методологических вопросов создания и применения данных систем в области градостроения [3. С. 19].

Одной из основных особенностей современных систем информационного моделирования является интегрированность. На базе объединения интеллектуальных технологий с традиционными информационными технологиями они становятся гибридными системами, которые включают параллельно с интеллектуальными комплексами моделирования расчетные модели, статистический анализ, имитационные модели и т.д. Это позволяет значительно расширить возможности принятия управлеченческих решений, обеспечить их синергетический характер, повысить качество и универсальность всей управлеченческой системы градостроительной деятельности. При этом направление развития многомодельных систем подразумевает объединение

процедурных методов моделирования с недетерминированными методами формулирования выводов, используемых в технологии экспертных систем [12. С. 41].

Таким образом, говоря о возможностях моделирования в градостроительной деятельности, мы обращаемся к гибридным моделям, каковыми являются модели, при построении которых используются разные методы.

Термин «гибрид» понимается как система, состоящая из двух или более интегрированных подсистем, каждая из которых может иметь разные языки представления и методы вывода. Подсистемы объединяются вместе семантически и по действию одна с другой. В настоящее время разработаны также гибридные интеллектуальные системы, являющиеся инструментом синергетического искусственного интеллекта, предназначенного для моделирования эффектов взаимодействия, самоорганизации, адаптации, которые наблюдаются в системах, где тесно переплетаются природа, человек и техника. Возможно, модели и методы гибридных интеллектуальных систем станут релевантными сложности задач, решаемых в системах поддержки принятия решений [11. С. 58].

Гибридную интеллектуальную систему рассматривают как систему, в которой для решения задачи используют более одного метода имитации интеллектуальной деятельности человека. Таким образом, гибридная интеллектуальная система – это совокупность: аналитических моделей, экспертных систем, искусственных нейронных сетей, нечетких систем, генетических алгоритмов, имитационных статистических моделей.

Гибридную интегрированную систему определяют также как систему, использующую более одной компьютерной технологии [2. С. 34].

Несмотря на то, что термин «гибридные интеллектуальные системы» возник совсем не так давно, в конце XX века, в наше время уже практически сформировалось междисциплинарное направление «гибридные интеллектуальные системы». Основателями гибридного направления были А. Пнуэли и Д. Харел. Они ввели новый класс гибридных реактивных систем, входящих в состав сложных систем. Разработка гибридных моделей и систем производится с помощью инструментальной системы NuTech.

Направление «гибридные интеллектуальные системы» объединяет ученых и специалистов, исследующих применение не одного, а нескольких методов, как правило, из разных классов, для решения задач управления и проектирования [2. С. 36].

Отметим, что специалисты University of Sunderland (Англия) определяют «гибридные информационные системы» как большие, сложные системы, которые целостно интегрируют знания и традиционную обработку информации. Они могут давать возможность хранить, искать и манипулировать данными, знаниями и традиционными технологиями [2. С. 28].

Отдельные исследователи акцентируют внимание на том, что главной задачей при разработке гибридных систем является наилучшее сочетание различных методов и соответствующая обработка знаний в процессе принятия решений [10. С. 99].

При этом приводятся примеры сочетания интеллектуальных технологий при создании гибридных систем:

- нейронные сети + нечеткие системы - нейронные сети создают функции принадлежности и правила для нечетких систем; нечеткие системы расширяют возможности нейронных сетей, делая возможным понимание выводов, сделанных нейронными сетями;
- нечеткие системы + генетические алгоритмы - генетические алгоритмы оптимизируют нечеткие правила нечетких систем и ищут функции принадлежности;
- нейронные сети + генетические алгоритмы - генетические алгоритмы оптимизируют нейронные сети; нейронные сети выбирают релевантные входы для генетических алгоритмов;
- экспертизные системы + генетические алгоритмы - генетические алгоритмы ис-

пользуют правила, выработанные экспертной системой, как основу для поиска оптимальных решений [5. С. 155].

Часто гибридные интеллектуальные системы делят условно на три класса:

1. Гибридные системы с функциональным замещением, в которых используется одна модель. В этой модели один из элементов замещается другой моделью (например, пересчет весовых коэффициентов в нейронной сети с помощью генетического алгоритма или подбор функций принадлежности для нечетких систем с помощью генетического алгоритма).

2. Гибридные системы с взаимодействием, в которых используются независимые модули, обменивающиеся информацией и выполняющие различные функции с целью получения совместного решения.

3. Полиморфные гибридные системы, в которых одна модель используется для имитации функционирования других моделей (например, распределение с помощью цепи правил можно моделировать с помощью нейронной сети) [2. С. 51].

Примером таких моделей являются модели, построенные на базе метода клеточных автоматов и агентных моделей. Ряд ученых считает, что их можно использовать для региональных исследований, в том числе для изучения систем градостроительной инфраструктуры, в том числе для изучения систем городской инфраструктуры, используя в качестве базового математического аппарата объединение методологий теории нечетких множеств, нейронных сетей, генетических алгоритмов и других методов моделирования, что в конечном итоге формирует условия для использования в системе градостроительной деятельности «мягких вычислений», для которых характерна терпимость к неточности, неопределенности и частичной истинности, которая позволяет достичь низкой стоимости решения, легкости обработки, лучшей согласованности с реальностью [10, 15].

Комбинация методов мягких вычислений, аналитических моделей, методов моделирования предназначена для их взаимного дополнения при решении сложных, слабоструктурированных или неструктурированных задач, для решения трудноформализованных проблем или проблем, которые вообще невозможно формализовать.

Нечеткие системы позволяют работать с приблизительными (неточными) данными, приближенными размышлениями, выполнять вычисления с верbalными опи-

саниями. Нейронные сети могут учиться и адаптироваться к изменениям, выполнять операции классификации, кластеризации, распознавания образов, а генетические алгоритмы позволяют находить оптимальные значения параметров градостроительных объектов.

В результате формируется схема интеграции, которая должна решать следующие задачи системы:

- придавать нейронным сетям способность объяснять полученные результаты;
- учитывать нечеткость, неточность, неполноту представления знаний и немонотонный характер вывода;
- снижать субъективность представления знаний (функций принадлежности и нечетких правил) посредством настройки на объективные данные;
- оптимизировать базу знаний за счет эволюционного моделирования [7].

Нельзя не согласиться с Е.И. Костиной в том плане, что использование многомодельных систем является важным и эффективным инструментом при решении проблем развития городов, в частности позволит по-

высить уровень принятия управленческих решений, лучше оценивать качество экономической политики [6. С. 44]. Считаем, что многомодельные системы можно использовать и при обосновании развития городской инфраструктуры, а также при принятии решений относительно путей стратегического развития городов.

В то же время, как считают ученые, главная задача при разработке гибридных систем состоит в том, чтобы наилучшим образом сочетать разные формы представления и методы обработки знаний в процессе принятия решений с использованием искусственного интеллекта, способного функционировать как система нечеткого вывода, создаваясь не с помощью инженерии знаний, а посредством обучения по образцам. Эти системы позволяют моделировать логические и аналоговые процессы при решении интеллектуальных задач [2. С. 71].

По другой классификации по типам архитектуры многомодельные системы делятся на следующие способы формирования многомодельной архитектуры (табл. 1).

Таблица 1 – Средства формирования архитектуры [4. С. 111-112]

Архитектура многомодельной системы	Определение модели
	Комбинированная модель – модель, которая подразумевает интеграцию различных систем, представляющих как формализованные, так и неформализованные знания. Процесс формирования модели иерархичен.
	Интегрированная модель – модель, предполагающая, что один из модулей является доминирующим, и в зависимости от текущих условий он выбирает для функционирования те или иные модули.
	Объединенная модель – модель, которая предполагает, что исходные модели теряют свою автономность и из них формируется новая система с общим выходом.
	Ассоциативная модель – модель, предполагающая, что модули, входящие в состав такой системы, могут работать как автономно, так и в интеграции с другими.
	Доска объявлений – модель, предполагающая, что решение формируется в некоторой глобально доступной структуре; знания о предметной области разделены между независимыми источниками знаний, работающими под управлением планировщика

Процесс создания многомодельных систем предполагает два основных подхода.

Первый подход предполагает, что одна и та же задача может быть решена несколькими известными методами, и вычисления, начиная с некоторого шага алгоритма, могут быть продолжены тем или иным способом. При таком подходе информационная технология решения задачи предполагает формирование алгоритма в процессе решения.

Второй подход предполагает, что метод решения задачи неизвестен, однако задача была разбита на несколько подзадач, для каждой из которых известно множество методов решения. Управляющая программа, используя декомпозицию задачи и множество моделей и методов, строит комбинированную модель решения задачи.

База правил систем нечеткого вывода предназначена для формального представления эмпирических знаний или знаний экспертов в проблемной сфере. В системах нечеткого вывода используются правила нечетких продукций, в которых условия и заключения сформулированы в терминах нечетких лингвистических высказываний. База правил нечетких продуктов представляет собой конечное множество правил нечетких продуктов, которое представлено в таком виде:

Таблица 2 – Место информационных технологий в структуре моделирования градостроительной деятельности (составлено по данным [3])

Функциональная подсистема	Задачи управления	Информационная технология
Управление градостроительством		
Нормативное управление	Развитие и эксплуатация жилищного фонда города в целом (срок управления – от 25 лет)	Методы имитационного моделирования, методы экспертных оценок, организационно-технические и организационно-экономические модели
Стратегическое управление	Развитие комплексов объектов, территорий, коммуникационных подсистем (срок управления – 5-10 лет)	Методы имитационного моделирования, методы экспертных оценок, методы исследования операций, нейронные сети
Тактическое управление	Реконструкция и развитие отдельных объектов (срок управления – 1-3 года)	Мягкие модели, исследование операций
Оперативное управление	Эксплуатация отдельных подсистем объекта (срок управления – менее года)	Нейронные сети, нечеткие системы, генетические алгоритмы
Примеры отдельных задач градостроительства		
	Оценка градостроительной стоимости территорий	Аналитические модели, нечеткие множества
	Диагностика технического состояния зданий и сооружений	Нейронные сети, нечеткие системы, генетические алгоритмы
	Исследование градостроительных ситуаций	Имитационные модели, нечеткие системы, факторные модели
	Оценка объектов недвижимости	Статистические модели, нейронные сети

Применение подхода с использованием интеллектуальных информационных систем поддержки принятия решений ис-

пользуется при разработке системы, предназначенной для решения следующих задач:

Правило_1: Если «Условие_1», то «Заключение_1» (F_1)

Правило_2: Если «Условие_2», то «Заключение_2» (F_2)

Правило_N: Если «Условие_N» то «Заключение_N» (F_N)

где F_i – весовой коэффициент соответствующего правила.

Градостроительное развитие города включает в себя решение задач организационного управления, архитектурно-пространственных, инфраструктурных, структурно-функциональных, эколого-рекреационных, технических, городской недвижимости и некоторых других. Специфика градостроительных задач ограничивает применение чисто математических подходов, особенно на этапах планирования.

Качество моделирования увеличивается с улучшением информационного обеспечения процессов градостроительства при применении информационных систем.

Решению отдельных задач отвечают определенные информационные технологии. В таблице 2 представлены варианты применения информационных технологий для решения задач управления градостроительством.

- хранение, обработка и анализ результатов обследования технического состояния зданий;
- определение физического и морального износа строительных объектов;
- проведение технической экспертизы объектов недвижимости;
- выполнение моделирования изменения технического состояния зданий;
- определение окончательного срока надежности эксплуатации построек;
- выполнение планирования управлением техническим состоянием жилищного фонда; определение градостроительной стоимости территорий;
- выполнение оптимизации моделей управления в зависимости от заданных параметров и целей;
- выполнение исследования градостроительных ситуаций;
- анализ и оценка застройки района реконструкции;
- выполнение оценки объектов недвижимости;
- проведение функционального анализа реконструируемой территории района и решение некоторых других задач градостроительства.

В целом, мы можем сказать, что главной задачей при разработке гибридных систем

является наилучшее сочетание различных методов и соответствующая обработка знаний в процессе принятия решений, касающихся различных аспектов градостроительной деятельности.

Заключение

Таким образом, очевидна важность использования гибридных моделей для исследования функционирования и прогнозирования развития градостроительной деятельности и городской инфраструктуры.

Рассмотрены подходы к созданию интеллектуальных информационных систем поддержки принятия решений в градостроительстве, основанные на сочетании аналитических методов и моделей, таких как имитационное моделирование, мягкие вычисления, оптимизационные расчеты с моделями мягких вычислений, такими как нечеткие системы, нейронные сети, генетические алгоритмы решение сложных слабоструктурированных или неструктурных задач.

Создание таких систем позволит повысить уровень принятия управленческих решений в градостроительстве, лучше выполнять оценку качества проводимой градостроительной политики.

Литература:

1. Астанин Д.М. Структурно-функциональный подход как методологическая основа моделирования градостроительной системы территории экологического туризма // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2021. № 9. С. 64-74.
2. Гаврилов А.В. Гибридные интеллектуальные системы. Новосибирск, 2002.
3. Заалишвили В.Б., Кануков А.С. Алгоритм создания информационных систем обеспечения градостроительной деятельности // Сейсмостойкое строительство. Безопасность сооружений. 2013. № 6. С. 19-22.
4. Кануков А.С. Разработка модели и алгоритма построения информационных систем обеспечения градостроительной деятельности: диссертация ... кандидата технических наук. Таганрог, 2015.
5. Колесников А.В., Кириков И.А. Методология и технология решения сложных задач методами функциональных гибридных интеллектуальных систем. М., 2007.
6. Костина Е.И. Цифровая экономика: как составляющая градостроительной политики // Вестник науки. 2018. № 7. С. 40-51.
7. Лютомский Т. Информационное моделирование территорий в мире и в России // Журнал IT News. 2021. № 04. URL: <https://www.it-world.ru>.
8. Макарова К.П., Левина Ю.С., Зарубин О.А., Климов А.Е. Математико-картографическое моделирование плотности застройки городской среды // Научно-технический вестник Брянского государственного университета. 2018. № 7. С. 231-238.
9. Пасхина М.В. Моделирование комплексной устойчивости зданий и сооружений в городской среде средствами ГИС // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. С. 138-144.
10. Самойлова Н.А. Градостроительная инновационная технология: прообраз информационной модели регулирования среды жизнедеятельности // Экология урбанизированных территорий. 2019. № 3. С. 95-107.
11. Сетлак Г. Интеллектуальные системы поддержки принятия решений. К., 2004.

12. Скачкова М.Е., Чудова К.А. Трехмерное моделирование градостроительных условий и ограничений земельного участка // Природообустройство. 2019. № 3. С. 39-48.
13. Ткачук Г.А. Дизайн-моделирование городской среды как объекта восприятия // Интерактивная наука. 2020. № 5. С. 17-20.
14. Шадрина А.В. Градостроительное моделирование развивающихся объектов. URL: <https://nirov-ya-ru.livejournal.com/37960.html>.
15. Barbosa, J.A., Bragança, L., Mateus, R. New approach addressing sustain-ability in urban areas using sustainable city models // International Journal of Sustainable Building Technology and Urban Development. Vol. 5 (4). 2014. P. 297-305.
16. Filatova, T., Parker, D.C, van der Veen, A. Introducing Preference Heterogeneity into a Monocentric Urban Model: an Agent-Based Land Market Model // Environmental Modelling and Software. Vol. 26. 2018. P. 179-190.
17. Price, S.J., Terrington, R.L., Busby, J., Bricker, S., Berry, T. 3D ground-use optimisation for sustainable urban development planning: A case-study from Earls Court, London, UK // Tunnelling and Underground Space Technology. Vol. 81. 2018. P. 144-164.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF INFORMATION MODELING TECHNOLOGY IN URBAN PLANNING

Introduction. For the management of complex urban planning systems, the problems of choosing alternatives and finding effective solutions under conditions of risk and uncertainty in the interaction of many exogenous and endogenous factors are of great theoretical and practical importance. A special place in decision-making is occupied by an integrated approach that allows, based on artificial intelligence models, expert assessment, analytical and computational models, modeling methods and a number of other models and methods, to successfully apply various approaches to decision support, to provide a deeper and more comprehensive account of various factors, their relationship, act in conditions of semi-structured or unstructured information about the control object.

In this regard, the problem of creating integrated intelligent decision support systems based on the theory and principles of hybrid artificial intelligence systems, mathematical modeling methods, system analysis, synthesis of control actions, etc. is relevant.

The purpose of this article is to clarify the conceptual foundations of information modeling technology in urban planning.

Materials and methods. To achieve this goal, the article used methods of problem analysis, synthesis, scientific approaches to solving the stated problem, classification of hybrid models used in information modeling in urban planning. The materials of the article are the works of scientists on the stated issues.

Research results. The article points out that the possibilities of modeling in urban planning are asso-

ciated with the development of hybrid models, which are models that are built using various methods. The author determined that a hybrid intelligent system is a combination of: analytical models, expert systems, artificial neural networks, fuzzy systems, genetic algorithms, simulation statistical models.

The main task in the development of hybrid systems is to best combine different forms of representation and methods of knowledge processing in the decision-making process in the field of urban planning.

Discussion and conclusion. The article substantiates the importance of introducing hybrid models for studying the functioning and forecasting the development of urban infrastructure. Approaches to the creation of intelligent information systems for decision support in urban planning based on a combination of analytical methods and models, such as simulation modeling, computational calculations, optimization calculations with soft computing models, such as fuzzy systems, neural networks, genetic solutions of complex weakly structured or unstructured tasks.

The creation of such systems will increase the level of managerial decision-making in urban planning, better assess the quality of the housing policy being pursued.

Anna M. Korneeva,
Ph.D. applicant of the Department of Asset Management of MGIMO-University, Russia

Ключевые слова:

градостроительство, управлентческое
решение, модель, моделирование,
интеллектуальная система, искусственный
интеллект, цифровые технологии

Keywords:

urban planning, management decision,
model, simulation, intelligent system, artificial
intelligence, digital technologies

References:

1. Astanin, D.M., 2021. Strukturno-funktional'nyy podkhod kak metodologicheskaya osnova modelirovaniya gradostroitel'noy sistemy territorii ekologicheskogo turizma [Structural-functional approach as a methodological basis for modeling the urban planning system of the territory of ecological tourism]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova* [Bulletin of the Shukhov Belgorod State Technological University]. No. 9. P. 64-74.
2. Gavrilov, A.V., 2002. Gibridnyye intellektual'nyye sistemy [Hybrid intelligent systems]. Novosibirsk.
3. Zaalishvili, V.B., Kanukov, A.S., 2013. Algoritm sozdaniya informatsionnykh sistem obespecheniya gradostroitel'noy deyatel'nosti [Algorithm for creating information systems for urban planning]. *Sejsmostojkoe stroitel'stvo. Bezopasnost' sooruzhenij* [Seismic construction. Building safety]. No. 6. P. 19-22.
4. Kanukov, A.S., 2015. Razrabotka modeli i algoritma postroyeniya informatsionnykh sistem obespecheniya gradostroitel'noy deyatel'nosti [Development of a model and algorithm for building information systems for urban planning]: dissertation ... candidate of technical sciences. Taganrog.
5. Kolesnikov, A.V., Kirikov I.A., 2007. Metodologiya i tekhnologiya resheniya slozhnykh zadach metodami funktsional'nykh gibridnykh intellektual'nykh sistem [Methodology and technology for solving complex problems using functional hybrid intelligent systems]. Moscow.
6. Kostina, E.I., 2018. Tsifrovaya ekonomika: kak sostavlyayushchaya gradostroitel'noy politiki [Digital economy: as a component of urban policy]. *Vestnik nauki* [Science Bulletin]. No. 7. S. 40-51.
7. Lyutomsky, T., 2021. Informatsionnoye modelirovaniye territoriy v mire i v Rossii [Information modeling of territories in the world and in Russia]. *Journal of IT News*. No. 04. URL: https://www.it-world.ru/it-news/tech/170530.html?yscl_id=llz5wtviewj892599273.
8. Makarova, K.P., Levina, Yu.S., Zarubin, O.A., Klimov, A.E., 2018. Matematiko-kartograficheskoye modelirovaniye plotnosti zastroyki gorodskoy sredy [Mathematical-cartographic modeling of urban environment density]. *Nauchno-tehnicheskij vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific and technical bulletin of the Bryansk State University]. No. 7. P. 231-238.
9. Paskhina, M.V., 2011. Modelirovaniye kompleksnoy ustoychivosti zdaniy i sooruzheniy v gorodskoy srede sredstvami GIS [Modeling the complex sustainability of buildings and structures in the urban environment by means of GIS]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 3. P. 138-144.
10. Samoilova, N.A., 2019. Gradostroitel'naya innovatsionnaya tekhnologiya: proobraz informatsionnoy modeli regulirovaniya sredy zhiznedeyatel'nosti [Urban planning innovative technology: a prototype of the information model for regulating the environment of life]. *Ekologiya urbanizirovannyh territorij* [Ecology of Urbanized Territories]. No. 3. P. 95-107.
11. Setlak, G., 2004. Intelletual'nyye sistemy podderzhki prinyatiya resheniy [Intelligent decision support systems].
12. Skachkova, M.E., Chudova, K.A., 2019. Trekhmernoye modelirovaniye gradostroitel'nykh uslovij i ograniceniy zemel'nogo uchastka [Three-dimensional modeling of town-planning conditions and restrictions of the land plot]. *Prirodoobustrojstvo* [Environment Engineering]. No. 3. P. 39-48.
13. Tkachuk, G.A., 2020. Dizayn-modelirovaniye gorodskoy sredy kak ob'yekta vospriyatiya [Design modeling of the urban environment as an object of perception]. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science]. No. 5. P. 17-20.
14. Shadrina, A.V., 2014. Gradostroitel'noye modelirovaniye razvivayushchikhsya ob'yektov [Urban modeling of developing objects]. URL: <https://nirov-ya-ru.livejournal.com/37960.html>.
15. Barbosa, J.A., Bragança, L., Mateus, R., 2014. New approach addressing sustainability in urban areas using sustainable city models. *International Journal of Sustainable Building Technology and Urban Development*. Vol. 5 (4). P. 297-305.
16. Filatova, T., Parker, D.C., van der Veen, A., 2018. Introducing Preference Heterogeneity into a Monocentric Urban Model: an Agent-Based Land Market Model. *Environmental Modeling and Software*. Vol. 26. P. 179-190.
17. Price, S.J., Terrington, R.L., Busby, J., Bricker, S., Berry, T., 2018. 3D ground-use optimization for sustainable urban development planning: A case-study from Earls Court, London, UK. *Tunneling and Underground Space Technology*. Vol. 81. P. 144-164.

**ФАКУЛЬТЕТ УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ПОДГОТОВКУ
БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЯМ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ», «ПОЛИТОЛОГИЯ» И
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ».**

Выпускники факультета получат уникальные знания и профессиональные навыки в области управления, политики и международных отношений. Профильная специализация студентов включает такие аспекты, как право, администрирование, государственная и муниципальная служба, управление имущественными комплексами, сфера публичной политики, регулирование политических конфликтов, лоббизм, связи с государственными органами в корпорациях и мировые политические процессы. Особое внимание и время уделяется изучению студентами двух и более иностранных языков.

Факультет готовит специалистов, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности: в органах власти и управления, в государственных корпорациях, на дипломатической и консульской службе, в международных организациях, а также в частных компаниях.

Программы бакалавриата:

Государственное и муниципальное управление

- Управление международными проектами
- Цифровое государственное управление
- Государственное управление большими данными
- Управление региональными проектами (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Политология

- Технологии публичной политики
- Государственная политика
- Политические системы стран мира
- Национальная и региональная политика (реализуется в МГИМО-Одинцово)

Международные отношения

- Мировая политика
- Международная безопасность

Магистерские программы:

Государственное управление

- Управление «умными городами»
- Управление в государственных корпорациях
- Управление человеческими ресурсами

Государственные и корпоративные стратегии

- GR и бизнес-дипломатия
- Оборонная политика и управление ВПК

Международный политический консалтинг

Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов

Телефон для справок:
(495) 229-54-37

Вниманию авторов журнала:

Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения в журнале «Право и управление. XXI век» заключается в устной форме (согласно п. 2 статьи 1286 четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

Использование произведения включает в себя также размещение произведения в соответствующих (научных и библиотечных) электронных базах данных.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке.

Зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-72205 от 24.01.2018 г.

Адрес издателя:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Адрес редакции:
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тел.: (495) 234-83-58
E-mail: mgimo.pravo@mail.ru

Напечатано в Отделе ОП и МТ МГИМО МИД России
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,13.
Подписано в печать 07.10.2023 г.
Тираж 1100 экз. 1-ый завод 50 экз. Заказ № 1164

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы
в других изданиях только с разрешения редакции,
при этом ссылка на журнал «Право и управление. XXI век»
обязательна